

Исхак МАШБАШ

**Живи,
добро верши**

Стихотворения, поэмы

Перевод с адыгского

ООО «Качество»
Майкоп
2017

УДК
ББК
М 00

Машбаш И. Ш.

М 00 Живи, добро верши. Стихотворения, поэмы.—
Майкоп: ООО «Качество», 2017.— 448 с.

Исхак Машбаш прочно вошел в многонациональную российскую литературу.

Гражданско-философская поэзия Исхака Машбаша, народного писателя Республики Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской премии им. Шолохова, Международной адыгской (черкесской) премии, глубоко современна и национальна.

В эту книгу стихов и поэм включено лучшее из созданного поэтом за многолетнюю творческую деятельность.

Автор выражает глубокую благодарность

Мурату Хапсирокову
за оказание финансовой помощи
в издании этой книги

© ООО «Качество», 2017

СЧАСТЛИВ ОТ МОЛОДОСТИ

Всегда приятно вспомнить молодость, свою ли, друзей, со товарищей по литературным делам, вспомнить и удивиться содеянному в те годы бурной жизни.

Мой друг, выдающийся адыгэ-черкес Исхак Машбаш, из тех счастливых лет молодости. Я помню его с середины 50-х годов, когда он был студентом Литературного института. Жена моя, Наталья Петровна Кончаловская, углядела в этом молодом человеке очень талантливое поэта. Выбор ее был счастливым. И я рекомендовал Исхака Машбаша в Союз писателей.

За эти годы, не расставаясь с поэзией, Машбаш стал крупным романистом. Его взгляд на историю России и собственного адыгэ-черкесского народа обрел историческую правду, достоверность и яркую художественность.

Его гражданская позиция всегда отличается мужественностью и деловитостью, углубленным взглядом в непростые национальные и интернациональные отношения. Из него получился настоящий, стойкий державник, переживающий за судьбу России и ее многоязыких народов. Жизненная

мудрость дает ему возможность тонко и многозначно проявлять себя в сложной государственной и общественной политике.

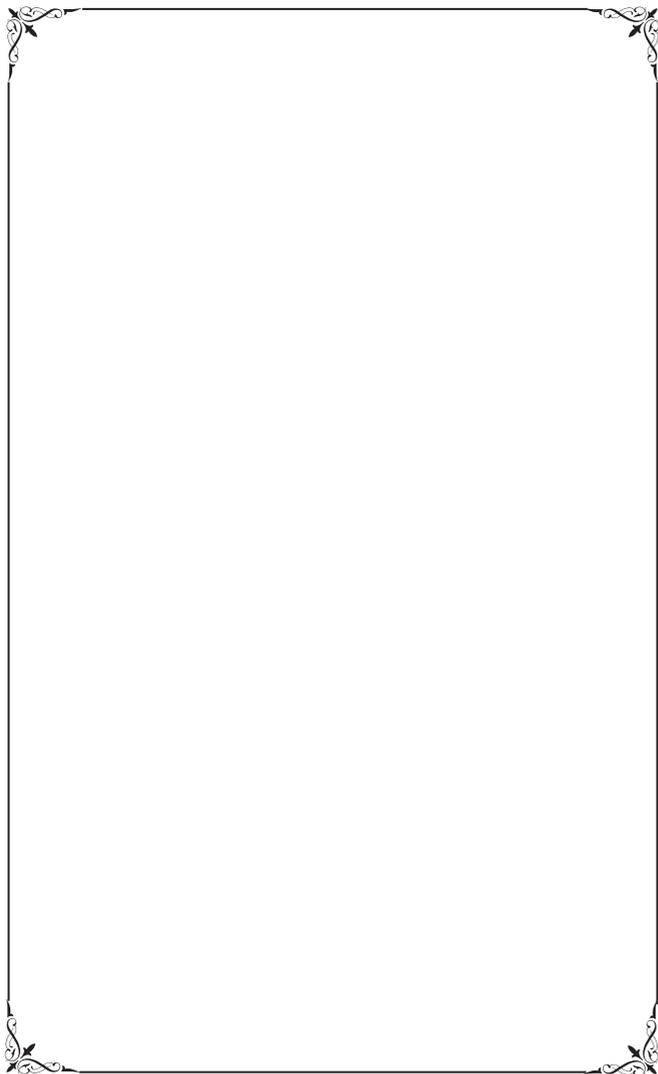
Исхак Машбаш один из глубокоуважаемых деятелей Союза писателей России и Международного Сообщества Писательских Союзов. Его жизненный и духовный авторитет давно снискал доброе признание среди русских и национальных писателей. Он достойно стоит в ряду своих талантливых предшественников и современников – Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Мустая Карима, Давида Кугультинова. И по-прежнему отличается неукротимой энергичностью, живостью поэтического дара, жизнелюбием.

О хорошем и высоком всегда легко писать и говорить. Это доставляет радость и удовлетворение, это всегда возвращает к счастливым годам молодости и творчества.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ,
Апрель 2001 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭЗИЯ – РАДОСТЬ МОЯ

Откуда эта музыка во мне?
И эти крылья – два моих крыла?
Откуда эта тяга к высоте
И эта гордость горного орла?

И там, в душе, – то радость, то печаль
Без края, без начал, без берегов?
Быть может, это белая печать
Моих недостижимых снегов...

Я столько раз смотрел из-под руки –
Вершины были слишком высоки.
Снега слепили, и обвал гремел.
И я найти дороги не умел.

А кто-то поднимался по тропе
К своей вершине и своей судьбе.
Как долго я искал свое начало!
Как долго я понять его не мог!

И эхо мне мой голос возвращало,
И скалы уходили из-под ног.
Но голос мой ущелья облетал
И мудрость вашу, горы, обретал.

Я научился с ветром говорить.
Я научился грома не бояться.
И стало сердце плакать и смеяться
И людям удивление дарить.

И небо мне открыли два крыла.
И так незащищенно подо мною,
Задумавшись над миром и войною,
Планета поделенная легла.

И что-то в душу хлынуло тогда
Неумолимо, как снега в обвале.
И появились радость и беда.
...И все это поэзией назвали.

ТЫ МОЕ СЕРДЦЕ

Кто смог бы научить меня – не знаю –
Словам той самой трудной простоты,
Чтоб рассказать тебе, какая ты,
Страна моя, земля моя родная!

Ты – это голубые вены рек,
Ты – это белый заполярный снег,
Ты – это степь, что от ветров горька
И, как ладонь, добра и широка.

Ты – это созревающее лето
И осень – время грустной доброты.
И красный флаг, взлетевший над планетой,
И гроздь рябины красной – тоже ты.

Кто смог бы научить меня – не знаю –
Словам той самой трудной простоты,
Чтоб рассказать тебе, какая ты,
Страна моя, земля моя родная!

Ты – птица в бесконечном небе этом.
И первый сноп. И теплые дожди.
Ты – это яблоко, налившееся светом.
Еще ты – сердце у меня в груди.

Ты гор моих разноязычный говор
И тот язык, который нас роднит.
Но ты – и губы, сжатые сурово,
И память, обращенная в гранит.

Ты – молчаливость сел, войной сожженных,
И День Победы памятной весны.
И ждущие седеющие жены,
И те, что не придут с войны.

Ты – это все, что для меня сбывалось.
Ты – это все, что будет впереди.
И как бы ты еще ни называлась,
Ты – это сердце у меня в груди.

ЗЕМЛЯ

Я так давно крестьянин. Так давно!
Все борозды земли – мои морщинки.
Мне всю ее, до маленькой песчинки,
Познать руками сильными дано.

Она – мое земное бытие,
Она – моя судьба, мое начало.
И мне все чаще кажется ночами,
Что я, как колос, вырос из нее.

Все остальное было наяву,
Ничто на ней меня не миновало.
Она меня собою закрывала,
Когда я мертвым падал на траву.

Она – мой мир. Она – моя война.
Она – моя любовь, моя забота.
И солью моего седьмого пота,
Как трудный хлеб, посолена она.

Я помню каждый камешек в земле.
Я знаю каждый шрам ее на память.
А как она, распаханная, пахнет!
Как теплая коврига на столе.

Мои ладони грубые добры.
Мои ладони без земли томятся.
А там – как зерна – в глубине таятся
Невызревшие песни до поры.

Я столько лет крестьянин. Столько лет!
Я врос в нее незримыми корнями.
Я поднимаю горсть земли, как знамя:
Я – человек. Я – пахарь. Я – поэт.

ПАХАРЮ, СЕЯТЕЛЮ

Да будет солнце, пахарь,
Над полем и над домом!
Да будет соль работы
Спине твоей знакома!

Да будет твердь земная
Ногам твоим опора,
А борозда за плугом
Окончится не скоро!

И разве больно пашне, –
Ведь нет прекрасней боли! –
Когда отрежет лемех
Душистый пласт от поля?

Ты сеятель! Иди же,
Земную плоть тревожа.
Пусть будет с песней доброй
Твоя работа схожа.

Зерном обрадуй землю –
Ей ждать с надеждой хватит!
И щедростью за это
Она тебе заплатит.

Прекрасно ожиданье,
И завязь – словно тайна.
Но колосом за это
Воздастся не случайно.

Да будет, жнец, наградой
Тебе людская радость:
Как пахнет свежим хлебом
Под этим вечным небом!

СТО ПЕРВАЯ ГОРА

Не думал я, что так земля огромна,
Не думал я, что так она добра.
Не думал я, что за ущельем темным,
За сотней гор – сто первая гора.

Я горец. Я привык к седлу и скалам,
И к маленькому отчему гнезду.
Не думал я, что, здесь беря начало,
Я по земле когда-нибудь пройду.

По рекам проплыву, по облакам,
По белой тундре прогоню оленей
И под Москвой в березовой аллее
Открою душу пушкинским стихам.

А так давно ли детство постигало,
Что мир не прост и что земля кругла?
И от аула тропка убегала –
Она началом Родины была.

Я был богат всего одной рекою,
Теперь их сотни, быстрых, у меня.
Я о сестре всегда мечтал с тоскою,
Теперь их сотни, добрых, у меня.

А были в мире и снега, и ливни,
Но мне всегда хватало теплоты,
И если стал я сильным и счастливым,
Все потому, что у меня есть ты.

Я одолел далеких рек изгибы,
Ходил по облакам и мерз у льдин.
О, щедрая земля моя, спасибо
За то, что у тебя я не один!

ДОБРЫЙ ГОЛОС ТВОЙ

Спой мне песню. Песню неба,
Солнца и зерна.
Песню зреющего хлеба,
Светлого вина.

О былом и настоящем
Тихо-тихо спой.
Пусть взойдет над миром спящим
Добрый голос твой.

Спой мне так, чтобы кого-то
Обошла беда.
Чтобы схлынули заботы,
Словно с гор вода.

Чтобы ветки закачались
От чужих дождей.
Чтобы войны не встречались
На пути людей.

Спой мне песню лесорубов,
Торопливых пил,
Песню срубленного дуба,
Рухнувшего в пыль.

Ни о чем молчать не надо:
Даже добрым днем
Горе ходит с нами рядом.
Не забудь о нем.

Спой про вечную разлуку
Ближих берегов.
Про мосты. Про верность другу.
Про моих врагов.

О былом и настоящем
Тихо-тихо спой.
Пусть взойдет над миром спящим
Добрый голос твой.

СВЕТ

Не к свету ли спешит издалека
Сквозь все ущелья горная река?

Не к свету ль прорывается зерно
Из борозды, где душно и темно?

А яблоня у дома, у окна?
Туда, где солнце, тянется она.

И сквозь туннели мчатся поезда
Туда, где свет, и снова даль – туда!

Порой и камень светел – разве нет?
В нем руки мастера рождают свет.

И даже солнце оттого светло,
Что знает, для чего оно возшло.

ДВИЖЕНИЕ

Капля росы, что упала с цветка,
Солнечный луч, что пробил облака,
Дым над трубой и ручей на скале –
Зря ли в движении все на Земле?

Камню – и то беспокойство знакомо:
Хочется в стену растущего дома!
Хочется высохшей ветке сгореть,
Только, сгорая, кого-то согреть.

Снег, или дождь, или эта река,
Что начинает свой путь с ледника,
Ветер в ущельи и всадник в седле –
Зря ли в движении все на Земле?

Тянутся, тянутся – разве случайно? –
Дерево к солнцу, а молодость к тайнам.
Вот мы и рвемся из отчего дома
К той стороне, что еще не знакома.

Мысль, что спешит обернуться строкою,
Дом, что растет под твоею рукою,
И обогнавшая время мечта –
В вечном движении все неспроста.

Жизнь моя, длись, никогда не кончайся,
И новизною ко мне возвращайся:
Дальней улыбкой и близкой звездой,
Новым дождем и травой молодой.

Пусть продолжается снова и снова
Это кружение шара земного.
Пусть, нарастая и убывая,
Жизнь продолжается, не остывая!

ОЖИДАНИЕ

Опять я живу ожиданьем того, что случится,
Живу ожиданьем обычного дня или чуда.
Прекрасно сегодня – за это могу поручиться,
Но завтра прекрасней! Оно неизвестно покуда.

Опять я письмо получил из аула родного,
И словно пахло спокойствием отчего дома.
От брата письмо, где событие – каждое слово,
Все это крестьянскому сердцу знакомо:

Что в кузне колхозной работа весной закипела,
Что к осени поле такие хлеба обещало!
Что речка веселая, та, что под окнами пела,
Опять замолчала – совсем без меня заскучала...

И я повторяю слова, что не сказаны мною,
Не сказаны вслух, но в сердце они не смолкают:
Я накрепко связан с родною моею стороною.
Я счастлив, что есть на земле этой вечной такая!

Прекрасно сегодня – за это могу поручиться,
Но завтра прекрасней! Оно же по-новому ново.
Опять я живу ожиданьем того, что случится,
Пусть это не чудо, а просто хорошее слово.

А если недобрым окажется день для кого-то,
И солнце совсем не таким, как вначале, –
Вы станьте моими, чужие печаль и забота!
Я с детства запомнил: чужой не бывает печали.

А жизнь – ожиданье. И чуда, и доброго дела.
Не зря в неизвестность открыты все двери.
Пока мы выросли – и наша планета выросла.
Мы ждем наше завтра, в свое ожидание веря!

ДОБРЫЕ СЛОВА

В пору жатвы зерно на ладони держу –
Как я доброго слова о том не скажу?

Первый снег я увижу в рассветном окне –
Разве доброе слово не вспомнится мне?

Вот впервые птенец полетел из гнезда –
Разве доброе слово не скажешь тогда?

Вот на свет человек всем на радость рожден –
Добрим словом недаром встречается он.

Может, жизнь потому не имеет конца,
Что для доброго слова открыты сердца?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Так сложен мир и прост,
Как дни и времена,
Как лето и зима,
Как осень и весна.

Сплетутся ночь и день,
Сольются свет и тень,
Столкнутся я и ты –
Вот сложность простоты!

Урок или упрек?
Враги или друзья?
Ты запад, я восток,
Ты юг, а север я.

Живут земля и град,
Друг друга не терпя.
Я град, а ты мой сад,
Но я люблю тебя!

Нам поровну дано
Уметь и не уметь.
И есть уже давно
Для каждой жизни смерть.

Для каждой пули – цель.
Но прост ли белый свет? –
За каждой из потерь
Достаточно побед!

И снова – «да» и «нет»,
Потом или теперь...
За каждой из побед –
Достаточно потерь.

Есть слава – проиграть
И слава – обрести.
Есть право выбирать
И право не найти.

Но выберу я день
Меж ночью и меж днем,
Но выберу огонь
Меж тленьем и огнем!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Все продолжается, все продолжается,
Новые всходы землю рождают.
Доброе дело молвою умножено,
Все продолжается, как и положено.

Встанет обрыв перед старой тропкою –
Не торопись же смириться с судьбою.
Рядом тропинка, что станет дорогою
Там, за обрывами, там, за отрогами.

Кажется: вот и стоишь ты у края,
Где остывает заря, догорая.
Вот горизонт – а рука не дотянется:
Все ж высота высотой останется!

Вечен порядок: весна за зимою,
День за рассветом и солнце за тьмою.
Но лежебока, что солнце не встретил,
День упустил и весну не заметил.

Рядом удача, да не за воротами –
За перевалами, за поворотами.
Камень лежачий водой не омоется.
Только идущему дали откроются.

Вот и выходит, что жизнь в продолжении,
В поиске вечном и вечном движении.
Что в нас с тобою судьбою заложено?
Все продолжается – так и положено!

ГОВОРИ СО МНОЙ

Ты говори со мной,
Ты говори, трава,
Из глубины земной
Растут твои слова.

И в дни надежд – весной,
И в пору всех утрат
Ты говори со мной,
Как с братом говорят.

То слабостью сильна,
То силою взрывной –
Травиночка одна
Пробила шар земной!

Нужны мне те слова,
Что всех иных верней.
Деревья и трава
Их знают от корней.

Ты, дерево, резной
Листою не шуми –
Ты говори со мной.
Ты боль мою возьми.

Ведь силы нет живей,
Глубинней силы нет,
Чем та, что от ветвей
Исходит, словно свет!

Ты говори со мной,
Высокая гора,
О твердости земной,
О стойкости добра.

И завтра, и вчера,
Беде наперекор,
Гора, моя сестра,
Прочнее всех опор!

Ты говори, ручей
С вершины снеговой.
Глотнуть твоих речей –
Глотнуть воды живой.

Собою исцели,
Наполни, поведи,
Как реку, что вдали.
Как жизнь, что впереди.

РАДОСТЬ УДИВЛЕНИЯ

Говоришь, я на мир удивленно смотрю?
Просто я эту жизнь ни за что не корю.

Доверяю я солнцу и в пасмурный день,
А в жару я ветвям благодарен за тень.

Жизнь во все времена и проста, и сложна,
Только нас не сложнее и не проще она.

Ты живи, удивляясь тому, что живешь,
И увидишь, как мир этот светлый хорош!

Сквозь цветные стекляшки на мир не смотри,
Разглядеть не сумеешь того, что внутри,

Лишь открытому взору откроется суть,
Эту мудрость нехитрую ты не забудь.

Посмотри – добрый дождь принесли облака,
Посмотри, как прозрачна вода родника.

Посмотри, как снега на вершинах чисты, –
Это все и зовешь удивлением ты.

Хоть вершины белы – не заносчив их свет,
И у гор невысоких к ним зависти нет.

И скала терпелива, и этим мудра –
Вот для видящих зорко уроки добра!

Так смотри же на мир, удивляясь всему:
Свету звезд, что пробьет и полночную тьму,

И метелям, что делают лето теплей,
И весне – обещанию щедрых полей.

МОСТЫ

Как хорошо, что в мире есть мосты,
Высокие и низкие мосты,
Далекие и близкие мосты, –
Из щедрости они и доброты:

От сердца к сердцу, от страны к стране,
От солнца к солнцу, от тебя ко мне,
Над горем, над ущельем, над рекою,
Над миром, над любовью и тоскою.

Посредники тоскующих сторон,
Соединенье берегов грустящих.
О, сколько их, над пропастью летящих,
Лежащих между теми, кто влюблен!

Лежат одни в смущенье оробелом,
Встают другие смело и светло.
О, сколько их на этом свете белом,
Невидимых и видимых, легло!

По ним летят куда-то поезда,
По ним стучат горячие копыта,
Как много было ими пережито:
Любая наша радость и беда.

Мосты между грядущим и вчерашним,
И те мосты, что встретятся в пути...
Мостам висеть над пропастью не страшно,
А мы по ним боимся перейти.

Как хорошо, что в мире есть мосты,
Высокие и низкие мосты,
Далекие и близкие мосты, –
Из щедрости они и доброты.

А может, это люди, или боги,
Чтоб не кончались добрые дороги,
Чтоб нас вели надежды и мечты,
Из ясных радуг сделали мосты?

СВЕТЛОЕ ИМЯ ТВОЕ

Взял я имя твое у рассветной звезды,
Взял у речки степной, у спокойной воды.
И само обернулось оно для меня
Светлым утром, порогом весеннего дня.

Взял я имя твое у долины в цвету
И у неба, открывшего мне высоту.
А еще в нем такая отрада была –
Материнского взгляда, родного тепла!

Распустились цветы, и с кипучих ветвей
Подарили мне светлое имя твое.
И упавшие косы любимой моей
Подарили мне светлое имя твое!

Взял я имя твое и у лунных лучей,
Что дорожкой легли на уступы волны,
У далеких сияний, у белых ночей,
У кавказских гор, у самой тишины.

Там, где Вечный огонь и где память жива,
Где порой не нужны никакие слова,
Возле скорбных цветов и гордых знамен,
Взял я имя твое у геройских имен.

Космонавты твои возвратились домой –
Эта радость напомнила имя твое.
В сердце гордость взметнулась волной голубой,
Твое светлое имя – планеты покой!

Абдзехской долиной, где спеют сады,
Отчим краем, и домом, в котором живу,
И бессмертьем рубинов Кремлевской звезды –
Так я светлое имя твое назову!

СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ

Дождь проснулся. И скользнул по веткам –
По зеленым поднятым рукам.
Захотелось стать мне синим ветром,
Чтоб умчаться к белым облакам.

Захотелось стать мне солнцем алым,
Чтоб, сгорев, упасть за перевал.
Никогда такого не бывало...
Это, видно, дождь наколдовал.

Это, видно, дождь всему виною:
Там, где раньше плыли облака,
Расплескалась в небе надо мною
Новая неясная тоска.

А в начале улицы соседней
Дуб из-под насупленных бровей
Смотрит на дождевики-непоседы,
Страхивая капельки с ветвей.

Старый дуб, ты из какого века,
И откуда шрамы по груди?
Ты свои морщинистые ветки
В глубь моих раздумий погрузи.

И скрипит он, ветками кивая,
Голову согласно наклоня...
Может, эта мудрость вековая
Из тебя перетечет в меня?

Нет, я слишком мало жил на свете,
Мудрость моя где-то впереди.
Знаешь, у тебя на каждой ветке
Песня, словно иволга, сидит.

Спой мне песню! Древнюю такую...
Ты ее однажды мне певал.
Отчего я так по ней тоскую?
Может, это дождь наколдовал?

Может, это дождь всему виною?
Высота бездонна и легка.
И плывет, качаясь, надо мною
В небе распростертая тоска...

У КАЖДОГО СВОЯ УЛЫБКА

Шагают люди – ночью или днем –
И по шоссе, и по тропинке гибкой.
Но и у тех, кто шел одним путем, –
У каждого из них своя улыбка.

Как от улыбок светел день весенний!
А как хлеба глядят в лицо земли!..
У дружбы – песни, что в сердцах взошли.
А у вражды – свои глухие тени.

Улыбчив огнедышащий костер,
Всевидящи глаза людского сердца.
А пули взгляд, нацеленный в пришельца,
По-своему безжалостно остер.

А как печален человека взгляд,
Умолкший в пустоте чужого неба!
И мать уж в одиночестве ослепла –
Но вдаль глаза тревожные глядят.

И у реки спокойной, и у моря
Свой взгляд на берег, на небес простор.
Свое лицо у тех высоких гор,
Свое лицо у радости и горя.

У мертвого, живого – у всего
Свое неповторимое обличье:
У моря и у дерева – величье,
У человека – доброта его.

Но все Земля в себе соединила,
Чтоб нам, живущим, до конца отдать:
И мужество, и доброту, и силу –
И солнечной улыбкою сиять.

ЖИВИ, ДОБРО ВЕРШИ

Сказал мудрец: живи, добро верши,
Да ждать наград за это не спеши.

Не зря у нас в народе повелось:
«Ты сотвори добро и в реку брось».

Простая эта истина мудра:
Не вспоминай свершенного добра!

Зато за щедрость в маленьком глотке
Будь благодарен каждый день реке.

ПЕРВОПРОХОДЦАМ

Прекрасна доля вожака,
Трудна судьба первопроходца.
Начнется каплей с ледника
Ручей. И к морю он пробьется!

Долби же, капелька, скалу,
Терпи, преграды прорывая,
Пускай сквозь каменную мглу,
Смеясь, течет вода живая.

Откуда морю знать о том,
Вбирая синь воды и света,
Каким путем, с каким трудом
Пришла к нему прохлада эта?

Взгляни на журавлиный клин,
Что в небе тает, улетаю:
Там, впереди, вожак – один,
Ведущий за собою стаю.

Надежных крыл свободный взмах,
За всех в ответе эта птица.
И остальным неведом страх,
Им с вожаком с пути не сбиться.

А тот солдат, над кем звезда
Горит, вовеки не сгорая?
Он тоже первым был тогда,
В атаке, на переднем крае.

Ему уже не встать с земли,
И матери не встретить сына.
Но те, что с ним в атаку шли,
Дошли с победой до Берлина!

И если ты – один за всех,
Ты не забудешь строки эти.
Как на скале, где лед и снег,
Ты первый за тропу в ответе.

Ты примешь все – добро и зло,
Ты – первый, страх тебе неведом.
Ведь если первым тяжело –
Легко другим, идущим следом.

ИДУЩИМ ЗА ГОРИЗОНТ

Сколько разных дорог пролегло по земле!
И как много людей беспокойных на свете!
Я о тех, кто рассветы встречает в седле,
Я о тех, обгоняющих солнце и ветер.

Этим утром я думаю снова о вас,
Космонавты и всадники, люди дороги.
Не для вас ли звезда, как надежда, зажглась,
И мечта в ожиданье стоит на пороге?

Озаряется путь вам высокой звездой,
Вы идете вперед, не надеясь на случай.
Альпинисты на взятой вершине крутой
Так мечтают о новой, которая круче!

– В добрый путь! – говорю я простые слова. –
Путь порой непростой и порою далекий... –
Как спешит, пробивается к солнцу трава,
Так торопятся к людям и песни, и строки!

Будят землю ручьи молодые весной,
Позывные торопятся к чутким антеннам.
И мальчишка бежит по тропинке лесной,
И идут сталевары к горячим мартенам.

«В добрый путь! И в высокий полет!»
Пусть он станет открытием и озареньем.
...Но оружие кто-то в дорогу берет –
Посмотрю ему вслед я молча с презреньем.

Пусть собьется с пути, вспоминая мой взгляд,
Пусть отстанет, сбивая усталые ноги,
И, оружие бросив, шагает назад,
Проклиная дороги... Но – злые дороги!

Сколько светлых дорог пролегло по земле!
И как много людей беспокойных на свете!
Я о тех, обгоняющих солнце и ветер,
Я о тех, кто рассветы встречает в седле.

МНЕ НРАВЯТСЯ СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Мне нравятся сильные духом и телом.
Да будет удача им, гордым и смелым!

Но сильным на свете не каждый рождается,
И слабых за это корить не годится!

Мне нравятся реки с крутою волною,
Что с силою льдины ломают весною.

Мне нравятся скалы, что молча застыли,
Завидовал мудрой их силе не ты ли?

Валун, о который разбился бы молот,
Всего лишь травинкою хрупкой расколот!

А, может, от этих травинок весною
Земля наливается силой земною?

Два берега вечно грустят над рекою:
Нельзя им друг друга коснуться рукою.

Затем, чтобы не было в мире разлуки,
Их сводят мосты, словно сильные руки.

И ты убеждаешься снова и снова:
На сильных надежда у шара земного!

Как небу опора высокие горы,
Так издавна сильные – миру опора.

Мне нравятся сильные духом и телом,
Да будет удача им, щедрым и смелым!

Но сильным на свете не каждый рождается,
И слабых за это корить не годится!

ПОИСК

Что в жизни нашей главного главней?
В чем смысл ее – извечный, но неясный
Глупцы и мудрецы уж столько дней
Искали эту истину напрасно.

А шар земной крутился и молчал,
Тая в себе и простоту, и сложность,
И глубоко сокрытую возможность
Вдруг распознать начало всех начал.

И на земле рождались имена,
Одни – чтоб солнцем озарить планету,
Другие – чтобы адская война
Ее лишила солнечного света.

А вечные былинные напевы
Рассказ о тьме и мудрости вели...
И сколько уж прошло любви и гнева
Сквозь сердце раскаленное Земли!

Но с думою о смысле бытия
Родятся люди, продолжая поиск, –
Терзаясь, увлекаясь, беспокоясь, –
И в этом, жизнь, и есть вся суть твоя.

Она – в исканьях наших, если мудрость
Песчинкою лежит на дне морском.
И ищем мы – как ночью ждем мы утра:
С неистовою верой и тоской.

Мы – ищем. Ищем всюду и везде.
Как в знойный день крестьянин ищет тучу
И как зерна едва проросший лучик
Уж ищет путь к далекой той звезде.

Ведь рождены мы, чтобы вновь пройти
Свой путь и ожиданий, и исканий.
Не для того ль с тобою и живем
На жарком нашем шаре, на земном?!

В ЭТОМ МИРЕ ПРЕКРАСНОМ

Я мир люблю таким, каким познал.
А в мире том по-разному бывало:
То радуга спокойная вставала,
То шла гроза, и лес в горах стонал.

Я радовался веточке в лесу –
Она меня хлестала по лицу.
Ту землю, на которой мы живем,
Я сам пахал. И сам палил огнем.

Я не из тех, кому всегда везло.
Моя беда меня не миновала.
Не раз, бывало, с ног меня сбивало,
А подниматься было тяжело.

И с серой монотонностью дождей
Во мне тревоги долгие стучали.
Но я привык таить свои печали
И радоваться радости людей.

У каждого особая судьба.
Меня однажды нарекли поэтом.
Но как я часто в сложном мире этом
С канатоходцем сравнивал себя!

Я мог бы жить спокойно в стороне,
Но оттого, что я живу иначе,
Я, словно свадьбу, праздную удачу,
Когда она является ко мне.

А впереди ненайденное слово
И самая высокая скала.
И я в дороге вспоминаю снова,
Что мир не прост и жизнь моя светла.

И СНИТСЯ МНЕ БЕРЕГ ДАЛЕКИЙ

Как горную речку собой заполняют ручьи,
Так легкость и силу приносят мне новые дни.
Живу, не считая былые победы свои, –
Я знаю, как быстро, как просто уходят они.

Порою мне кажется: я – словно эта река,
Что к морю торопится, падая смело со скал.
Я знаю и сам, что дорога моя нелегка.
Но есть мое море, и я его долго искал!

И нет мне, как речке, покоя ни ночью, ни днем.
Я бьюсь в берега, и спешу, и звеню, и пою.
Но где-то есть море, и речка мечтает о нем.
Но где-то есть море – я берег его узнаю.

Мне хочется в завтра, хоть было хорошим вчера,
Я верю в надежду и в правильность трудных дорог.
На самой вершине вдруг кажется низкой гора,
Которую ты слишком долго осилить не мог.

А я – как река, что бурлит в проливные дожди,
А я – как река, что спокойна в полуденный зной,
И снится мне берег, который еще впереди,
И снится мне берег, который пока не со мной.

МГНОВЕНИЯ

В кругу друзей, на шумном ли вокзале
Сквозь путаницу громких голосов
Меня врасплох нередко настигало
Тик-таканье невидимых часов.

Беря разбег настойчиво и круто,
Порой с биеньем сердца невпопад,
Мгновения, секунды и минуты,
Стремительно уносятся назад.

Уносятся с такою укоризной,
Как будто человек тому виной,
Что многое из нашей краткой жизни
Его подчас обходит стороной.

Сменяют солнце тучи непогоды;
За ними – снова ясные деньки.
Идут года... «Эх, нам бы ваши годы!»
Твердят растущим внукам старики.

А внуки с нетерпением и страхом
Примеривают тайно от друзей
Глубокие отцовские папахи,
Поношенные туфли матерей.

Года идут... Где жизни середина?
Где надо оглянуться на ходу?
Года несут морщины и седины,
Тоску и радость, счастье и беду.

А при словах: «Эх, нам бы ваши годы»
Я вижу голубые небеса,
Пшеницы зеленеющие всходы
И рвущиеся в небо корпуса.

Я слышу грозный грохот речек горных,
Я слышу звон чугуна и литья.
В труде самозабвенном и упорном
Уже промчалась молодость моя.

Мы выносили долгие разлуки,
В степи встречали не один рассвет.
О, наши годы! Будущие внуки
Еще услышат эхо наших лет!

ДАВНЫМ-ДАВНО

Давным-давно, как в сказке говорили, –
А может, это сказка и была? –
Давным-давно по стенам тени плыли
И печь была уютна и тепла.

Какой январь стоял в той детской сказке,
Как весело пришел его черед, –
И жгучий снег, и легкие салазки
Принес с собою сорок первый год.

Чем дальше время, тем яснее помню:
Дом в сумерках наполнен тишиной,
И ходит дед по земляному полу,
И вздрагивают руки за спиной.

О чем молчит он, я не понимаю,
Но я пугаюсь в этой тишине.
Я в мыслях руки деда разжимаю
И разгоняю тени на стене.

Но подступает сладкая дремота,
И слышу из нее, как из пурги,
Как ходики отсчитывают что-то,
Тревожное, как дедовы шаги.

О, как не скоро я приму в наследство
И эту ночь, и все, что вслед за ней.
...Стоял январь, летело в санках детство...
Давным-давно... Чем дальше, тем видней...

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Крутилась мельница. Крутилась,
Текла мука, текла вода...
И детство глупое катилось
Еще неведомо куда.

Еще не думали в ауле,
Что через несколько минут
Учитель упадет от пули
И немцы мельницу взорвут.

Еще в деревьях птаха пела,
Еще война не началась.
Крутилась мельница, скрипела,
Вода на лопасти лилась.

Вода текла, не убывая
(О, если б годы так текли!),
С вершин бежала, снеговая,
Чтоб люди хлеба напекли.

А где-то таяли вершины
И начинались города,
Шуршали шинами машины
И грохотали поезда.

Но мельница тихонько пела,
Грядущий хлеб рождался в ней.
И не было на свете белом
Той старой мельницы главней!

И небо падало в колосья...
Мы верили, что там, вдали,
Вот так же крутятся колеса,
Чтоб люди хлеба напекли.

Была земля на всех одна.
Она, как мельница, вертелась.
Ну почему не всем хотелось,
Чтобы такой была она?

Крутилась мельница, скрипела,
Вода на лопасти лилась...
Еще в деревьях птаха пела.
Еще война не началась.

ВДОВЫ

Не знаю, сколько на планете вдов.
Я знаю лишь одно: их много-много.
В них все так бесконечно одиноко –
От редких слов до невеселых снов.

Совсем одни, до боли одинешеньки!
А все-таки не скажут никогда,
Какую горечь ежечасной ношею
Они проносят молча сквозь года.

А если даже в душу к ним заглянешь
И разглядишь ее житье-бытье,
Ты не поймешь смятение ее.
Ты не поймешь ее, а только ранишь.

А ты не слышал, как они поют?
А как бессонной ночью слезы льют?
Как женщинам завидуют другим,
Замужним и кому-то дорогим?

А сколько вдов на маленькой планете,
Кто сосчитал – ответьте мне, ответьте!
С их женской лаской и великой силой,
Они – святые в жизни и борьбе.

О, мать моя, одна из вдов России,
Я думаю сегодня о тебе.

БЕЛЫЙ КОНЬ

Я лица отцовского не помню.
Матери слова в душе храню:
«К табунам по травам, как по волнам,
Ускакал он, шпоры дав коню».

Белый конь рванулся одичало...
Двадцать раз родная сторона
С давних перевалов снег встречала,
Двадцать раз сжигала снег весна...

У дворов соседских ржали кони,
Выбегал и я встречать отца.
Белый конь под радужной попоной
Снился мне ночами у крыльца.

Я лица отцовского не помню.
Матери слова я в кровь впитал:
«К древнему табунщицкому роду
Твой отец, сынок, принадлежал...»

И когда на праздник к нам сходились
Пастухи – отцовские друзья,
Так тревожно сердце колотилось,
Так ревниво вглядывался я

В лица их, в каких и мать искала
Близкое и памятное ей...
Жизнь, как рано ты нас заставляла
Видеть горе наших матерей.

Я лица отцовского не помню.
Материнских глаз я вижу свет.
В них, глубоких, как в колодцах темных,
Отражался холодно рассвет.

Многие аульские мужчины
Возвратились к очагам с войны.
Каждый нес медали и седины,
Костыли и слезы для жены.

Мы одни лишь ждать не уставали,
Сберегая брагу в кувшине.
Мы с тобой грустили и мечтали
Встретить воина на белом скакуне.

Мама, мама, ты совсем седая...
Над землей, как белый конь, летит
Облако, по стеклам рассыпая
Тихий цокот капелек-копыт...

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Дым никогда не вернется в очаг,
А сын мой вернется – солнце в очах!

Снежной весной и лютой зимой
Сын мой вернется, вернется домой.

Искры, сорвавшись из-под копыт,
Не воротятся, а сын прилетит.

Старая мать проглядела глаза,
Сын мой вернется, вернется назад.

Скроется пуля навек в вышине,
А сын мой вернется к любимой жене.

Трус убегает, рану зажал,
А сын не уронит булатный кинжал.

Утренним росам под солнцем не жить,
А сын мой к порогу родному спешит.

Он постучится ночью иль днем,
Ох и гостей мы тогда созовем!

ПАРЛАМЕНТЕР

Брату Магомету

Старший брат, спасибо за то, что ты жив,
И за то, что мудрее, чем я!
Ты душою красив, ты и в малом не лжив –
Ты мне друг, и отец, и судья.

Лишь недавно я понял, как годы быстры,
Хоть мальчишка я перед тобой.
Дважды прожил твой возраст той грозной поры,
Той, что вела тебя в бой.

Расскажи, как бывало, еще и еще,
Как был страшен последний обстрел,
Как победное знамя цвело горячо
И рейхстаг побежденный горел.

Не молчи, расскажи, как от дома вдали
(Сколько лет миновало с тех пор?)
Ты по минному полю маньчжурской земли
Шел к японцам как парламентар.

Белый флаг в кулаке побелевшем твоём.
Каждый шаг отдается в виске.
Белым днем для Китая он был, светлым днем,
Флаг надежды в солдатской руке!

А японская пуля притихла в стволе,
Кто там знает – на миг ли, на час?..
Ты прости – тот путь по маньчжурской земле
Для меня повторишь ты не раз.

Не стесняйся ни слов и ни слез – расскажи,
Как другим никогда не суметь!
И для внуков – твоих, и моих, и чужих –
Вновь пройди через мины и смерть.

Ты, как прежде, красив и душою не лжив,
Старший брат мой, мой друг и судья.
И спасибо тебе, что ты есть, что ты жив,
И, наверное, лучше, чем я!

ГРУША ПАДАЕТ НА РАССВЕТЕ

В саду стоит такая тишина...
Дома и тропы. Небо и луна.
Безмолвно тени предо мной легли.
И слышно лишь дыхание земли.

Светлея, звезды на ветвях висят,
Как спелые, налившиеся груши.
Средь шорохов твоих, полночный сад,
Мне хорошо их звездный шепот слушать.

Но покачнулась вдруг одна из звезд,
И огненной тропой в миллионы верст
Пересекла белеющую млечность,
И на моих глазах упала в вечность.

И – тишина... А где-то там, вдали,
Молчат настороженные ракеты.
И замирает ласковое лето,
И думаю я о судьбе Земли.

А вдруг да оживут тела ракет,
И не наступит никогда рассвет,
И полетит Земля чужой дорогой?..
И в небо я смотрю с глухой тревогой.

Но вижу я: тяжелые плоды,
Как звезды спелые, свисают с темных веток.
И вдруг качнулась груша на рассвете
И на тропу упала с высоты.

Она упала ласково и мудро –
Плод радости, земной заботы плод...
А маленький братишка ранним утром
Восторженно в ладонь ее возьмет.

В БАНЕ

Нету в этом моей вины:
Никогда я не видел войны.
Над землей не закаты – пожары стояли,
Ее тело снаряды каленые рвали,
Небо глохло от гула и пороха слепо
И надолго запомнило запах дыма и пепла.

Не был я на войне, но вошли в мою память
Материнское горе и свинцовая замять.
Слышу в детстве своем, слышу в сердце своем
Страшный гул самолета с паучьим крестом.

Нету в этом моей вины:
Никогда не забыть мне войны.
Я сегодня с ней встретился в бане аульной,
Где горячие капли обжигают, как пули.

Там, где пар, словно дым над рядами полков,
Я увидел войну на телах земляков.
Это им, что покрыты рубцами и ранами,
Я мочалкой надраивал спины багряные,

И таскал я безрукому шайки с водою,
И с безногим делился своею ногою.

Бьется сердце тревожно во мне:
Я сегодня был на войне.

Я НЕ БЫЛ УБИТ

Я не был убит мгновенно,
Деревья цвели откровенно,
Сияло солнце улыбчивое,
Небо сияло обычное,
И пели ручьи неизменно.
Я не был убит мгновенно.
Но этот покой кончался,
И злой самолет качался
Над улицами потрясенными,
Над лицами вознесенными,
Взывающими сокровенно...
Я не убит мгновенно.
Но вдруг все вокруг смешалось:
Тревога моя и жалость,
И женщины простоволосые.
Мужчины – толстые, рослые,
И обнаженные дети –
Все смешалось на свете.
И сорван я был, как соломинка,
И в бездну был брошен, сломленный,
И стал я траурным дымом,
И стлался я над землею
Пустынной и нелюдимой,
Покрытой седой золою.

Поля надо мной дымились,
Рукою огненной сжатые,
Лежали дома расстрелянные
И тот мальчишка растерянный,
С горбушкой недоеденной,
В мертвой руке зажатой.
И недопетая песня,
Летающая молча в эфире, –
Вот все, что осталось в мире...
И стала вся эта планета
Кладбищем во Вселенной,
Где нет ни тепла, ни света –
Одна тишина нетленная...
И вздрогнул от страшной я тишины,
И вдруг я проснулся – дома.
И я услышал дыхание жены
И дочки – такое знакомое.
Я не был убит, не был!
И не расстрелено небо.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТ!

Я помню шрам на молодом лице...
Стихи в тот вечер заполняли зал.
А он, смущаясь, подошел в конце
И протянул мне книгу, и сказал:

«Вот ваша книга. Напишите мне
Любую фразу, ведь не в этом дело.
Она со мной была в таком огне! –
Афганистан прошла – и уцелела».

Я вижу: «Кандагар, Кабул, Герат».
Во всю страницу подписи и даты.
Я вижу на полях: «Спасибо, брат»
Писали неизвестные солдаты.

Что я еще читаю между строк!
Все попеременно – гордость, горечь, стыд...
Свершило время новый свой виток.
Что нам с тобой история простит?
Легко винить и нелегко прощать.

Есть чувство долга с привкусом вины,
И на лице мальчишеском печать
Как память непонятной нам войны.

Мои стихи вернулись из огня,
Кому-то став и ближе, и дороже.
А Косово, Абхазия, Чечня...
Не знали мы, что это будет тоже.

ОПЯТЬ В МИРЕ СТАЛО СЛОЖНО

И снова, снова сложно в мире стало,
И думаешь, тревоги не тая:
Чего тебе сегодня не хватало,
Земля многострадальная моя?

Зачем тебе оружие, которым
Не на словах, а в жизни – сколько раз! –
Из-за тебя оканчивались споры,
И снова горе задевало нас?

Так что с тобой стряслось, на самом деле?
Ведь солнце не остыло в вышине,
Ни реки, ни поля не оскудели,
И не мертвы деревья по весне.

Так что, Земля, с детьми твоими стало?
О чем твой пахарь думает устало,
Беда ведь не исходит от него...
Земля не отвечает ничего.

И пусть любые миновали сроки:
Мгновения, века или года –
Все ж в каждом веке есть свои уроки,
Хоть помнят их не все и не всегда.

И потому, когда тревожно в мире,
Я снова вспоминаю давний дым.
Не мы ли виноваты в том, не мы ли,
Что вечный мир Земле не создадим?..

ШАГИ

И днем и ночью, словно пульс планеты,
Шаги не умолкают ни на миг.
Вы напишите о шагах, поэты:
Так нужно, чтобы помнили о них.

Неумолимо время и жестоко,
И гулко отзываются во мгле
Шаги в пустыне Ближнего Востока,
Шаги в другой какой-нибудь стране.

И я сегодня ночью не усну,
Как будто нас подняли по тревоге.
О, научитесь слушать тишину,
Читать шаги и понимать дороги.

Вот старческие тихие шаги.
Как будто в мире листья облетают.
И все бывшее ясность обретает,
И не страшны недавние враги.

Остановитесь, люди и машины!
Идет детсад. Читает по слогам.
И солнце улыбается с вершины
Их неумелым медленным шагам.

Дороги, проторенные тобою,
Оленьи тропы, полосы границ.
А кто-то убегает с поля боя.
А кто-то превращается в гранит.

Прости, о, время, ты не виновато,
Что упирались в землю костыли,
Что уходили на войну солдаты,
А вот с войны немногие пришли.

И если по планете, как когда-то,
Прогрохотать мечтают сапоги, –
Не сорок первый год. Семидесятый.
Нас научили многому шаги.

МОЙ ШАР ЗЕМНОЙ

О, старый мир, мой шар земной,
Летающий молча по орбите!
Совсем не мирная обитель –
Мой беспокойный шар земной.
Обрывки тьмы, осколки света –
Моя любимая планета.
Дырявым рубищем раба
Мне видится твоя судьба:
Кусками пестрыми и рваными
Лежит, залатанное странами,
Изнемогающее тело...
Земля летит в немой пустыне,
Летит от века и доныне.
И снова гибнут на чужбине
В огне бушующем солдаты.
И где-то снова, как когда-то
Все было и как будет после:
Мужчины землю пахут в поле,
А женщины детей рожают
И в космонавты провожают.
А ты молчишь, летишь, планета, –
Обрывки тьмы, осколки света...
Скажи мне, как живешь, Земля?
Не ноет ли спина недужно?

Скажи, а плечи не болят
Под тяжким бременем оружия?
И разве в мире этом тишь?
А ты летишь, летишь, летишь.
Хранишь ты судеб миллионы
И павших горестный покой.
И глажу я тебя влюбленно
Своею жесткою рукой.
Ты молча говоришь со мной,
Твой голос реками умножен,
Твой голос ветками умножен...
Так будь в полете осторожен,
Пожалуйста, будь осторожен,
О, старый мир, мой шар земной!

ВСЕ С РИСКА НАЧИНАЕТСЯ

Все с риска начинается... А где-то
Ребенок сделал самый первый шаг.
И каждый миг (и это вечно так!)
Решается судьба твоя, планета.

Цветет с опаской яблоня в саду
(О, как бы холода не налетели!),
И даже пуля, посланная к цели,
Волнуется: «А вдруг не попаду?»

Рискует, в землю падая, зерно:
А вдруг не станет колосом оно?
Рискует порох вспыхнуть и сгореть.
И мы рискуем жить и умереть.

А сколько раз саперы рисковали
И уходили снова в черный дым!
И сколько звезд солдаты рисовали
На деревянных памятниках им...

Не торопись, послушай тишину:
Она молчит и чутко, и тревожно.
В ней можно песню написать. И можно
Из точных формул вывести войну.

Гудит от перегрузок шар земной,
Кого-то смыло штормовой волной.
Не уходи! Побудь еще со мной –
Мне наплевать, что скажут за спиной...

Все с риска начинается. Без риска,
Наверное бы, не было Земли.
Уверенность заманчивая близко,
И все же мы ее не обрели.

Не много зерен в поле прорастет.
Не много песен в душу западет.
Ракеты молча смотрят в синеву.
И я рискую. Значит, я живу.

ПУЛЯ

Пуля выбора не ищет и не делает.
«Пуля – дура», – говорили с давних дней.
Перед ней равны и черные, и белые,
Старики равны и дети перед ней.

Но сама она в полет свой не отправится,
Без прицела пуля цели не найдет.
Человек – он сам отлить ее старается,
Сам красивую ей форму придает.

И забыв про доброту и человечность,
Всю жестокость пуле дарит до конца...
Пули всей земли похожи бесконечно,
Не похожи у людей земли сердца.

Пуля ищет человеческое сердце,
Вместе с ним на землю падает она.
Было солнце, были песни, было детство,
Жизнь была – да нынче пулей сожжена.

Слышу, как безостановочно и глухо,
Час за часом, час за часом, без конца
То ли стонет по ночам земля-старуха,
То ль пробитые колотятся сердца.

«Пуля – дура». В той пословице старинной
Мудрость мира чистым золотом блестит:
Не придумал пулю кто-то без причины,
Без прицела пуля в цель не полетит.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Какая вьюга день-деньской!
Наверное, не стихнет к ночи...
Я вспоминаю день такой
В далеком детстве, в доме отчем.

Метель плясала до утра,
Пурга дороги заметала.
И мать желала всем добра –
Слова чуть слышные шептала.

В такую ночь, в такую ночь
Отец ходил к соседям снова:
Там не случилось ли худого,
Не нужно ль чем-нибудь помочь?

Смешались тьма и белизна,
С привычного сместившись круга.
Земля и небо – все одна
Незатихающая вьюга!

Но не случилась бы беда...
Я, глядя в смутный свет дороги,
Шепчу, как мать моя тогда,
Слова заботы и тревоги.

И всем, кому пришлось идти
В такую ночь навстречу снегу,
Желаю легкого пути,
Пути короткого к ночлегу.

Да будет всем вокруг светло! –
Прошу, как мать моя просила, –
Пускай любой пурге назло
Деревья набирают силу.

Пусть до весны посевы спят
(Тепла их шуба снеговая!),
Пусть двери терпят и скрипят,
Дома от ветра прикрывая.

И, как отец когда-то, в ночь,
Застигнутую снегопадом,
Я спрашиваю всех, кто рядом:
– Не нужно ль чем-нибудь помочь?

У КАЖДОГО ЦЕЛЬ СВОЯ

Есть у каждого цель непроста,
Вот у дерева цель – высота.
Но, достав головой синеву,
Под пилой оно рухнет в траву.

Стать ручьями спешат родники,
Чтобы слиться с течением реки.
И мечтают снега и дожди
Отдохнуть у земли на груди.

Но мечта – словно даль из окна,
Вся она до конца не видна.
Ты найдешь ее край голубой
И за это заплатишь собой.

День себя потеряет в ночи,
Колос хлебный – в горячей печи.
Дождь исчезнет в траве и песке,
А ручей безымянный – в реке.

Только жизнь бесконечна не зря:
Снова будут и дождь, и заря.
И побеги потянутся ввысь
От корней, что с землею сплелись.

Дождь начало возьмет у реки,
А потом напоит родники.
Хлеб в горячей печи испечен,
Сильным пахаря сделает он.

Чем мы счастливы в мире своем?
Тем, что, вновь повторяясь, живем.
Тем, что жизнь – словно даль из окна.
Вся до края она не видна!

СЧАСТЬЕ

Как быть счастливым? Я и сам не знаю.
Да есть ли мера счастья и добра?
Но счастлива, наверно, дверь входная,
Твоим друзьям поющая с утра.

И дерево, лицом, а не спиной,
Повернутое к ветру. И зерно,
Ростком упрямым ставшее весной.
И солнце, заглянувшее в окно.

Иной рожден в рубашке, а поныне
Все ждет, что счастье постучится в дом,
Забыв, что счастьем кажется мужчине
Лишь та вершина, что взята с трудом.

Как быть счастливым? Не берусь ответить.
Но лишь одно я повторю опять:
Чужой беды сумевший не заметить –
Он и счастливым не сумеет стать.

ДАЙ МНЕ РАДОСТИ, ЖИЗНЬ

Дай мне радости, жизнь! И не надо
Ничего, кроме этой награды.
Это – радуга в небе над садом
И улыбка живущего рядом.

Дай мне радости – солнца и света,
Талых вод и созревшего лета.
Дай мне тихую песню простую.
И любовь. И вершину крутую!

Я не жадный, и все-таки жаден:
Дай мне радости жить удивленно –
Видеть солнце внутри виноградин,
Слышать иволгу в чаще зеленой.

Буду жадным! Не буду бездушным
И к печалям чужим равнодушным.
Буду жадным – и радости чьи-то
Разделю горячо и открыто!

Дай мне, жизнь, и терпенье, и силу,
Дай мне твердость и мудрость земную.
И потом – что бы ты ни просила –
Все с лихвой, благодарный, верну я!

Дай пройти и грозу, и обвалы,
Дай умение жить, обретая,
Чтобы знать, что за тем перевалом
И любовь, и вершина крутая!

Дай мне счастье пройти не напрасно
Всю тебя от начала до края,
Светом радости – чистым и ясным –
И себя, и тебя озаряя.

Я ЖИЗНЬ ОТКРЫВАЮ ВНОВЬ

Опять стою я перед той чертой,
Где жизнь в бессмертье перейти готова.
Жизнь. До чего прекрасно это слово!
Оно – реальность, ставшая мечтой.

Жизнь, как река, не повернет обратно,
Но все в ней повторится вновь и вновь.
И радость, и надежда, и любовь –
Все тайны мне открыты и понятны.

Я знаю все: происхождение молний,
Истоки наводнений и дождей,
И эту светлость солнечных лучей,
И день, животворящий силы полный.

Я знаю жизни ярость и вражду,
Кровавых войн число назвать сумею;
Я знаю созиданья красоту,
Зерно добра я неустанно сею.

Открыты мне образование гор
И шелест птичьих крыл неуловимый.
Понятен мне ученых давний спор,
И расщепленья ядерная сила.

И ты, земного тяготенья власть,
И разность флагов на моей планете.
Известна мне любви земная страсть,
Не кто-нибудь – я за нее в ответе.

Я проложил к другим мирам пути,
И боль познал я на земных дорогах.
Давно уж не стою в раздумье строгом
На перекрестках: «А куда идти?»

Мне ясен путь. Ведь за моей спиной
Тот давний-давний опыт человечий.
Я знаю жизнь. Люблю ее давно.
Как за любовь – я за нее отвечу.

Я знаю жизнь. И пот ее, и кровь.
Но каждый день, в стихи слагая звуки,
Преодолев сомнения и муки,
Ее я открываю вновь и вновь.

ПЕСНЯ ВЕСЕЛОЙ БАБОЧКИ

Я – веселых два крыла:
Белоснежных, в точках черных,
Красных, нежных и узорных.
Жизнь, как солнышко, светла!

И конечно, для меня
Этот теплый тихий ветер.
Мне, рожденной на рассвете,
И не нужно лучше дня.

Ты зачем жужжишь, пчела,
Что работой мне мешаешь?
Жизнь собой не украшаешь?
Я – веселых два крыла!

Ты, теленок, не задень,
Не задень хвостом случайно,
Чтоб не кончился печально
Слишком быстро этот день.

От цветка и до куста
Я порхаю, я летаю,
Песенка моя простая,
Может быть, не так проста.

Я живу, живу, живу!
И пока еще не скоро
С голубого косогора
День покатится в траву.

А покуда, а покуда
Так бездонна высота,
День как вечность, мир как чудо,
Жизнь – до сумерек! – длинна.

ОГОНЬ

Он все соединил в себе, огонь:
В нем тихий свет и бешенство погонь,
Надежда жить и горький дым потери,
И в теплый дом распахнутые двери.

Зажги огонь, чтоб стало больше света
И в очаге, и в сердце у меня.
Огонь – добро и зло. Мы помним это,
И мы по эту сторону огня.

Гори, огонь, гори, не догорая,
Собой спаси, согрей и исцели!
Но корчится железо, умирая,
Клокочет магма в глубине земли.

Гори, огонь, волшебю и красиво!
А в это время, но в иной дали,
День голубой обуглился от взрыва
И черные деревья полегли.

Таится пламя в дереве и камне,
Внутри вещей и самого огня,
И в женщине, пока она близка мне,
Надежды свет не гаснет для меня.

Ну, оглянись, взгляни, как ты смотрела, –
Мне холодно без этого тепла!
И только в том, что навсегда сгорело,
Пустой покой и мертвая зола.

Горит огонь. И вечно пламя это
И в очаге, и в сердце у меня.
Пусть будет вдоволь и тепла, и света
Всем, кто по эту сторону огня!

МУЖЧИНЫ ИГРАЮТ В БИЛЬЯРД

Мужчины эти, ах, мужчины эти!
Они как дети. Взрослые, но дети.
Они уже не спорят и не любят,
Они шары с азартом в лузы лупят.

И, подчиняясь правилам игры
И по ее безжалостным законам,
На поле боя, на сукне зеленом,
Как судьбы, сталкиваются шары.

И бьются в лузе пойманною птицей,
И взорванной планетою летят...
И велено им: сбить или разбиться!
И это больше, чем простой азарт.

Здесь, в бильярдной, голубой от дыма,
Желание одно непобедимо:
Разбить, пока тебя не победят.
Вперед, вперед и ни за что назад!

Мужчины эти, ах, мужчины эти!
Они как дети. Взрослые, но дети.
Они уже не спорят и не любят,
Они шары с азартом в лузы лупят.

Их от игры ничем не оторвешь.
И белый шар – как яблоко раздора.
...И шар земной, моя с тобой опора,
С ним чем-то удивительно похож.

ДОБРЫЙ НАШ ОЧАГ

Наш добрый, старый наш очаг!
Мир без тебя давно б зачах...
Но в жизни есть и злой огонь –
Он зреет в сердце гроз.
И вот гудит по лесу стон,
Лежат деревья в рост.
Знавал я солнечные дни
На золотых полях...
Но черной буркою на них
Лежал пшеницы прах.
Сквозь пепел долетал ко мне
Колосьев мертвых зов,
И различал я, как во сне,
Обрывки скорбных слов...
Мы все обожжены войной.
Я видел не один
Развалин горестный покой
И тихий дым руин,
Трубу над мертвым очагом –
Как памятник жилью...
Весь мир, помеченный огнем,
Вторгался в жизнь мою.
Но пламени слепая власть
Всесильной не была,
Когда огню бросали в пасть

Отчаянно тела.
И черный прах, и черный снег –
Не различишь лица...
Но матери несли сквозь век
Багряные сердца.
И злое прошлое кляня,
Отроем мы порой
Осколки ржавого огня
В земле своей сырой.
Да, я немало видел бед –
Былая боль остра!
Но и сквозь ночь пробился свет
Родимого костра.
О, если б не было тебя –
Как я б на свете жил?
Я камни тер бы, их дробя
Сверхнапряженьем жил,
Я б молнии руками брал,
Тупой отвергнув страх,
У бога я б огонь украл –
И вновь зажег очаг!
Посредник солнца на земле –
Сияет светлый круг...
Да не погибнешь ты в золе,
Очаг, наш добрый друг!

ЭТУ ПЕСНЮ МУЖЧИНЫ ПОЮТ

Там, на пастбищах горных, от дома вдали
Эту песню мужчины негромко поют.
От любимых вдали, там, где запах земли,
Где высокие звезды, – их кров и уют.

Над кошарами тихо стоит темнота,
И вполголоса песню поют пастухи.
Как земля и как небо их песня проста
И прекрасна, как лучшие в мире стихи.

Пусть ее, кроме них, не услышит никто,
Кроме скал и реки, кроме звезд и луны.
Но поют эту песню на горном плато
Для далеких любимых своих чабаны.

О любви, что похожа на сказку и быль,
О любви, что, как этот костер, горяча,
Им ручей подпевает, а может, камыль,
И притихшие ветры стоят у плеча.

У ночного костра горячо и светло,
Все слова этой песни видны на просвет.
В ней и радость, и боль воедино слило,
Оттого для нее невозможного нет.

Ничего эта песня не просит взамен,
Не стыдится себя и не прячет лица.
Этой песни слова далеки от измен,
Пусть мужчины ее допоят до конца!

ВПЕРВЫЕ У МОРЯ

Брызги, от скал срикошетив отвесно,
Взлетают стремительно до облаков...
Дрогнули скалы – морю тесно,
Морю бы вырваться из берегов!

И вал крутобокий, со скалами споря,
Рванул по утесам – и врассыпную.
Летит атакующей конницей моря
Вверх, небесную крепость штурмуя.

Седую насупленной бровью хмурясь,
Небо взбыстрило молний кнут,
Буря! Затем и бывают бури,
Чтоб рваться из всяких оков и пут.

Пусть закипает небесная ярость
У этих мрачных глухих предгорий –
Молнии свищут, грохочут ударом, –
А море ликует, танцует море.

У неба из глаз – озлобленные искры
От молний осколков – что к ряду ряд!
Но гребни, как кони взлетают быстрые
Их молнии-плети не усмирят!

Вновь кавалерия сомкнутым строем,
Пенные гривы под ветром взвились,
В грозной атаке поднялись стеною.
И небо как будто отпрянуло ввысь!

Вздыбленно море в могучем движении
Вот он, девятый ликующий вал!..
...Сердце мое, ты в таком же кипении.
Как это раньше тебя я не знал!

СВЕТ ЗЕМНОЙ

Как хорошо, спокойно жить на свете,
Не думая о завтрашней беде.
Тиха планета, и прохладен ветер,
И солнце отражается в воде.

И я иду по голубому краю
Туда, где начинается земля.
И на твоих губах снежинкой таю,
И ливнем проливаюсь на поля.

Пока я жив, я продолжаю землю,
Мой добрый мир, мой шар земной.
Я смерти и забвенья не приемлю,
Пока спокойно солнце надо мной.

Ты свет земной, ты видишь все и знаешь,
И слезы женщин, и тяжелый дым,
И как я падал, травы приминая,
За то, чтобы светило ты другим.

И не забыты все былые войны,
И не везде пока забыто зло.
Я знаю, ты не можешь быть спокойным,
Пока планета дышит тяжело.

ВРЕМЯ БЕГУЩЕЕ, ВРЕМЯ НЕ ЖДУЩЕЕ

Мы не жестоки, как время летящее это.
Что ему скорости ветра, и звука, и света?
Что ему скорость придуманной нами ракеты?
Время бегущее, время не ждущее, где ты?

Вот оно, время, – со взлетных полос улетает,
Рельсами звонкими вдаль убегает и тает.
Вот оно, время, которое все обкатает...
И потому нам все время его не хватает.

Мы догоняем его, покупаем билеты,
Чтобы успеть на суда, поезда и ракеты.
Ждать, уезжать, за бортом оставаться...
Кто же сумеет счастливым потом называться?

Кто же сумеет собою остаться отважно?
Время торопится – времени это не важно!
Время торопится, время проносится мимо,
Время жестоко, да разве не нами гонимо?

Мало нам, мало того, что отмерено было,
Вечно влечет нас неведомой скорости сила,
И, отрываясь от старого шара земного,
Мы подгоняем мечту свою снова и снова.

Так мы живем – одержимо и, может, устало,
Время торопится – все ему времени мало.
Так мы живем – обретая, теряя, мечтая,
Все нам неведома истины даль золотая!

Что там, за тем горизонтом, где мы не бывали?
Время спрошу я – да время ответит едва ли.
Время летит и за ближними далями тает,
И потому нам все время его не хватает!

ЗДРАВСТВУЙ!

В этот день, и час, и в этот век
Говорю я: – Здравствуй, человек! –
Говорю я: – Здравствуй и живи –
Для земли, для мира, для любви.

Солнцу, засветившему зарю,
Я земное «здравствуй» говорю:
– Здравствуй, – говорю я, – и свети –
Будет людям радостней в пути.

Из травы подняться помогу
Ветру и скажу: – Крылатым будь! –
Постою на горном берегу –
Пусть река услышит: – В добрый путь.

Я причастен к этой синеве,
К этой высоте причастен я.
Здравствуй, жизнь! Недаром мы в родстве:
Ты и я, и вся земля моя.

Птице, что над облаком парит,
Летнему дождю и январю,
И огню, что для меня горит,
И звезде полночной говорю:

– Здравствуйте! И будьте навсегда,
Потому что быть всегда должны
Черный хлеб, и светлая вода,
И глоток желанной тишины,

Мудрый лес, цветущие поля,
Глубина раскрытого окна...
Не умеет говорить земля,
Но добра желает мне она.

И со мной согласна до конца –
Этого не видно ль по всему? –
Что нужней железа и свинца
Слово «здравствуй» веку моему.

БЫТЬ МЯГЧЕ К СЕБЕ И К ДРУГИМ

Мне хорошо, и так душа легка,
И так крылата: кажется, взмахну я
Руками и туда, где облака,
Взлечу, оставив суету земную.

Но хорошо сегодня и Земле –
Несуетно, и столько в ней покоя,
И не случайна птица на крыле
Над этой безмятежною рекою.

Как будто не случилось ничего
Сегодня и вчера, но утро это
Все соткано из солнечного света,
И на земле светлее от того.

А дни такие – сколько их бывало,
И сколько с ними было нам дано...
И сердце ничего не забывало,
Но радость дольше помнило оно.

Казалась жизнь и долгой, и короткой,
Являлась то потерей, то находкой,
Но все, что было – не могло не быть! –
Нас научила помнить и любить.

Как хорошо мне, как легко и ясно,
И потому и ветки, и трава
Танцуют на ветру, и так прекрасна,
Так не напрасна неба синева.

И радость так сильна и так безмерна –
Я с ней сильней и смерти, и тревог.
Да я бы словом примирить, наверно,
Две стороны враждующие мог!

Я слышу, как вращается планета,
От счастья и покоя молода.
И пусть бы только помнили про это
И ты, и я. И завтра, и всегда.

УРАГАНЫ В ПУТИ

Целый мир умещается в сердце моем,
Так же легко, как на шаре земном.
Он кружит, и уходят года, имена,
Он кружит – и сменяются мир и война.

Зреют хрупкие травы, и тают снега,
Кто-то друга находит, а кто-то врага.
Наливаются ягоды соком земным,
И летит ураган за дождем проливным.

Камни спят до поры и молчат до поры,
На опушках зеленых стучат топоры,
И поленья горят, чтоб в тепле у огня
Ты звала, и ждала, и встречала меня.

Здесь живут по соседству и песня, и плач,
Но на все неудачи хватает удач.
Здесь ценится честность, а трусость клянут,
Здесь считают года, не считая минут.

Привечают друзей, хлеб и соль на столе,
Здесь привыкли по совести жить на Земле.
Шар земной в моем сердце кружит и кружит,
Он не старится вечно, а время бежит.

Обновляется жизнь, чтоб остаться собой,
Становясь то росточком, то новой судьбой.
Целый мир умещается в сердце одном,
Просто в сердце моем, как на шаре земном.

В нем и ночью и днем продолжается бой –
Это жизнь правоту утверждает собой.
Те, что шли впереди, – тем не встать никогда,
Только память о них не стирают года.

Тем, что следом пойдут, будет легче идти –
Примем мы на себя ураганы в пути!
...Ты прости меня, сердце, и тем успокой,
Что тебе тяжелее без ноши такой.

ПОЛЯ

Поля такими разными бывают!
Вот поле, где веселая весна
Тугие зерна в борозде взрывает,
Живую землю будит ото сна.

И зреет солнце в молодых колосьях,
Чтоб хлебом стать однажды поутру.
И в тишине слышней разноголосье
Ветров. И трав, поющих на ветру.

Но есть иное поле. На зеленом,
На нем столкнуться двум страстям дано,
И круглый мяч летит над стадионом,
Где ничего еще не решено.

Смотри, как этот мяч земному шару,
Земному шару в воздухе под стать!
Как знать, какому меткому удару
Его полет над полем оборвать?

А есть поля – им быть полями славы
Побед былых. И памятны они
Не тем, что были некогда кровавы, –
Тем, что самой истории сродни.

Неждиде поле, поле Куликово –
Нет, не для них забвения трава.
И я хочу, чтоб прозвучали снова
Им вечной песни мужества слова!

Но и поля потерь не забывают –
Ты перед ними голову склони...
Поля такими разными бывают,
И хорошо, что разные они!

И пусть весна взрывает, атакуя,
Зелеными ростками борозду.
И пусть летит футбольный мяч, ликуя,
Под солнцем у планеты на виду.

ЭТИ РУКИ – ДВА МОИХ КРЫЛА

И в час восхода, в тот рассветный час,
Когда любовь переполняет нас,
Когда бывшие беды – стороной,
Вдруг синий шелест неба надо мной.

Сквозь лиственный осенний тихий свет,
Сквозь чье-то «да» или сквозь чье-то «нет»,
Над вереницей городов и лиц
Возникнет клеткот перелетных птиц.

Летят, по-неземному хороши,
Сквозь времена, сомнение души,
В осеннем низком небе журавли,
Где край зимы, а может, край Земли.

И этот долгий грустный перелет
Всю душу мне до дна перевернет:
О, сколько раз в наш самый главный час
Шлагбаумы удерживали нас!

А мимо, ниоткуда в никуда,
Летели журавли и поезда...
Земля от снега первого бела,
И даже руки – это два крыла.

МЕЖПЛАНЕТНЫЕ ТРОПЫ

Над моей головою – небо,
Над моей головой – планета!
Горы, реки, моря, леса,
Шумы, запахи, голоса...

На груди у степи просторной
Я лежу, я плыву, как река.
Я смотрю немигающим взором
На летящие вдаль облака.

На Земле тропинки высокие
И дороги, зовущие к странствиям,
И Земля моя, словно Солнце,
В необъятном летит пространстве,

И я тоже лечу далеко –
Это мысли мои взлетают.
Я лечу высоко-высоко,
И Земля в отдаленье тает.

Как тебе там, Луна, живется?
Как другим планетам поется?
Отзовитесь, о, где вы, люди?
Будет встреча или не будет?

Я – частица моей планеты.
Я – былинка ее живая.
Только мало земного света,
Я к планетам другим улетаю.

То не Млечный Путь над тобою,
Что пролег меж звездных полей, –
Это я пробиваюсь тропею
К неизвестной планете моей.

В НОЧНОЙ ТИШИНЕ

Весело, светло и удивленно
Свысока поглядывая вниз,
Месяц над простором утомленным
Знаком вопросительным повис.

Что ему в природе непонятно?
Шорохи какие неясны?
Тени неподвижны, словно пятна,
Дремлет степь в объятьях тишины.

Узкая дорога, выгнув спину,
Словно мать, баюкает следы.
Руки загорелые раскинув,
Парни спят вповалку у скирды.

Вилы спят, колеса спят под бричкой,
И, цветочный раздувая пух,
Ветерок, скорее по привычке,
Носится на цыпочках вокруг.

Спят колосья стоя – отдых краток,
В матовом сиянии луны,
Лезвиям нахохлившихся жаток
Снятся ли какие-нибудь сны?

Под ногой вызванивают тонко
Искорки серебряной росы.
Лишь не спит влюбленная девчонка
В эти вот безмолвные часы.

Месяц все бледней и незаметней.
Все он знает... А теперь всерьез
Разрешил и этот многолетний
Над Землей сияющий вопрос.

БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ

Вечно сражение мрака и света...
В старых сказаньях я слышал про это:

Белый баран и черный баран –
Оба выходят на встречный таран.

Утро и ночь тех баранов подобье,
Что друг на друга глядят исподлобья.

Выход для каждого – лишь наступать,
Каждый дерется за малую пядь.

Все за борьбою следят напряженно
В почве волнуются тяжкие зерна,

Теплое тесто подходит в печах,
Пламенем жарким исходит очаг.

Белый баран и черный баран –
Оба выходят на встречный таран.

Но лишь последняя гаснет звезда –
Белый баран побеждает всегда.

К ВАМ УТРО ИДЕТ

В глухих горах затерян ночи след,
Исчезли тропы и уснули кроны.
Но к ним уже идет, идет рассвет –
Спокойно, терпеливо, непреклонно.

В горах остановились облака:
Не одолеть крутого перевала.
И острые пугающие скалы
На легких ланей смотрят свысока.

И птицам тоже страшно по ночам.
О, как сердца их учащенно бьются!
Но вы не бойтесь, песни к вам вернуться.
Идет рассвет. Привет его лучам!

А под луной – усталая коса.
И сам косарь уснул, раскинув руки.
И вилы спят. Ночная спит роса.
И дремлют обессиленные звуки.

В ущельях ветры тихо смотрят сны,
И травы на полянах в сновиденьях.
А ночь поет им песенку луны,
И вторит ей ручьев прохладных пенье.

Как будто в мире нет ни войн, ни бед,
Лишь доброта объемлет всю планету...
А на Земле не спят мои ракеты.
Всем доброй ночи! К нам идет рассвет.

В ЧАС ПРИХОДА УТРА

Спасибо, утро, что пришло опять.
Когда ты землю наполняешь светом,
Счастливым птицам так легко летать,
И я благодарю тебя за это.

И твой приход – он каждый раз иной,
Лишь это неизменно повторится:
Весь мир с твоим приходом озарится
И светом дня, и мудростью земной.

В те утренние ранние часы,
Когда душе и радостно, и ясно,
Все на земле особенно прекрасно –
И шелест трав, и пение косы,

Смеющиеся окнами дома,
И тяжесть созревающего хлеба,
Ручей, чистейший, как любовь сама,
И радуга огромная в полнеба.

Спасибо, утро, что опять пришло
И солнцем в окна весело плеснулось.
Одних от одиночества спасло,
А для других надеждой обернулось.

И от моих сомнений и печалей
Уже не остается и следа...
В колодце просыпается вода,
И голоса в селенье зазвучали.

И ветер землю будит: «Хватит спать!»
Цветы танцуют, и ручей хохочет.
Спасибо, утро, что взошло опять
Над снами и бессонницами ночи.

ПРИХОДИ С ДОБРОЙ ВЕСТЬЮ

Наш новый день, мы ждем тебя с добром.
Мы ждем тебя и радостным и мудрым.
Пусть будет утро только добрым утром,
Когда ты солнцем наполняешь дом.

Ты никому надежд не омрачи –
Мы все живем надеждами на свете.
Приди таким, чтобы играли дети,
Забыв про деревянные мечи.

И будь таким, чтобы смотрели вслед
Тебе потом счастливым долгим взглядом,
И принеси нам радость. Только бед
Не приноси – их нам совсем не надо.

И приноси нам теплые дожди –
Пускай растут хлеба, цветы и дети.
И будет людям радостно на свете.
Ты только добрым – слышишь? – приходи.

В ЧАС ВОСХОДА СОЛНЦА

Встающему солнцу навстречу я вышел.
Был мир голубым, счастливым и светлым.
Я шел по рассвету и музыку слышал:
Так пели деревья, и травы, и ветры.

И мне показалось: тропинкой одною,
Умытой росой, веселой до звона,
Деревья и травы шагают со мною,
За солнцем идут по земле удивленной.

И шли вместе с нами и реки, и скалы,
Полянки лесные, сады, перевалы.
И солнце свой след по земле расплескало –
И ночь уходила, и ночь отступала!

А день занимался, и теплый, и ясный,
И в тихой долине, и в новых кварталах.
«Ты свет наш...» – звенели ручьи не напрасно,
«Ты радость...» – высокое небо шептало.

А солнце все шло по рассветным дорогам,
Чтоб день был из встреч, надежд, открытий.
И если вам солнца достанется много –
Вы свет этот щедрый с землей разделите!

И МНЕ, И ТРАВАМ ХОРОШО

Сияет небо – синее и тайное.
Над головою ветерок прошел.
Молчат вершины – белые и дальние.
Мне хорошо, и травам – хорошо.

Уходит в горы узкая тропа,
По ней спускается к нам солнце ясное.
Журчат ручьи. В тиши скрипит арба.
Как хорошо тебе, Земля, и мне – прекрасно!

Никто не скачет по земле, пыля,
С плохой вестью. И, присев на корточки,
Бьют дети абрикосовые косточки.
Как хорошо им и тебе, Земля!

Как хорошо, что небу – синим цвествь,
Что мир – волна, огромная, тугая!
Как хорошо, что у меня ты есть,
Земля моя – до боли дорогая!

СОЛНЦЕ ПЕЛО ПЕСНЮ

Шли мы с солнцем тропинкой одной.
Я – по травам. Оно – в поднебесье.
Пело солнце веселую песню.
А слова к ней написаны мной!

Все, о чем мы сказали вчера,
Все, что ты накануне читала,
Этой солнечной песнею стало,
А еще – пожеланьем добра.

Мне и солнцу смеялась роса,
Подпевало бездонное небо.
И колосья грядущего хлеба
Тоже пели на все голоса.

И была эта песня о том,
Чтобы люди улыбку встречали,
Чтобы в мире моем непростом
Было меньше тревог и печали.

Той земле, где грохочет война, –
Разве в этом земля виновата? –
Поскорее желала она
Мирных зорь и спокойных закатов.

Я не зря написал о войне –
Разве я это слово забуду?
Если солнце в моей стороне,
Это ль значит, что солнечно всюду?

А еще эта песня была
Про улыбку твою молодую
И про то, как тропинка светла,
По которой за солнцем иду я.

РАДОСТНОЕ УТРО МОЕ

Как мало человеку счастья надо!
Лишь этим утром понял я, как мало.
Цветущей веткой солнечного сада
В мое окошко радость постучала.

И песней неожиданной влетела,
И ливнем, молодым и говорливым,
И все переменяла, как хотела.
И я себя почувствовал счастливым.

Мне захотелось ею поделиться,
Да так, чтобы на всех ее хватило.
Мне захотелось, чтобы чьи-то лица
Улыбкой эта радость осветила.

Я всем желаю радости отныне:
И берегам, рекою разделенным,
И той реке, и снеговой вершине,
И верящим, и ждущим, и влюбленным.

Желаю всем нечаянным прохожим.
Друзьям, меня спасавшим от печали.
И недругам моим желаю тоже,
Чтоб чаще в жизни радость замечали.

И сразу в мире станет больше света,
И добрым утро станет в самом деле
Для всех, с кем разделю я радость эту
И кто потом с людьми ее разделит.

ТАК ХОРОШО НА ДУШЕ У МЕНЯ

Так хорошо на душе у меня!
Воздух прозрачен, и дали ясны.
Как продолжение светлого дня,
Это высокое небо весны.

Слушаю тихую песню земли –
Песню, в которой воскресли опять
Зерна, что в жертву себя принесли,
С тем чтобы завтра колосьями стать.

Песню, в которой листва зелена –
Юная, сколько бы дней ни прошло!
Веткой в окно постучала весна –
Стало душе хорошо и светло.

Белое облако в синей дали,
Яблока завязь и свежесть ручья –
Все это вечная песня земли!
Все это – новая песня моя.

Легкое облако, свет голубой,
Не уплывай из весеннего дня...
Утро меня одарило собой –
Так хорошо на душе у меня!

ЗА ГОРИЗОНТОМ – ГОРИЗОНТ

Горизонт, казалось, вот он,
Вот он – край земли.
Но свернул за поворот он –
И опять вдали!

Он ведет меня с собою,
Он зовет меня,
За чертою голубою
Тайною маня.

Открывает даль за далью,
Лица, имена.
Жизнь со счастьем и печалью,
Что всего одна.

И спешу я: что там, что там,
Неизвестно мне, –
За ближайшим поворотом,
В дальней стороне?

Даже солнце не туда ли
Путь вершит? Туда,
Открывая даль за далью,
Страны, города.

В нас живет, не умирая,
Вечный зов пути:
Все, что есть, открыть до края,
До всего дойти!

И уже казалось: вот он,
Вот он – край Земли...
Но свернул за поворот он –
И опять вдали!

ВСЮ ЖИЗНЬ В ДОРОГЕ

Дороги, дороги, дороги,
Мне с вами нельзя отдохнуть!
Всю жизнь я в дороге, в тревоге,
Зовет меня сызмала путь!

Дороги, дороги, дороги,
Всегда вы зовете вперед, –
Ведете, упрямы и строги,
Куда-то от отчих ворот.

Как только устану, присяду,
А ветер стучится в окно,
И снова дороги, и радость,
И сердце тревогой полно.

Под зноем, в морозы и ливень
Иду я, забыв про ночлег...
Я с вами сильней и счастливей,
Я с вами, дороги, навек!

ПЛЫЛ «МИКЛУХО-МАКЛАЙ» ПО АМУРСКИМ ВОЛНАМ

Так вот где я нашел тебя, Миклухо,
Воспоминая юности моей!
Коснулось имя и души, и слуха –
И снова стало прошлое видней.

А сколько, в самом деле, лет минуло?
Полузабытой школьною порой
Мир открывал мальчишке из аула
Искатель, путешественник, герой.

А нынче – открываешь мне Восток,
Ведь на борту – твоё родное имя.
Плыву – и в сердце радостный восторг,
И в мир смотрю глазами я твоими.

И вспоминаю край родимый мой.
Мы, сорванцы, аульские мальчишки,
С тобою перечитывали книжки
И в кинозале шли твоей тропой.

Встречали нас чужие племена
По-разному: с опаской и с доверьем.

Но вскоре люди улыбались нам
И пред тобой распахивали двери.

И, именем твоим смирив раздор,
Сроднили мы враждующих от века.
Что кожи цвет? Обычай? Разговор?
Ведь каждый назывался Человеком.

И на земле, среди ее тревог,
Мы познавали истинную дружбу...
Плыви, плыви, «Миклухо», на Восток,
Твори добро, неся бессменно службу.

Как продолженье мудрости твоей
На палубе широкой в день погожий
Танцуют дети разных матерей
И я, адыг, танцую с ними тоже.

В ГОСТЯХ У НЕНЦЕВ

Ах, как мчатся олени красиво!
В тундре белая тишина.
А мне вспомнилась белая грива
Кабардинского скакуна.

Унесут меня легкие нарты
В неизведанные края.
Голубые снега Салехарда
Принимают меня в сыновья.

Старый ненец кричит на оленей:
«Эге-гей! Веселее пошли!»
А душа у него – удивленье
И великая мудрость земли.

Эге-гей! Мой каюр не устанет,
И оленья упряжка легка.
Белый ветер над тундрой шаманит,
Белый танец танцуют снега.

Горизонты от нас убегают
И стираются вдалеке.
Тундра древнюю песню слагает
На ненецком своем языке.

Ах, как мчатся олени красиво!
В тундре белая тишина.
А мне вспомнилась белая грива
Кабардинского скакуна.

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В КРАЮ
КРАСНОГО СОЛНЦА**

Юрию Рэтхэу

Олени легки, как мороз, и пугливы, как ветер,
Олени легки, как дымок, улетающий в небо,
От белого снега весь мир ослепительно светел,
Весь мир удивительно чист от хрустящего снега.

О, южное сердце мое, ты – само удивленье:
Здесь красное солнце, ненецкие чумы, олени,
Мы мчимся на нартах, день путая с ночью,
Смеются снега, а с ними и ветер хохочет.

И солнце смеется – доверчиво и круглолице,
Как ненец с мороза, оно краснощеко.
А наша дорога чиста и нова, как страница,
Пускай не кончается белая эта дорога!

Мы мчимся туда, где ревет океан Ледовитый
И лапами льдов упирается в берег Ямала.
И южное сердце мое – хоть оно и открыто, –
Оно не замерзло, оно холоднее не стало.

Олени легки, как мороз, и пугливы, как ветер,
Олени легки, как дымок, улетающий в небо.
От белого снега весь мир удивительно светел,
Весь мир ослепительно чист от хрустящего снега.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СОЛНЕЧНОЙ БОЛГАРИИ

Я полсвета объездил, пожалуй,
Но опять я в дороге, опять:
Не хватает мне малости малой,
Чтобы землю узнать и понять!

Не хватает еще одной встречи,
И опять впереди у меня
Неожиданность лиц и наречий,
Неизведанность нового дня.

Знал я земли, суровые с виду,
Словно лица усталых людей,
Затаившие боль и обиду,
Задохнувшиеся без дождей.

И другие – где все не прольется
Долгий ливень, несущий беду.
И такие, где солнце смеется
В белом-белом весеннем саду.

Но в какой ни гостил бы земле я,
Не хвалил бы какие края –
Все равно не видал я теплее
И щедрее страны, чем моя.

Но смотрю я – и сердцу не верю –
Так знакома земля и светла!
Распахнула Болгария двери,
Словно брата, в свой дом привела:

Будь как дома! И здесь я как дома.
Пой, Болгария, песню свою,
Мне счастливая песня знакома,
Пой, Болгария, я подпою!

Пусть простят меня страны другие –
Не забыл я про их доброту,
Но стихи, для меня дорогие,
Только здесь я сложу и прочту.

Пусть над Шипкою празднично-ало
Облака на закате горят,
Пусть Алеша глядит с пьедестала,
Сын Болгарии, русский солдат.

НА ВОСТОЧНОМ БАЗАРЕ В ДАМАСКЕ

Он гудит, плывет, качается – базар.
Надвигаясь, полыхая, как пожар.
Древний город апельсинами пропах.
Ощуцаю этот запах на губах.

Ах, взлетает апельсин над головой!
Купол неба словно купол цирковой.
Буйство красок, гул толпы и звон монет.
Ничего непокупаемого нет.

Что за яблоки – круглы и горячи!
В мире нету лучших яблок, не ищи.
Ты взгляни сюда, прохожий, ты взгляни:
Вот лимоны – прямо сладкие они!

Не спеши пройти, прохожий, не спеши:
Даже счастье продается за гроши!
Ах, гадалщик, я-то знаю, что к чему:
Не хватает тебе счастья самому...

А базар гудит, качается, плывет.
Все на свете – были б деньги! – продает.
Все, что хочешь, все, что хочешь, захоти,
Только деньги, только деньги заплати.

Даже землю продают тебе с лотка.
Буроватую, чуть с примесью песка.
С чьим-то потом, с чьим-то горем пополам.
Эй, торговец, сколько стоит килограмм?

И хожу я среди этой суеты,
Среди ярмарочной, яркой красоты.
Я твой гость, Дамаск. Такой богатый гость!
Горсть земли привез с собою. Только горсть!

Горсть не купленной, не проданной – своей.
Горсть земли моей и сыновей.
Это мой тебе подарок, о, Дамаск.
Тем адыгам, что живут в твоих домах.

...Встреча в Обществе черкесском.
Шумный зал. Ничего я им тогда не сказал.
Но от слез на смуглых лицах тонкий след.
Запах родины дороже всех монет...

А базар гудит, качается, плывет.
Все, что хочешь, – были б деньги! – продает.
Даже землю с чьим-то потом пополам.
Эй, торговец, сколько стоит килограмм?

ГОРОД, ЗАБЫТЫЙ В ПУСТЫНЕ

Странники молчали удивленно,
Странники смотрели онемело:
Как мираж, в пустыне раскаленной
Возникал неожиданно город белый.

И колонны мраморные строго
И бессмертно в небо уходили,
И молились горожане Богу,
Чтоб дома их беды обходили.

И под своды Триумфальной арки
Поднимался гул многоязычный.
И под небом выцветшим и жарким
Жизнь текла неспешно и привычно:

Люди умирали и рождались,
Верили, прощали, забывали.
Мудрецы в сенате заседали,
Гончары за глиной колдовали...

Здесь рождались и рабы, и боги,
Здесь мечами разрешались споры,
И сходились разные дороги
Здесь, у стен Пальмиры и Тодмора.

С той поры со счета сбилось время,
И не стало города на свете.
С той поры один лишь ветер, ветер
Пробегает улицами теми.

И шуршит песок неумолимо,
Как столетья, что проходят мимо...
Миражами города уходят,
Снова в мире что-то происходит.

Миражи реальностью пугают,
Снова войны по земле шагают.
Я смотрю на мраморные плиты:
Пусть не будет городов забытых!

АКИНАК

Руки древних мастеров
Сталь дамасскую ковали
И в клинке замуровали
Сотню молний и ветров.

И клинок старинный тот
Неразгаданно и немо
Ненаписанной поэмой
На столе моем живет.

Подойди и посмотри,
Тронь рукою осторожно:
Сто смертей таится в ножнах,
Сто столетий спит внутри.

А под ржавчиной времен
На серебряной чеканке
Слов неведомых останки,
Вязь таинственных имен.

Ты кому служил собой,
Акинак – кинжал старинный?
Звал врага на честный бой
Или другу метил в спину?

Красовался на виду
Украшением никчемным
Иль от горца ночью темной
Отвести умел беду?

Был добром ты или злом?
Мстил кому-то зло и слепо
Или мирно за столом
Отрезал краюху хлеба?

Только он молчит, суров,
Он сомнений не приемлет.
И внутри неслышно дремлет
Сто свобод и сто ветров.

РУИНЫ БААЛЬБЕКА

Под небом древнего Востока
Стоят колонны одиноко,
Останки прошлого храня.
И молча смотрят на меня.

Вы что-то знаете, колонны,
Вы помнить прежнее должны,
Какие судьбы и короны
У ваших ног погребены?

Руины города бывшего,
Поверженное торжество.
И море плещется сурово
У основания его.

О, солнце, волны и ветра,
Кто мне расскажет, что случилось?
Какое солнце закатилось?
Какая рухнула гора?

В истории, как на войне,
Весь город – каменная рана.
А, может, ты, земля Ливана,
Его тряхнула на спине?

И я стою на парапете
Пред тобою, Баальбек.
Как будто мой двадцатый век
За все минувшее в ответе.

Молчат века, и камни немые.
А я молчанья не хочу!
Я руки вскидываю к небу,
О справедливости кричу.

И вы, колонны парапета,
Не опускайте головы,
Не уходите от ответа
И от ответственности вы.

Кого-то ждет его вина,
И кто-то молит о защите.
О, не молчите, не молчите!
Ведь так история длинна...

Двадцатый век. Тридцатый век.
И мы живем и умираем.
Но, словно память, не стираем
Старинный город Баальбек.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЛИВАНЕ

Ты пойми меня, земля Ливана:
Мне своей земли недостает.
...И пускай в Бейруте из тумана
Солнце удивленное встает.

Тают в море розовые шхуны.
Серебрится ветер в проводах.
Круглые оранжевые луны
Зреют в апельсиновых садах.

Праздничные, яркие машины,
Словно разноцветные лавины,
Словно реки горные с вершины,
Улицы наполнили собой.

Только я болею ностальгией.
Не нужны мне улицы другие,
Не нужны отели дорогие
И ливанский воздух голубой.

В Гузерипле солнце не такое.
Близкое – дотянешься рукой.
Щедрое – когда не хватит силы,
Ты огня у солнца зачерпни.

Там, в ущелье, огибая скалы,
Лесовозы тянутся устало,
И не важно, что не так красивы,
Как машины праздные, они.

Море Средиземное бормочет.
Море понимать меня не хочет.
Разве можно вспоминать ущелья
Посреди ливанского веселья?

А в Бейруте день беспечный длится,
Вся страна весельем залита.
Я хожу и вглядываюсь в лица.
А в глазах такая пустота!

Ненадежность неба их пугает.
Неизвестность завтрашнего дня.
...Есть под солнцем родина другая.
Родина Россия. У меня.

ТУРЕЦКИЙ БЕРЕГ

Так, значит, вот какой турецкий берег тот,
Что стал твоей бедой, мой маленький народ!

Зачем нам вспоминать про эти времена?
Но память, как волна, поднимется со дна.

Кто пулею сражен, кто грозным морем взят.
Не мне судить о том, кто больше виноват.

И тот, кто отчий дом встал защитить мечом, –
Наверно, ни при чем, наверно, ни при чем.

А морю все равно – топить или качать,
Того, что свершено, сначала не начать.

Ты здесь искал свобод, о, добрый мой народ.
Да цепи и беда – замена хоть куда!

И не напомнят, нет, моей земли родной
Ни выцветшая степь, ни горы за спиной.

А жизнь свое взяла, что было, то прошло.
А братьев по земле, как листья, размело...

Как прежде, мой народ хранит добро и честь,
И сказок у него, как в небе звезд, не счесть.

И сам он, как звезда, и сам с легендой схож,
Да вместе никогда его не соберешь...

Здесь ночи не темней и дни не холодней,
Да только нет земли, чем родина, родней.

Там горы и поля, что свет из темноты...
Турецкая земля, так вот какая ты!

И Я ЧУЖОЙ НА ЭТОМ БЕРЕГУ

Еще на небе тень луны полночной,
Еще звезда не выцвела на нем,
И медлит солнце заспанное, точно
Крестьянин перед новым трудным днем.

Но вот уже сияет над проливом,
Смеется над толпою городской,
Как медный грош, подброшенный шутливо
Над головой беспечною рукой.

А на траве росинки переливы,
А в шумном дне все ближе и слышней
Звонят, как струны, солнечные гривы,
Стучат копыта сказочных коней.

Я вспомнил сказки, добрые, простые,
Что, словно детство, были да прошли...
Летят по небу кони золотые
И гривами касаются земли.

О, кони, кони из огня и света!
Поймал бы я любого на лету.
Но для чего?.. Мне чуждо небо это,
И в нем я высоты не обрету.

И мимо, мимо золотые кони,
На облака похожие слегка.
И теплый луч, как грива, на ладони
Волною от дыханья ветерка...

А солнцу рады все, кого ни встретит:
Тропинка, что танцует на бегу,
Стручки фасоли, и трава, и дети,
И я – чужой на этом берегу.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ВДЕНЬ ОТЛЕТА

Мир вам, люди, чьи руки привыкли к работе,
Чьи ладони в мозолях, в земле и мазуте.
Зная не из истории, как вы живете,
Говорю вам сегодня: «Счастливыми будьте!»

Я встречал вас везде, где мы были гостями:
И в горах, и на ветром продутых равнинах.
На Босфоре, с пропахшими рыбой сетями,
С урожаем маслины и с хлопком в корзинах.

Я встречал вас везде и в любую погоду.
Вы на улицах – это забудешь едва ли! –
Предлагали мне чай и холодную воду
И лепешки из жарких печей доставали.

Я прощаюсь не с Турцией – с вами прощаюсь.
Говорю, улетаю: «Мир вашему дому!»
Я не к древним мечетям душой возвращаюсь,
А к рукам вашим верным, с работой знакомым.

Вы меня принимали открыто, как брата,
Я вам счастья земного желаю за это:
Сторожа, чья работа начнется с заката,
Кузнецы, чья работа начнется с рассвета!

В САМОЛЕТЕ НАД ТУРЦИЕЙ

Казалось, мы летели сквозь века.
Сердца в иллюминатор не вмещались.
И тени звездокрылые качались
Над Турцией. А может, облака...

Внизу, услышав самолетный гул,
Махали небу шапками крестьяне.
И нет уже недавних расстояний –
Есть чайки над Босфором и Стамбул.

Как на ладони, Турция видна –
Вся в минаретах древнего Востока.
Но почему так прошлое жестоко
И снова им душа обожжена?

Прости меня, о, время, и пойми:
Не забывалось прошлое людьми.
И был тот век и тот далекий год:
Спасенья ждал наивный тот народ.

Но приплывало рабство на галерах,
И плакали черкешенки в гаремах.
Прости меня, о, время, и пойми –
Не забывалось прошлое людьми.

Жестоки правдой древние сказанья –
Их не забудут многие века.
Вода морская солона слезами
И горем наших прадедов горька.

И где-то мои братья до сих пор
Чужую землю поливают потом
И тянутся душой за самолетом,
Который улетает за Босфор.

ПОРА МОЛОДОГО ВИНА

Какая голубая глубина!
Грустят деревья о недавнем лете.
Пора усталых листьев на планете
И молодого буйного вина.

Оно еще таится в тишине.
Оно еще внутри прозрачных ягод.
Итог всего задуманного за год
В новорожденном искреннем вине.

Да здравствует его горячий нрав!
Да здравствует та истина простая:
Отвагу в нем несмелый обретает
И правду тот, кто был вчера не прав.

Я пью за ярость юного вина.
Я пью за мудрость старого вина.
Я пью за то, чтоб на моем пиру
Был миру мир или добро добру.

Искрятся и плывут вокруг стола
Бокалы, вознесенные высоко.
Полна планета солнечного сока
И вся, как виноградина, кругла.

Но на другой какой-то стороне
Не о вине забота – о войне.
Не о вине забота – о другом.
Там по неспелым гроздьям – сапогом.

В ладонях у поруганной земли
Неубранные ягоды в пыли.
...А на планете грустная пора.
Желтеют листья. Им уже пора.

Какая голубая глубина!
Шумят деревья о недавнем лете.
Пора усталых листьев на планете
И молодого светлого вина.

СИНЯЯ ПТИЦА

А в мире том, где мы живем веками,
Все судьбы так длинны и коротки.
Мы жнем колосья добрыми руками,
Мы падаем от чьей-то злой руки.

Одни в цепях, другие – на коне.
Одни в огне, другие – в стороне.
И чей-то сын расстрелянный лежит.
А шар земной по-прежнему кружит...

А за горами горя и добра
Есть где-то птица синего пера.
Неведома, как дальние края,
Есть птица счастья – каждому своя.

Спит женщина с измученным лицом –
Ей снится синий аист над крыльцом,
Тебе приснятся синие орлы
В родном ущелье на краю скалы.

Я вспоминаю города и лица,
Друзей перебираю и врагов:
Ну, где моя единственная птица,
Та птица счастья с синих берегов?

Еще так много на планете бед.
И в чьих-то окнах не погаснет свет,
И чей-то сын расстрелянный лежит
А шар земной по-прежнему кружит...

Но за горами горя и добра
Есть где-то птица синего пера.
Она жива и в горе и в огне.
Вы слышите – она летит ко мне.

И птица – это счастье и добро.
Она летит из детства моего.
Она обронит синее перо,
И, может, вы поднимете его.

МЫ ЖИВЕМ НА ЗЕМЛЕ

Мы на Земле живем. На этой вот, одной –
Единственной Земле под солнцем и луной.
Она – любовь и боль, судьба и высота,
И мы ее зовем своею неспроста.

Мы на Земле живем. И радуемся дню,
Не думая о том, что будет ночь потом.
Мы радуемся дню и доброму огню
Здесь, на Земле одной, родной, как отчий дом.

Мы пашем и не ждем ни града, ни беды,
Привыкли мы смотреть с надеждой в облака.
Склоняемся к реке мы за глотком воды,
Не думая о том, куда бежит река.

Нам поровну на всех дано ночей и дней.
И друга, и врага терзает боль утрат.
Одна у нас Земля. Что делается с ней,
Когда глядит она на вечный наш разлад?

Земля учила нас любить и не любить,
Что помнить, что забыть – учила нас она.
Мы на Земле живем, чтоб ей надеждой быть.
Мы на Земле живем. Она у нас одна.

НЕ ЗРЯ ЧЕЛОВЕКУ ДАНО

Многое в жизни привычкою стало?
Ты по-другому на это взгляни:
В жизни хороших привычек немало,
Пусть не уходят с годами они.

Ты продолжайся, привычное дело,
В землю весеннюю падай, зерно.
Разве на свете добро оскудело?
Стало привычным, обычным оно!

Горной тропой поднимусь на вершину,
Где с высоты горизонты видней,
Взглядом привычным окину равнину:
Сил я не зря набирался на ней.

Горной тропой поднимусь на вершину,
Где с высоты горизонты видней,
Взглядом привычным окину равнину:
Сил я не зря набирался на ней.

Вброд перейду торопливую реку
И, как обычно, назад посмотрю,
Чтобы сказать еще раз человеку,
Путь показавшему: «Благодарю!»

Жить на Земле мы привыкли открыто,
Верили правде, не прятали глаз.
Чьи-то печали и радости чьи-то
Мы не считали чужими для нас.

Вот потому и не знает предела
То, что не зря человеку дано:
Доброе дело, привычное дело,
Пусть не мельчает с годами оно!

НА ПЕРЕВАЛЕ ТВОЕЙ ВЫСОТЫ

Всю жизнь человек поднимается в гору свою,
Всю жизнь, что прекрасна, сложна и проста.
Казалось бы, вот я на самой вершине стою,
Но с этой вершины другая видна высота.

А выше поднимешься – дальше откроется даль,
И радость, и мудрость увидится в ней, и печаль.
С вершины такой даже время, наверно, видней,
Так ласково солнце, воздух прозрачен над ней.

Иди же, иди, поднимайся и зорче гляди,
Что будет и было – умей воедино сложить.
Не бойся увидеть все то, что еще впереди,
А жизни бояться – так лучше и вовсе не жить.

Пусть будут и грозы, и ясные дни впереди,
Пусть будут тропинки порой неверны и круты.
Ты к новой вершине, далекой вершине иди,
Многого стоит один только взгляд с высоты!

Так солнце встает, и садится, и снова встает,
Чтоб только на час оказаться в зените своем.
Так птица парит – и свободен, и плавлен полет,
Но был перед этим нелегкий и долгий подъем.

Всю жизнь человек поднимается в гору свою...
И, может, затем я опять на вершине стою,
На том перевале, где время оставит печать,
Чтоб все увидеть, и понять, и сначала начать.

**СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ
РОМАНА «ХАН-ГИРЕЙ»**

Прости мне, Хан-Гирей, я сделал очень мало.
Дописан мой роман, и понимаю я:
Нет у судьбы конца, у книги нет начала,
Но продолженье есть, и это жизнь твоя.

Прости мне, Хан-Гирей, за это злое время,
В котором ложь сильна и правда неправа.
Я молод был и глуп, и оставался с теми,
Кто запрещал тебя – и крал твои слова.

Прости меня за то, что я так просто верил,
И что во все века наивен юный пыл.
Я истины твои чужою меркой мерил,
Прости меня за то, что слишком молод был!

Так много лет прошло: Тебя я старше вдвое,
И прежнего себя честнее и мудрей.
Стою перед тобой с повинной головою:
Ты всех своих врагов прости мне, Хан-Гирей.

Я шел твоим путем, я боль твою изведаль,
И на излете лет, как на исходе дня,
Мы встретились опять. И я тебя не предал.
Обид меж нами нет. Но ты прости меня.

НЕ ОБОЙДИТЕ ДОБРЫМ СВЕТОМ

Порою одиночество ищу я,
Не оттого ль, что там, в тиши полей,
Глаза от полдня солнечного щуря,
Яснее вижу доброту людей.

За день устав, как лошадь ломовая,
Под грузом беспокойства и забот,
Иду я к людям, сердце раскрывая,
Как раскрывают окна на восход,

Не обойдите, люди, добрым светом!
Не обойдите ласкою своей!
Как жил бы я, земли лишившись этой,
Без теплого напутствия людей!

Я НЕ БЫЛ В ЖИЗНИ ОДИНОКИМ

Прорычало море, завалив все устья:
«И без вас речонки, смело обойдусь я!»

Но промчались годы. Грустная картина:
Обмелело море. Дно покрыла тина.

Конь гремит подковой, высекает искры.
Как без той подковы он поскачет быстро?

Греют очаги нас, если ж дров не станет,
Сиротливо пламя в очаге увянет.

И ударит ветер по скрипучим петлям,
Зарыдает в трубах над холодным пеплом.

Темен мир без друга, без его участия.
Только сердце друга нам приносит счастье.

Знаю, не подкова нам поможет в горе.
Но без рек бурливых задохнется море.

И кричу друзьям я близким и далеким:
«Счастлив я, что не был в жизни одиноким!»

СОГРЕЙТЕ МЕНЯ ДОБРОТОЙ

В этот век и потерь, и открытий,
Век стремительный, злой, непростой,
Доброту мою, люди, примите
И согрейте меня добротой.

На вершине, где воздуха мало,
В тишине одинокого дня
Доброта, что привычкой не стала, –
Доброта выручала меня.

Ну, а если хватало с лихвою
И побед, и еды, и питья,
Добротой, как водою живою,
Исцелялся от сытости я.

И когда мне особенно тяжко,
И когда я с бедою на «ты»,
Не прошу я у жизни поблажки,
А прошу одного – доброты.

Будет солнцем земля отогрета,
Утро доброе глянет в лицо,
И созревшее доброе лето
Бросит яблоко мне на крыльцо.

Мне любовь моя руку протянет,
Пожелает прохожий добра.
И прекрасною жизнь моя станет –
Та, что горькой казалась вчера.

Потому это вечно и ново
И желанно, как хлеб и вода,
Дело доброе, доброе слово –
Что они бескорыстны всегда.

ДОБРОТА

О, как нам не хватает доброты!
Но если б мы заговорили с вами
Одними только добрыми словами,
Мы б удивились, как они просты:

Просты, как хлеб, как солнце, как трава.
А мы скупы на добрые слова...
И хочется обычной доброты —
Так хочется летящим высоты.

А только в мире всё наоборот.
И крыльям высоты недостает,
И в очаге огня не разведут,
И где-то пули в тело попадут.

И среди этой всей непростоты
Так не хватает людям доброты!
...Пусть мальчики уносятся в седле,
И травы вырастают на земле.

Так хочется душе моей тепла.
И добрых слов. И доброго участия.
И неуютно на земле без счастья,
Как неуютно небу без орла.

А в очаге светло трещат поленья,
И ты мне шепчешь добрые слова.
...И ждет земля добра и удивленья
От всех живущих. И она права.

ЛУЧШИЕ СЛОВА

Опять я напишу о доброте,
О доброте – любому злу назло.
Опять я напишу о красоте,
С которой даль откроется светло.

И о любви я напишу – о той,
Что высока своею добротой.
Пусть эта песня будет не нова,
Но я отдам ей лучшие слова.

И в этом успокоенности нет,
Ведь мы с тобою поняли давно:
Чем ярче солнце, чем сильнее свет –
Тем беспощадней зло обнажено.

Неправда, что счастливым не дано
Понять чужую боль. Не бойся, пой!
Глухой увидит песню все равно,
И улыбнется музыке слепой.

Ты, не стыдясь, о счастье говори
И песню эту людям подари.
Пускай она проста и не нова,
Но в ней такие честные слова!

Я славлю день, и солнце, и зарю,
О вечном свете правды говорю.
И злая чернота любых ночей
Отступит перед ясностью лучей.

ЕЩЕ РАЗ О ДОБРОТЕ

Повторяю сказанное прежде:
Быть бы нам спокойней и добрей!
Все живем несбыточной надеждой,
Все торопим время: «Поскорей!»

Думаем о том, что мы хотели,
Позабыв о том, что мы могли.
Спохватившись, трудно рвемся к цели,
Как к земле из шторма корабли.

Но порой считаем жизнь годами,
Позабыв, что время – из минут.
А они, потерянные нами,
Ничего обратно не вернут!

Мы летим куда-то одержимо,
Не заметив тех, кто позади:
Я в беде, а ты проходишь мимо.
Протяни мне руку, подойди!

Мы – как век, стремительный и звездный,
Мы живем в предчувствии высот,
Мы спешим! И понимаем поздно:
Как нам доброты недостает!

ЧЕСТНОСТЬ

Так хочется, чтоб стали все добрее,
Чтоб не было лукавства, суеты.
Так хочется, чтоб люди и деревья,
Взрослея, не теряли чистоты.

Мы все, когда рождаемся, чисты,
Как первый снег, как первые цветы.
Мы все, когда рождаемся, честны,
Мы все перед историей равны.

Но сложное откроется в простом,
Что будет с нашей честностью потом?
Одни ручьи бегут по склонам гор
Ветрам и валунам наперекор.

Другие же ручьи, наоборот,
Бегут по чистым камешкам в обход.
И к цели добегут, не уставая,
Ни времени, ни силы не теряя.

Коварство, честность, доброта и злость –
Как все непросто в нас переплелось.
Да и сама история сложна:
Она из наших судеб сплетена.

ДАЛЕКО ИСКАТЬ ЕЕ НЕ НАДО

Правдолюбцев на земле немало.
Каждый ищет правду, но свою:
Кто-то дожидается устало,
Кто-то добивается в бою.

Тяжело искать ее? Не верьте!
Ну, а с чем же мы тогда живем?
В нас она с рожденья и до смерти
В каждом проявлении своем.

Совестью, и памятью, и верой
К нам она приходит в явь и сны,
Пред ее особенною мерой
Все мы одинаково равны.

Вот она – реальная, живая,
Вечная, как хлеб или питье.
Но не зря живем мы, открывая
Снова, неизбывную, ее.

Высока она, как небо это,
И вольна, как ширь моих полей.
Бескорыстней солнечного света
И сиянья лунного светлей.

Нелегко узнать ее? Не верю!
Просто люди разного хотят:
Кто-то правду ищет, как потерю,
Кто-то перед нею виноват.

Ею заслоняются умело,
Убеждая клятвенно притом.
Только правда в бой выходит смело,
Правда правду заслонит щитом.

Далеко искать ее не надо:
Среди нас в любые времена
Ходит правда, не отводит взгляда,
От людей не прячется она.

ПРАВО ЖИТЬ

И снова я, как прежде, говорю:
Так будет жизнь – сегодня, завтра, вечно!
Одной тобою радостно горю –
Пусть эта радость будет бесконечна.

Я все беру – страданье и открытье,
И свет снегов, и чистый звон ручья,
И пробужденье первого луча,
Все-все – во мне. Таким меня примите.

Ведь добрая земля моей страны
Здесь первый шаг мой приняла когда-то.
Она взяла меня в свои сыны –
И это званье высоко и свято.

И потому, земля, мое зерно
Прими из благодарственной ладони,
И ты, огонь мой, озари окно
Моих друзей в гостеприимном доме.

Есть право жить. И жизни я скажу:
Я у тебя в долгу за это право,
За свет и полдень, за дожди и травы –
За все, чем бесконечно дорожу.

ТЫ ВЕЛИКА И ПРЕКРАСНА!

Жизнь, как ты велика и как прекрасна ты,
И в пору майских гроз, и в пору белых вьюг!
Тропинки, облака, и солнце, и цветы,
И старый отчий дом – все это ты вокруг.

Опять в моем краю деревья зацвели,
И все ручьи полны водою с ледника.
И снова я смотрю на горы, что вдали:
Жизнь, как прекрасна ты и как ты велика!

Я слышу, как поет растущая трава,
И как приходит день в уснувшие дома,
Как шепчет человек счастливые слова,
И кладбища молчат – все это жизнь сама.

А счастье для меня не только в ясном дне,
Я эту жизнь люблю, какой бы ни была.
И выйду из беды, и не сгорю в огне,
И счастлив я вдвойне, и даль моя светла.

Я счастлив, что могу и вкусный хлеб испечь,
И гору одолеть, и победить молву.
А надо – и поднять в свою защиту меч.
И жить. Но жить лишь так, как я живу!

УЛИЦЫ

Когда мне одному немоготу,
Я ухожу в ночную темноту.

Там, в городе, звенящем тишиной,
Бредут ночные улицы со мной.

О чем им шепчут звезды с высоты,
Покачиваясь в небе, как цветы?

И почему вдруг с неба иногда
Сорвется любопытная звезда?

Никак, наверно, звезды не решат:
Зачем все люди к улицам спешат,

Зачем в полете, от Земли вдали,
Грустят они по улицам Земли?

Мне бесконечно улицы близки,
Как первая мелодия строки.

Я к ним иду и в ливень, и в пургу.
Я жить без этих улиц не могу!

Как старый горец, улицы стары,
Как мудрый горец, улицы мудры.

Не потому ль в тревогу и беду
Я за советом к улицам иду?

Они, как руки женщины, добры,
Они, как руки женщины, щедры.

Не потому ль, когда ты далеко,
Мне с ними так спокойно и легко?

В минуты грусти, трудностей, тоски
Вы, как друзья, мне, улицы, близки.

А сколько подарили вы тепла
Той девушке, что мимо проплыла!

А сколько было дружеских бесед
С тем мудрым старцем, что, как горы, сед!

И вы не их ли щедростью щедры?
И вы не их ли мудростью мудры?

ВЫСОТА

Все на земле стремится в высоту,
Все сущее – живое, неживое.
Вот астроном послал свою мечту
Туда, где звезд сиянье голубое.

Из труб дымок до облаков бежит,
И тучки поднимаются все выше.
И птицы смело оставляют крыши,
Чтобы дорогу в дали проложить.

А вот кузнец ударил по металлу,
И вмиг от наковальни чистый звон
Умчался ввысь, исчез за синей далью,
И никогда не возвратится он.

Да, на планете все стремится ввысь...
Вон этажи красиво вознеслись,
К далеким звездам рвется человек,
Пронзив ракетой наш двадцатый век.

И тополя высокие вершины,
И юная колючая трава,
И утренние светлые слова –
Все рвется ввысь, летит не удержиимо.

ВИСЯЧИЙ МОСТ

Там, внизу, бурлит река,
Целясь галькой в облака,
Брызги по ветру бросая.
И, качаясь, мост свисает
С неба, словно с потолка!
Он танцует над ущельем,
Он как путь к неблизкой цели –
Зыбкий путь, желанный путь.
И дойти бы, в самом деле,
Головы бы не свернуть!
А пожалуй, все в порядке –
Я знавал пути трудней.
Как на этот мостик шаткий,
В жизнь вступивший без оглядки,
Я иду, иду по ней!
Все случалось, все бывало:
Застигал и дождь, и град,
Ночь в дороге заставляла,
Но ничто не заставляло
Повернуть меня назад.
Вот он между берегами,
Тетивою под ногами
Мост висячий – ну и пусть!
Я качнусь – и мост качнется,
Я рванусь – и мост рванется.

Пусть сорвусь, а не вернусь!
Если не на этом свете
(Кто не слышал сказки эти!),
Есть он, чертов мост, в аду –
Не бросаю слов на ветер,
Но и это я пройду!
А пока что подо мною
Над рекою озорною
Мост висячий на пути...
Будет он дорогой прочной
Лишь для тех, кто знает точно,
Для чего вперед идти!

ВСЛЕД СГОРЕВШЕЙ ЗВЕЗДЕ

Мне кажется, в такую ночь, как эта,
Когда равны минуты и года,
Полна душа неведомого света.
Как будто и сама она – звезда.

Какое небо ночь открыла взору!
Огромный мир наполнен тишиной.
Тропинка, что весь день бежала в гору,
Усталая, уснула под луной.

Над ней звезда, и рядом с ней – другая,
Ярка, и высока, и холодна,
О чем, меня молчанием пугая,
Таинственная, думает она?

Она не скажет, и не я узнаю,
Кому – далекой, ясной, молодой –
Сияешь ты, Земля моя родная,
Вечерней или утренней звездой.

Мне надо знать, что происходит рядом,
Мне надо все увидеть и понять.
Но даже мне ни мыслью и ни взглядом
Распахнутое небо не обнять.

Я видел жизнь, мне смерть в лицо смотрела,
Все понимал – не сердцем, так умом.
Но вот звезда – мелькнула и сгорела
В пути своем, высоком и немом.

И я не знаю, отчего – не знаю,
Зачем она сгорела и когда...
Но знаю я, что жизнь моя земная
Бессмертна и мгновенна, как звезда.

ВЕРЬ И ОПОРУ В ЛЮДЯХ НАХОДИ

Друг сказал мне: «Сколько лжи вокруг...»
О других сказал, не обо мне.
Но когда такое скажет друг,
У тебя душа болит вдвойне.

Неужели среди бела дня
Стала правда для него черна?
Верный путь опасен для коня
И вода в колодце солона?

Повторю я горькие слова:
«Сколько лжи...» А сам скажу: «Постой,
Чем же, чем душа твоя жива?
Искренностью, правдой, добротой?»

Есть на свете пасмурные дни,
Есть туманы, вьюги и ветра,
Но слабы, но немощны они
Перед ликом солнца и добра.

Все бывало, я и сам не раз
Трудную неправду говорил,
Говорил, не поднимая глаз,
Но себя за это не корил.

Жизнь бывала разной и со мной,
Но уж так устроена она:
Повернется светлой стороной,
Как бы раньше ни была черна.

Никого напрасно не вини,
Ни о чем поспешно не суди,
Солнцу верь и в пасмурные дни,
И опору в людях находи.

ПОДЕЛИСЬ С РЕКОЮ И СО МНОЙ

Ты скажи мне: отчего с тоской
Смотришь ты на ясный день такой?
На лице твоём не солнца свет –
На лице твоём печали след.

Наклонилось дерево приветно,
И цветы смеются разноцветно,
Но глядишь ты, ничего не видя,
Весь твой мир – в одной твоей обиде.

И со мной подобное бывало,
И меня измена с ног сбивала,
И утрата, и хула, и зло...
Это было. Было, да прошло.

Ночь уйдет и больше не вернется,
День пройдет и новым обернется,
Будет солнце прежнего добрей,
Будет утро вечера мудрей.

А пока судьбу ты не кори.
С деревом, травой поговори,
С солнцем поделись и тишиной,
Поделись с рекою и со мной.

БОЛЬНО

У каждого на свете боль своя.
Но чья больнее? Кто об этом скажет?
Есть горечь пересохшего ручья.
Есть боль зерна, что в борозду не ляжет,

Дождей, что разбиваются о скалы,
И дерева, дающего тепло.
Вот отпустило, кажется, прошло,
А через миг еще больнее стало.

Есть боль своя у каждого из нас.
И я об этом думаю невольно.
Вот ты идешь, не поднимая глаз, —
Я знаю, и тебе, наверно, больно.

И никого я в этом не виню...
А боль вещей? Она с людскою схожа.
И наковальне больно, и огню,
И молоту, ударившему тоже.

Как больно хлебу, что лежит в пыли,
Еще — колосьям, скошенным до срока.
Тропе забытой — снова обошли! —
И яблоне, стоящей одиноко.

Как больно облетающим лесам,
Когда ветра все листья обрывают...
И лишь тому, кто боль приносит сам,
Тому, наверно, больно не бывает.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Я знаю, Адыгея так мала.
На пестрой карте, возле гор Кавказских,
Вот вся она под кончиком указки –
Земля, что целым миром мне была:

Карабкались по склонам облака,
Трава на горных пастбищах качалась,
О скалы билась буйная река,
Текла издалека и не кончалась.

Потом большое становилось малым –
Был новый перевал за перевалом.
Плыл старый школьный глобус под рукою,
Кончалось детство с горною рекою.

О, маленькая древняя земля!..
Одним лучом ее согреет солнце –
И домики, белеющие сонно,
И синие вершины, и поля.

Лихой джигит, пришпоривший коня,
Объедет всю ее к исходу дня,
Но ты приедешь с доброю душой –
Тебе она покажется большой.

В большой стране на маленькой земле
Живет народ мой, мудрый и отважный.
И учит сыновей сидеть в седле,
Чтоб стали те джигитами однажды.

Спроси о нас историю. Она
Лихих черкесов помнит имена,
Она расскажет, как когда-то встарь
Летели бурки и звенела сталь.

Спроси о нас у солнца и зари.
А лучше сам однажды посмотри –
Чем сто раз слышать, лучше раз взглянуть.
Ты приезжай и добрым гостем будь.

САМШИТОВАЯ ТРУБКА

Самшитовая трубка, ты поведай
О думе, о мечте тысячелетней,
Поведай о сраженьях и победах,
О первой радости и о беде последней.

Скажи, с кем поделила ты разлуку,
Улыбку чью и чей изгнанья стыд?
Ты расскажи о той стреле из лука,
Что до сих пор в истории летит.

О топоре и ложке расскажи,
О первом колесе, бегущем и поныне,
Скажи о простодушии и лжи,
И о слезе – как роднике в пустыне.

Самшитовая трубка, песнь моя,
Все расскажи неложными словами,
Хочу узнать, хочу услышать я,
Как ты курилась сладкими дымами.

Поведай о могилах наших предков,
Лежащих в перекрестье горных троп.
О трудной человеческой работе,
О человеке, чей огромный лоб
Вместил в себя вселенские заботы.

Поведай мне о войнах и погибших,
О мире, совершенства не достигшем,
Но рвущемся ежесекундно ввысь –
Как твой дымок, как жесткий лист травы.

Самшитовая трубка, разве нам –
Потомкам, – разве нам легко бывает?
Порою нас неправда убивает,
Но сами преграждаем путь смертям.

Самшитовая трубка, песнь моя,
Все расскажи неложными словами,
Как ты курилась сладкими дымами
И озаряла дали бытия.

ВЕЧНОЕ ДЕРЕВО

О, народ мой! В раздумье увиделось мне,
Что тебя и земля ненамного древней.
Прорастая корнями в ее глубине,
Вечным деревом был ты и будешь на ней.

Нес ты трудную ношу на сильных плечах,
От извечных врагов заслоняя очаг.
Холст твоих домотканых крестьянских рубаш,
Зноем пашни и дымом сражений пропах.

Ты мечом защищал свою землю не раз,
И огонь доброты в очагах не погас.
И росли сыновья, честь и мудрость ценя, –
Узнаешь голоса их в крови у меня?

В жизнь, и в солнце, и в правду,
и в щедрость земли –
Не в богов – твоя вера была велика.
Но ислам чужеземцы в твой дом принесли,
Утвердили жестокою силой клинка.

Над тобою прошла лихолетьем беда,
В море Черном от слез стала горше вода,
Как стонал и болел твой разрубленный ствол,
Знали те, кто остался, и те, кто ушел.

Миновал черный век... И настал светлый год!
Под лучами его гордо крона цветет,
Смог ты, зло одолев, о былом не забыть
И на вечной земле вечным деревом быть.

Ты потомкам своим оставляешь завет,
Что не ценится звоном чеканных монет:
Мудрость, совесть и честь оставляешь ты им,
И потомки верны тем заветам святым.

Это все – от касогов из дальних времен,
И от горных отрогов, и гордых имен.
Прорастут, чтоб умножить добро на земле,
Молодые побеги на вечном стволе!

НА ХАКУЧИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Посмотри: перевал Хакучинский застыл,
И послушай: молчит перевал.
И самшит, что тогда лишь тростинкою был,
Молчаливее неба и скал.

Но взошли ярко-красные всходы зари,
И в ущелье плеснулся восход.
Не от крови, что прежде текла, – посмотри, –
А от солнца горяч небосвод.

Запах пороха выдул сквозняк вековой,
Но, как рана, зияет пролом.
Тяжелы облака над моей головой,
Словно мысли о веке быллом.

Время дни и года собирает в века,
И уходят во тьму времена.
Только помнит река, что течет с ледника:
В наши слезы впадала она!

Блеск штыков. Покоренная каменность лиц,
Черный дым застилает года...
Мы пред маршем победным не падали ниц.
Пред землю оставленной – да...

Посмотри: перевал Хакучинский застыл,
И послушай: молчит перевал.
Только кажется мне: перевал не забыл
Тех, кто камни его целовал!

УБЫХИ

Жили убыхи на древней адыгской земле.
Веткою были на этом могучем стволе.
Что же ты, век мой, не смог сохранить-уберечь
Гордый язык их, гортанную горскую речь?

В скалах высоких, у моря, что Черным зовут,
Жили убыхи – да больше уже не живут.
Что, век минувший, ответишь грядущим векам?
Этому вечному – солнцу, земле, облакам?

Вечное вечно, и слово бессмертное скал.
Жили убыхи... Я след их напрасно искал.
Слово ли, песня ли, плач ли на том языке –
Все потерялось, что камешек малый в песке.

Только осталось – названья вершин и плато.
Слова убыхского больше не скажет никто.
Эхо тревожит молчанье стареющих гор –
Эхо свинцовое бродит в горах до сих пор...

Жили убыхи на древней адыгской земле,
Веткою были на этом могучем стволе.
Бремя окликнет – да где он, ушедший язык?
Словно история молча застыла на миг!

ПРОШЕПЧУ, КАК МОЛИТВУ, СЛОВА

Когда в горах прозрачным утром ни души
И тишину разрушить боязно словами,
Как перед богом встану, горы, перед вами:
«Ну до чего же вы сегодня хороши...»

Так тихо-тихо, как молитву, прошепчу
Все те слова, что мне захлестывают душу.
Я вашей строгости спокойной не нарушу –
Я просто, горы, вместе с вами помолчу.

Я посмотрю, как облака плывут, белы,
Как Лаго-Наки улыбаются в тумане,
И речка светлая танцует на поляне,
И обрывается тропинка со скалы.

И словно не было кровавых рек войны,
И жгучей мести, и нечаянного спора,
И на земле не оставляли скакуны
Горячих ссадин, заживающих не скоро.

Давно-давно прошли века, года и дни.
В который раз в долине яблоки созрели.
И только горы до сих пор не постарели.
И только горы – вечно молоды они.

В моей долине Абадзехской тишина.
Там все отсвечено летящею листвою.
И облака плывут-плывут над головою,
А небо – озеро без берега и дна!

Любую боль забуду я, любое горе,
И на заре, когда в долине ни души, –
Как для молитвы, перед вами встану, горы:
«Ну до чего же вы, родные, хороши!»

В ДОМЕ ПУШКИНА НА МОЙКЕ

По ступенькам я поднимаюсь,
И ступеньки скрипят растерянно.
Тем же скрипом они отзывались
В феврале, далеком, метельном.
Так рыдали они, Так скрипели,
О великой утрате скорбя.
И несли друзья по ступенькам
Умиряющего – Тебя...
А в глуши России запатанной,
Покосившись, изба стояла.
Русокосая девочка плакала
Над судьбою твоей Татьяны...
И мои ущелья продуло
Ветром скорби, огня и крови,
И безмолвствовали аулы,
Как народ в твоём «Годунове».
Зацветали мимозы ярко.
Набирали реки разгон.
И свистели чугунные ядра
На вершинах спокойных гор!
И твоя черкешенка в ужасе
Голосила над мертвым телом,
Холодеющим телом мужа
(А еще он был моим дедом...).

Вы в одном оживете рассказе.
Вы одною повалены бурей.
Вы одною убиты пулей.
Ты – в России. Он – на Кавказе.
За мечту погибнув прекрасную,
Никогда вы забыты не были...

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Я опоздал к тебе на сотню лет,
Но я пришел, тот долгий путь осиял.
Ты сын Кавказа, ты его поэт,
Его певец. Прости меня, Россия!

Тщеславных генералов имена –
Что говорить! – запомнились едва ли:
Нет, не они Кавказ завоевали –
Моя земля стихами пленена.

Ты никогда не признавал поклонов,
А здесь порою – вовсе не в бою! –
Перед красой черкешенки влюбленно
Склонял, как пленник, голову свою.

Но в смутные и злые времена
Мои, мои в тебя летели пули...
Спасибо им – они тебя минули,
Спасибо – не задела ни одна!

Спасибо за судьбу или за случай –
За то, что обошла тебя беда.
Но на погибель сосланный поручик
С Кавказа не вернется никогда...

Моя земля ни в чем не виновата,
Ведь и твоя тебя не сберегла.
Поэты погибают, как солдаты,
Погиб поэт – не отвели ствола.

«Погиб поэт...» – над горькою строкою
Я повторяю гневные слова:
Будь проклят тот, с недрогнувшей рукою,
И тот, другой, не скрывший торжества!

В твоём краю, где реки так тихи,
Спокойны ветры и прозрачны дали,
Я по-черкесски говорю стихи,
Что тоже на столетье опоздали.

ПУТЬ К ТЕБЕ, РОССИЯ

Как долгод был и крут невыносимо
Нелегкий путь к тебе, моя Россия!
Как тяжела дорога в высях горных,
Как круты нравы предков непокорных,
Глядевших на тебя из-под бровей
В кинжальной непокорности своей!
Порой бывало, что тебя ругали
И именем твоим детей пугали,
Но каменные тронула уста
Улыбка – добродушна и всесильна...
Как тягостна была и непроста
Дорога неизбежная к России!
Но все ж навстречу мы друг другу шли.
Мы все прошли – лишения и войны,
И боль земли, и скорбь моей земли,
И оставались в памятной дали
Могильные холмы – как будто волны...
А солнце... Солнце нам равно сияло,
Ведь солнце никогда не выбирало,
И было небо голубою чашей
Над всей землей разноплеменной нашей.
И звезды одинаково красиво
Светили и Кавказу, и России.
И я к тебе тропу свою торил,

Я шел к тебе сквозь бурные столетья,
И радости, и злое лихолетье
Не раз, как хлеб, с тобой я поделил.
Я шел к тебе, шел, не считая версты,
И жгучий ветер бил тревожно в грудь.
Я шел к тебе – не компас и не звезды,
Но сердце мне указывало путь.
Как сложен был и крут невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия!

АДЫГИ

Адыги на земле своей живут.
Их издревле черкесами зовут.
Смеются солнцу, добрых ждут дождей.
Живут адыги на земле людей.

А ты о них не знаешь ничего –
Ни песен их гортанных, ни традиций.
Когда в ауле человек рождается,
То дерево сажают в честь него.

И выстрелами миру возвестят,
Что человека нового растят.
Адыги на земле своей живут,
Их издревле черкесами зовут.

Во имя счастья не прощают зла.
Не верят трусам. Уважают гордость.
И сердца мудрость, и поступков твердость –
Все им природа щедрая дала!

А ты бы видел, как они танцуют,
А ты бы слышал, как они поют!
На скакунах по праздникам гарцуют,
Черкески и кинжалы достают.

И до сих пор таят в себе кинжалы
И дрожь врагов, и бури тех времен,
Когда земля от выстрелов дрожала
И полыхала с четырех сторон...

Давно не пахнут порохом ущелья,
Давно над ними пули не поют.
Бывает жарко только от веселья,
Когда невесту в дом свой приведут.

Живут адыги на земле людей.
Смеются солнцу. Добрых ждут дождей.
Детей растят и собирают в путь,
Благословляя: «Человеком будь!»

ЧЕРКЕСКА

Не зря джигит тобой гордится,
Черкеска белая, как снег,
Когда он, легкий, словно птица,
На скачках обгоняет всех.

Вы продолжаете друг друга,
Вы оба – ветер и огонь,
Когда летите вы по кругу
Под адыгейскую гармонию.

Кроили девушки в ауле
Тебя из неба и зари.
Чтоб мимо пролетали пули,
Из сказок шили газыри.

Тропинкой горной прострочили,
Чтобы красивой ты была.
И верности тебя учили,
Чтоб горца ты не подвела.

Ты узнавала век за веком,
Что значит радость и беда.
Ты пахла порохом и ветром.
Ты кровью пахла иногда.

Тебя навывлет пробивали
В бою. И даже не в бою...
Тобой порою прикрывали
И душу черную свою.

Ты моему народу впору,
Ты сердцу горскому близка.
Ты принесла свободу в горы
На красных крыльях башлыка.

Не зря джигит тобой гордится,
Черкеска белая, как снег,
Когда он, легкий, словно птица,
На скачках обгоняет всех.

Ты учишь мужеству джигита,
Огню и легкости орла.
...И хоть по мне черкеска сшита,
Всему Кавказу подошла.

РАССКАЖИ ЕЩЕ РАЗ О НАРТАХ

Ты лучше мне о нартах расскажи,
О мудром солнце и ущельях черных,
О мрачных скалах и вершинах горных,
О вечности доверия и лжи.

Ты мне еще раз выведи коня
Белее льдов и полдня горячее.
И пусть летит он в черное ущелье,
Где солнце ждет на выручку меня.

Там, за огромной каменной скалой,
Таится дух, неведомый и злой.
И чтоб забыли люди о добре,
Он прячет солнце в каменной норе.

А солнце ждут и птицы, и трава,
И людям без него невмоготу.
И не забыли люди доброту.
Земля жива – и доброта жива.

Лети, мой конь, как белая стрела,
Все обгоняй: и день, и ночь, и ветер.
И я ударю черный камень плетью,
И зло умрет, и упадет скала.

И если вдруг погаснет твой огонь,
И станет ждать и жить неинтересно,
Весь жар любви я соберу в ладонь,
Чтоб пламя в очаге твоём воскресло.

Когда не будет ни одной войны,
Когда кинжалы станут не нужны,
Я соберу ненужные доспехи,
Как на реке перед зимою вехи,

Я отнесу их в кузницу адыгов,
Там молоты тяжелые поют.
Там кузнецы на лемеха для плугов
Всю смерть, и месть, и боль перекуют.

Лети, мой конь! Наш путь с тобой высок,
Нам нужно сделать доброго немало:
Там зацепилось облако за скалы,
Там выпрыгнула рыба на песок.

Кому-то стало боязно в пути,
Кому-то горько от вчерашней лжи.
И я спешу. Я должен их спасти.
...Ты мне еще о нартах расскажи.

ТЫ ЩЕДРА, ГОРЯЧА, ХОЛОДНА

С тех отрогов, где толпятся на тропе,
Словно белые бараны, облака,
Мчится речка по прозванью Мэлчапэ,
Льется с пастбищ звонкой стружкой молока.

В белых брызгах, вся меняясь на лету,
Вся в движеньи – словно грива скакуна!
Сколько речек в крае горном – не сочту,
А такая – непохожая – одна.

Так смеется, и танцует, и кипит –
Вся в движеньи – словно пламя и пурга!
Камни звонкие, как тысяча копыт,
Ударяются о дно и берега.

Так летит, не огибая валунов,
Возле неба, от селений вдалеке!
Так поет река отар и чабанов,
На веселом, на прозрачном языке:

Кто еще в горах не слышал обо мне?
Кто еще не припадал к моей волне?
Всадник скачущий и путник на тропе,
Зачерпнуть спешите сил из Мэлчапэ!

Жарким днем к тебе приду, и черным днем,
И в беду к тебе приду издалека:
Ты коснись меня живым своим огнем,
Напои меня собой, моя река!

Ты щедра, и горяча, и холодна,
Ты чиста, как будто вечные снега,
Все мечты мои вместила ты одна
В нестареющие эти берега.

Сколько лет ушло за скалы, как вода!
Сколько рек вдали пропало навсегда...
Но одна не пропадает – Мэлчапэ.
Словно в жизнь мою впадает
Мэлчапэ!

БЕЗЫМЯННЫМ РУЧЬЯМ

Я столько ручьев безымянных знавал
И в дальнем, и в отчем краю!
Один – уставал и в песках застревал,
Другой – незнакомой реке отдавал
Прозрачную силу свою.

А третий – бежал, не пугаясь пути,
Мелея и полнясь опять:
До моря, до моря себя донести,
Ему свою свежесть отдать.

И в каждом, и в каждом все та же мечта:
Он к морю, он к морю течет!
И цель не напрасна, и жизнь не пуста,
И все остальное – не в счет!

Одни замирают в горах у камней,
Смолкает, смиряясь, вода.
Другие, поверив тому, кто сильней,
Теряют себя без следа.

Таятся одни от дорог в стороне,
Другие – открыто щедры.
А третьи в запруде молчат в тишине,
Но этот покой – до поры!

И думал я, свой вспоминая исток,
Над чистой водой в роднике:
Так будь благодарен за каждый глоток
Не только великой реке.

Я столько ручьев безымянных видал
В родной и чужой стороне!
Сухими губами к воде припадал –
И множилась сила во мне.

И мне не случайно увидеть дано
Ту суть, что иным не видна:
Безвестные речки, сливаясь в одну,
Известным дают имена.

К ЛЕГКИМ СЛОВАМ НЕ ПРИУЧЕН

Как река, что течет без излучин,
Я открыто и прямо живу.
Легких слов говорить не приучен,
Человеком тяжелым слышу.

Человеком тяжелым прозвали...
Только вот невдомек никому,
Что тяжелые чьи-то печали
Так легко я на плечи приму.

Улыбнусь незнакомым прохожим
И охотно друзьям подпою,
Если будет их песня похожа
На правдивую песню мою.

Есть, конечно, и легкие люди.
Как легко они песни поют!
Как легко они хвалят и судят,
Как нетрудно друзей предают!

Человек я тяжелый, не скрою.
Может, это с того и пошло,
Что в любви своей верной порою
Объясняюсь я так тяжело!

Тихо-тихо, губами одними
(Здесь иные слова не нужны)
Я шепчу твое светлое имя
И высокое имя страны.

КАНАТОХОДЦЫ

Канатоходцы – что за смельчаки!
Танцоры, балагуры, работяги.
Завидовали даже старики
Их дерзкой, их мальчишеской отваге.

Когда они под барабанный гул
В аул врвались с шутками и смехом,
Мы становились тенью их и эхом.
Мы шли за ними через весь аул.

А эти парни – до чего ж смелы! –
Над пропастью несли земное тело.
И под ногами проволока пела,
Как тетива в предчувствии стрелы.

Ах, парни, не сносить вам головы!
И замирали даже барабаны,
Когда, врываясь в танце ураганном,
Бескрылым всем бросали вызов вы.

Но застывали на губах слова,
И замирал я, что-то понимая,
Когда вы, шеи дерзкие ломая,
Срывались вдруг с вершины мастерства.

Но снова шли – не по земле, а над!
Шли, приминая облака, не травы,
В поту работы, ореоле славы,
Чтоб доказать, что человек крылат.

Я сам срывался с высоты не раз.
И если не хватает мне отваги, –
Отчаянные парни, работяги,
Канатоходцы, – я учусь у вас!

МАЛЬЧИШКИ КУПАЮТ КОНЕЙ В РЕКЕ

Ах, какая это красота!
Вся долина светом залита.
А в реке у белых валунов
Мальчишки купают скакунов.

Брызги, словно солнечные взрывы,
Волны перепутались и гривы,
Белые бока и облака,
И конечно, небо и река.

Ах, какая грива у коня!
Красная, как будто из огня.
Светлая, как будто из дождей.
Мальчишки купают лошадей.

И стоят девчонки вдалеке
И глаза стыдливые отводят.
Даже ветер, опустив поводья,
Стережет рубахи на песке.

И светлеют лица у людей:
Посмотрите, горные отроги! –
Голые мальчишки, словно боги,
На блестящих крупах лошадей.

ЩЕДРОСТЬ

Сыну Руслану

Спой, дерево, сыночку моему!
Над колыбелью простирая ветви,
Про мудрость жизни, про весну и вечность
Спой, дерево, сыночку моему.

Пусть он услышит, как шумит листва,
И как на ветках ветры повисают,
И как весною почки воскресают,
Зеленого не пряча торжества.

Как солнцем наливаются плоды,
Как радостно горят поленья в стужу,
Как пляшут топоры с веселым стуком
И реками уносятся плоты.

Спой, дерево, сыночку моему
Ту песню, что за добрым делом пели
И посох, и ворота, и качели.
Спой, дерево, сыночку моему!

Пусть сын познает все, что есть за ней:
Упрямство веток, и прохладу тени,
И вкус весны, струящейся сквозь тело,
И мудрость уходящих вглубь корней.

Приснись судьбою сыну моему
Такою, как у всех, но непохожей!
Приснись ему вершиной непокорной,
Приснись высокой палубой ему.

Пускай ему привидится во сне
И яблоко, умытое росой,
И дерево, подбитое грозой,
И веточка, воскресшая на пне.

Пусть все у сына сбудется потом.
Пусть будет труден путь его и светел.
...Деревья начинают жить на свете
Малюсеньким беспомощным листком.

ЛАСТОЧКИ КУПАЮТСЯ В ДОЖДЕ

«Поутру не угадаешь дня», –
Говорили издавна в народе.
Но выводит небо за поводья
Утро, словно белого коня.

И тряхнет он гривой из дождей,
И сверкнет серебряною сбруей –
И запляшут солнечные струи
На ладонях листьев и людей.

В добрый дождь душе моей светло.
Я хочу, чтоб это не прошло!
Неужели, как к деревьям зной,
Возвратится грусть моя за мной?

А вода чистойшая звенит.
И хохочет, и поет, и плачет.
Новый день – он только нами начат.
Он еще ничем не знаменит.

Ласточки купаются в дожде.
В небо, словно в озеро, ныряют.
И с улыбкой люди повторяют,
«Ласточки купаются в дожде...»

ОБЩИЙ ДВОР

В ауле том, где воздух пахнет садом,
Живет моя крестьянская родня.
В одном дворе стоят три дома рядом:
Три старших брата в гости ждут меня.

О, никогда душа не забывала
Двора, где каждый камешек знаком!
Пахнёт теплом из хлева, как бывало,
И сеном, и овечьим молоком.

Здесь, как всегда, гостям калитка рада,
Коснусь рукой – и запоет она...
В одном дворе стоят три дома рядом
И окнами смеются допоздна.

А мой, четвертый, далеко отсюда,
Мой, городской, от отчего вдали.
Но я крестьянин и другим не буду,
Я так скучаю без родной земли.

На ней и справа улочки, и слева
Травую заросли наверняка.
И так идет им теплый запах хлева,
И хлеба, и парного молока.

А у меня земля в асфальт одета,
И хлебный запах только снится мне...
Кричи, петух, и двор буди с рассвета,
И мой приезд предсказывай родне!

Пусть будет день и щедрый и погожий,
Пусть светит солнце и в мое окно,
Здесь, во дворе, четвертый дом мой тоже
Построен в мыслях матери давно.

Еще он из отцовских дум построен.
Вот он стоит – и светлый, и большой...
Я буду дома этого достоин,
Я вечно в нем крестьянскую душой.

ВЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Эта груша посажена мамой была,
Но какую далекой весною?
Это помнит земля, это помнит скала,
Поседевшая вместе со мною.

Все видней со скалы – даже то, что вдали,
Суть открытей и истина ближе.
Только маму, ушедшую с этой земли,
Ни с одной высоты не увижу.

Родники раздают свою воду, щедры,
Но вода не уходит, не тает.
И сейчас, когда я на вершине горы,
Как мне мамы моей не хватает!

Мама, я без тебя одинок до сих пор.
Как понять моим выросшим детям? –
Вечным мальчиком вновь захожу я во двор,
Чтобы встретиться с деревом этим.

Разрослась твоя груша, ушли в глубину
Ее сильные, мудрые корни.
Свои руки усталые к ней протяну:
Ты мне снова о маме напомни!

Мне с годами она все нужней и нужней,
Я не грешен ни в чем перед нею,
Только в том, что остался в долгу перед ней –
Это сделало время виднее.

И сейчас, когда я на вершине стою,
Когда многое в жизни свершилось,
Мне бы маму мою, рядом маму мою,
Чтоб моя голова не вскружилась.

МАМА

Иду по жизни трудною тропой
И так грущу, что нет тебя со мною!
Меня надежды радуют собой
И беды не обходят стороною.

Когда я песню тихую пою,
Пускай она чуть-чуть грустна порою,
В ней узнаю мелодию твою –
И сразу мир по-новому открою!

Когда, как снег, сойдет моя беда,
Я счастлив той же радостью земною,
Как ты бывала счастлива, когда
Всходили травы первые весною.

Я иногда зову тебя: «Приди!»
Приди ко мне веселой и живою,
Я молча прислонюсь к твоей груди
Уставшей поседевшей головою.

Чтоб ты одна спасла, и поняла,
И все сомненья так легко решила.
И пошутила б, что всегда бела
Крутая непокорная вершина.

ОТЧИЙ ДОМ

Есть отчий дом, и дом, где я живу,
А между ними – годы и дороги.
Там смотрят в небо горные отроги,
А здесь уходят сосны в синеву.

Здесь по ночам деревья оживают
От пения шального соловья.
И здесь меня любимым называет
Единственная женщина моя.

Здесь все до боли близко и знакомо:
И яблоки на ветках, и роса.
И я, как в детстве, ухожу из дома
В далекие прозрачные леса.

А лес наполнен осенью и синью,
Я листьями опавшими шуршу.
Рассказываю дочери и сыну
Про песню, что сегодня напишу.

Наверно, я начну ее со слов:
«Мой отчий дом за сотни долгих снов,
Мой отчий дом, мой самый главный дом...»
А может, это будет не о том...

ПЕРЕД БЕЛОЙ ГОРОЙ

Перед белой горою, что ростом с меня,
Перед белой горою, что мне ото всюду видна,
Я стою на исходе такого прозрачного дня,
Потому что я знаю: меня не отпустит она.

В белый день я к ней шел, свет ночи расплескал,
И туманы, и грозы остались уже за спиной.
Я взойду на нее, потому что нашел, что искал,
И усталые тени поднимутся вместе со мной.

Разве семьдесят лет – долгожданный привал?
Разве вся моя жизнь не была и горька, и сладка!
Как вершина чиста – я белее еще не знавал!
А над новой горою такие плывут облака...

ДЕЛО НЕ МОЕ

Кто-то болен, ну и что же?
– Дело не мое. –
Чье-то слово дышит ложью.
– Дело не мое.

Чья-то свадьба омрачилась.
– Дело не мое. –
Что-то с другом приключилось.
– Дело не мое.

Кто-то женщину обидел.
– Дело не мое. –
Кто-то тайну чью-то выдал.
– Дело не мое.

Но спрошу я: до чего же
Дело есть тебе?
И кому же ты поможешь
В горестной судьбе –

Не любя, не ненавдя,
Не дружа ни с кем?
Я б хотел тебя увидеть
Тонущим в реке.

Чтоб людей на помощь звал бы
Ты в волнах ее.
Но спокойно я сказал бы:
– Дело не мое!

В ЧАС МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМ

Час между ночью и днем нерожденным,
Миг, что недолго над вечностью властен...
Тихо дорога взбирается в небо по склонам
К белым вершинам, застывшим надеждами счастья.

Там, за скалой, за дорогой, за облаком светлым,
Ветер притих, и ночная прислушалась птица:
Вот и ручей торопливо бежит за рассветом.
Как он смеется – себя расплескать не боится!

Как он спешит, об уступы себя разбивая,
Чтобы успеть, чтобы день привести за собою!
Смотрят вершины, над сонной долиной вставая:
Там перечеркнута ночь полосой голубою.

Скоро от ночи останется краешек малый,
Краешек малый. А после исчезнет и это.
И, заливая деревья, дорогу и скалы,
Хлынут в долину потоки веселого света.

День мой пришедший – будет и он не напрасен,
Солнцем наполнен, дойдет до закатного края.
И не умрет – только станет опять, догорая,
Мигом надежды, что над вечностью властен.

СЧАСТЛИВ ВАШИМ СЧАСТЬЕМ

Бежала речка, не страшась пути,
Чтобы до моря радость донести.

– Какая ты счастливая, река,
К своей мечте пришла издалека!

Вот дерево – былым снегам назло
Однажды утром тихо расцвело.

– Как ты, наверно, счастливо, весной –
Ты светишься своею белизной!

Тропинка неприметною была –
И вдруг к большой дороге привела.

– Как прежде я тебя не замечал?
Ведь это ты – начало всех начал!

Томились зерна в глубине земли –
И вдруг былинки к солнцу проросли.

– Растите и сильны, и высоки,
Счастливые и хрупкие ростки!

Друг к другу плыли облака давно,
Слились неслышно в облако одно.

– Я счастлив вашим счастьем, облака,
Пусть будет вам дорога высока!

НАЧАЛО ТАНЦА

Смотрю, как взлетает птица –
Стремительна и легка,
Как солнечный зайчик стремится
К полу – от потолка.

Как бабочка невесомо
Порхает с цветка на цветок,
Как дым, поднимаясь над домом,
Свершает на небе виток.

Как ветер колышет ветви,
Морщинит зеркало вод,
Как первые травы вешние
На цыпочках рвутся вперед.

Я вижу движенье молний
И грома раскат ловлю.
Гляжу, как под ливнем вольным
Ликует все, что люблю, –

Все-все, что легко и свободно,
И ярко, как солнечный миг...
Учусь я движеньям природы,
Ведь танца начало – в них.

ВСТРЕЧА

Умирают у горных вершин облака,
Раздирая об острые скалы бока.
Но живут ожиданием встречи одной
С недоступной вершиной – своей вышиной.

И трава ожиданием лета жива,
Для него наливается силой земною.
Хоть умрет сенокосным июнем трава,
Но живет ожиданием встречи одной!

Так и я терпеливо и чутко молчу,
Словно камень, сокрытый речной глубиной.
Я свой радостный час торопить не хочу.
И живу ожиданием встречи одной.

Может, ты неприступней горы снеговой?
Может, хочешь меня обойти стороной?
Но клянусь этим облаком, этой травой:
Я живу ожиданием встречи одной!

ГРУСТЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Корабли иногда грустят,
Край земли отыскать хотят.

Что вы, глупые корабли!
Края не было у земли.

Я и сам хожу на причал,
Чтоб волной унесло печаль.

Я хожу сюда погрустить,
Морем солнышко погасить.

Я смотрю на него, смотрю:
Волны до неба достают.

Обжигаются о зарю,
То ли плачут, то ли поют.

До бровей моих долетят,
Словно мне объяснить хотят,

Что не вечна моя беда,
Как в ладонях моих вода.

Что ты, море, шумишь у ног?
Ничего б я один не смог.

Посижу с тобой, намолчусь,
Очень многому научусь.

Не нашли еще край земли?
Забери меня в корабли.

Уплыву его открывать.
Людям доброе раздавать.

НУ И ПУСТЬ ГОВОРЯТ

Видишь в пору полночную, в час тишины
Легкий свет на волне от луны?
Это прямо на воду дорожка легла,
И загадочна так, и светла.

Почему я по лунной дорожке бегу?
Я и сам объяснить не могу.
Но у края дорожки мерцает луна,
И, как тайна, желанна она!

Может, надо спросить, почему позвала –
Горяча, и красна, и кругла?
Может, надо спросить, почему на волне
Одиноко луне в тишине?

Может быть, испугала ее глубина
Или пенье ракушек со дна?
Или просто луне надоело одной,
Вот она и послала за мной?

Ничего я не знаю и знать не хочу,
Просто лунному верю лучу
И по светлой дорожке иду за мечтой,
И таинственной, и золотой.

Удивленные звезды стоят в вышине.
– Вот чудак, – говорят обо мне.
– Как мальчишка, штаны до колен засучил
И луну танцевать научил!

Ну и пусть, ну и пусть, что хотят, говорят,
Только дольше и ярче горят.
Но уже над водой, где танцует луна,
Голубая полоска видна.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Этот дождь над моей головой,
Над веселой умытой листвой –
Был он звонок, да не пустозвон,
Был он в целую землю влюблен!

Над улыбками улиц и лиц,
И в окне – возле этих страниц –
Он летел, и звенел, и шумел –
Так дарил он себя, как умел.

Этот дождь молодой, голубой
Все пустое заполнил собой.
И, поддавшись веселой игре,
Он в кадучках плясал во дворе!

Но все тише, все тише звеня,
Этот дождь уходил от меня:
Там, вдали от моих площадей,
Ждут крестьяне весенних дождей.

Этот дождь – он спешил, он летел,
Всем по капле достаться хотел.
Он еще раз листву искупал –
И пропал!

ТОСТ

А всего лишь мне сказать хотелось
За бокалом доброго вина:
Чтобы вам леталось, чтобы пелось –
Пусть вам будет высота верна!

Так верна – как мы верны друг другу,
Так верна – как всаднику седло.
Я желаю, чтоб в любую вьюгу
В этот дом тропу не замело.

Дерево уходит вглубь корнями,
Дарит утро всей земле зарю,
Солнце поднимается над нами –
Я о нашей дружбе говорю.

Пили мы за все, что мы любили,
Вспоминали столько милых глаз!
Что же мы врагов своих забыли,
Верных нам, тоскующих о нас?

Невниманьем их не обижаю,
Есть одно желанье у меня:
Пусть в седле из дома выезжая,
В свой аул вернутся без коня,

Чтобы мы по одному встречали
Их в пути, бредущих тяжело.
Пусть несут в позоре и печали
На плечах тяжелое седло!

Выпьем же за мужество и честность,
За седло и верного коня.
Выпьем за тропу и неизвестность.
За любовь. За вас. И за меня.

ПОЮЩАЯ СИНЕВА

Дождик теплый, дождик светлый
Из поющей синевы –
Стал он сказкой семицветной,
Сказкой неба и травы.

Над землей зеленой тая,
Стал он песней о весне –
Эта музыка простая
До сих пор звучит во мне.

Дождик теплый, дождик юный,
Не такой, как все дожди!
Эти струи, или струны,
Ты рукою отведи.

Видишь: радуга повисла,
Словно кто-то, полный сил,
Вскинул к небу коромысло,
Только ведра позабыл!

ТЫ О ЖИЗНИ СПРОСИЛА

Над землей, завывая,
Дуют ветры с утра до утра.
И не год, и не два я
Все шагаю сквозь эти ветра.

Дуют ветры, ярея,
Все на свете готовы смести.
Вырастают деревья
И встают у ветров на пути.

Ветры дикие с гиком
На деревья в атаку летят.
Очень многие гибнут,
Потому что борьбы не хотят.

Очень многие гибнут,
Потому что их корни слабы.
Есть деревья другие –
Они не боятся борьбы.

Пусть корявы их ветви,
Пусть невзрачны они и малы,
Но ломаются ветры
Об их волевые стволы.

И цепляется солнце за них,
И ныряет в листву,
А потом, словно сокол,
Распластавшись, плывет в синеву.

Захлебнутся от света
На горячей опушке лесной
Те, что жались от ветра
Где-то там, за чужою спиной,

И, одернувши ветки
Над коленями стройных стволов,
Встанут, словно невесты,
Красоваться до новых ветров.

Дуют ветры, ярея,
Все на свете готовы снести.
Вырастают деревья
И встают у ветров на пути.

Но не всем хватит силы
Посмотреть ураганам в глаза...
Ты о жизни спросила?
Я тебе рассказал.

ЦВЕТ ВЕТРА

Все ветры на одно лицо?.. Не верьте!
...В метельном небе ни одной звезды,
И белый ветер в этой круговерти,
Как белый конь, что рвется из узды.

Летит – горячий, бешеный и быстрый,
Но обжигает стужей, – не огнем.
И льдинки разлетаются, как искры,
Под белым ветром – сказочным конем.

Весенний ветер – тоже ветер белый,
Он весь – цветенье или белый смех.
Несмелый и влюбленно-оробелый,
Он нежностью одаривает всех.

Зеленый ветер – легкие объятья,
И песня, и веселая игра.
Когда танцуешь ты в зеленом платье, –
Ты словно ветру этому сестра!

А ветер лета – выцветший от зноя,
С такой усталой желтизной лица.
Он, словно странник, что бредет степною
Дорогой без начала и конца.

Зато осенний ветер, как он ярок:
Плащ разноцветных листьев за спиной!
Он каждый лист подносит как
Подарок Земле и небу – ветер озорной!

Еще он весел и горяч без меры,
Но никуда не деться от судьбы:
С лицом дождя приходит ветер серый,
А там и белый встанет на дыбы...

ГЛАЗА

С. Н. Федорову

Глаза бывают разные на свете:
И серые, как море на рассвете,
И голубые, словно небеса...
Но слышишь – и у солнца есть глаза!

Спросите у дождя – он знает это,
Об этом знают утренние клены.
Подсолнух, ослепленный ранним светом,
Ресницами моргает изумленно.

Об этом шепчет радостная ветка,
Счастливо улыбаясь в вышине...
Но все-таки они какого цвета –
Глаза у солнца, расскажите мне!

О том расскажет чистая роса,
Что по утрам на травах серебрится.
И пропоют мне птичьи голоса.
И в светлом сне восторженно приснится,

Как солнечные пламенные очи
Взирают на планету с высоты
И как земля по ним тоскует ночью,
Вздымая темно-синие хребты.

Глаза, глаза... Так ярк этот свет,
Но, не слепя, дарует он прозренье.
И на земле он оставляет след,
И землю вдруг пронзает озаренье.

Глаза бывают разные на свете.
И синие, как этот юный ветер,
И черные, как дикая гроза...
Скажи, а солнцу ты смотрел в глаза?

ТРЯСИТЕ КРОНУ ЩЕДРУЮ МОЮ

Я дерево, жестка моя кора,
Я дерево, которое цвело.
С годами от созревшего добра
Моим надежным веткам тяжело.

Вы, на меня глазевшие весной, –
Трясите крону щедрую мою.
Все то, что взял я в глубине земной,
Вам зернами надежды раздаю.

Трясите от верхушек до корней –
Я не боюсь, трясите веселей!
Ведь от того, что дерево трясут,
Оно еще сильнее и смелей.

Вкусите спелой радости плодов,
Ищите чудо в глубине ветвей!
Эй, мальчики, гроза чужих садов,
Я перед вами – что же вы, живей!

Поверьте, не напрасен будет труд.
Я не боюсь, трясите веселей!
Ведь от того, что дерево трясут,
Оно еще мудрее и сильней.

ЧЕТЫРЕ УЛЫБКИ

Четыре различных улыбки у года,
И в судьбах у нас – то зима, то весна.
Но как бы цвета не меняла природа,
Чиста, как и прежде, вершин белизна.

И жизнь переменчива, но неизменна:
И рвутся ростки из весенней земли,
И рвется ручей из скалистого плена,
Из отчего края – к тому, что вдали.

О, вечные истины, вечное чудо:
Терпение камня и мудрость огня!
И я на земле продолжаюсь, покуда
Нова и бессмертна она для меня.

ДВАДЦАТЬ ПЕСЕН

Ветры души моей,
Рожденные песнями ветры!
И о чем вы поете,
Просыпаясь ночами во мне?

Может, желтые ветры,
Вы о поле и солнечном свете?
Может, серые ветры,
О расшитом дождевиками дне?

Может, синие ветры,
Вы о горных глубоких озерах
И о теплых глазах,
Тех, что горным озерам под стать?

Или, звонкие ветры,
Вы поете о песнях, которых
Я, как птиц, отпускаю
Вслед за вами по свету летать?

Эй, бегущие с гор,
Словно дикие кони, ручьи!
Унесите и вы с собой
Жизнь мою – песни мои.

В море добрых сердец
Пусть как реки, впадают они.
Радость добрых надежд
Пусть кому-то подарят они.

Только лучшие песни
Я пока отпустить не могу.
Мои лучшие песни –
Как подснежник в колючем снегу.

Двадцать песен моих,
Недописанных песен моих, –
Это двадцать лучей,
Пробивающих темень ночей.

Это двадцать росинок
На ресницах любимой моей.
Это двадцать красивых,
Двадцать ласковых дочерей.

Это двадцать ночей
Без минуты покоя и сна.
Это двадцать ножей –
В моем сердце их сталь холодна.

И ДЕРЕВОМ СТАНЕТ ЗЕЛЕНЬ РОСТОК

Как светел мой полдень! Он солнцем пропах,
И запах его у меня на губах.
Мы с ним говорим на одном языке,
Мне с ним хорошо, как траве, как реке,

У полдня и поля на самом краю
Я вижу под солнцем вершину свою.
Но как ни желанна ее высота,
А все до поры к ней дорога крута.

Но то, что положено, сбудется в срок,
И деревом станет зеленый росток.
И будет другая вершина крутой,
С другою мечтой и другой высотой.

Пусть новые ливни прольются весной,
А старый наш мир удивит новизной.
Но будет и завтра – совсем как вчера! –
Немыслима жизнь без людей, без добра!

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В ПОЛДЕНЬ

Словно окликнули вдруг в тишине –
Это мой полдень, пришедший ко мне.

Полдень, застигший, как дождь проливной,
Раз уж пришел – оставайся со мной!

Я тебя, полдень, не ждал и не звал,
Думал – вдали твой крутой перевал.

Но лишь потом я пойму, лишь потом:
Ты и окликнул на самом крутом.

После пойму: с высоты этих дней
Дали ясней, горизонты видней.

День не горюет, что утро пришло, –
Солнце в зените светло и тепло.

Щедрое солнце, плыви же, свети!
Полдень – всего половина пути.

Я оглянусь на дорогу свою –
Это не я ль у начала стою?

Может быть, только сейчас и пойму:
Шел я непросто к себе самому.

Полдень, спасибо за мудрый урок, –
Две половины у наших дорог.

Путь, что над пропастью вел, каменист,
Плавной тропею спускается вниз.

Я посмотрю на дорогу свою –
Там, у заката, не я ли стою?

И, улыбаясь, пойду по тропе,
Вечер мой тихий, навстречу тебе.

ВНЕЗАПНЫЙ ВЕТЕР

Этот полдень в лесу до чего ж осторожен!
Он от мира ветвистой стеной отгорожен.

Прошлогодние листья молчат, не звенят,
Словно тайны вчерашнего снега хранят.

Как зеленью пахнет – цветами, листвою –
У ручья, пробежавшего змейкой живою.

И стоишь в тишине, и глядишь не дыша:
Как спокойна земля! Как спокойна душа...

Но откуда в тиши, где ни бед, ни печали,
Этот ветер, совсем не заметный вначале?

На дыбы становясь и листву поднимая,
Налетел и беснуется, ветки ломая.

И напрасно ты прячешься, полдень, весною
За стеной тишины, за зеленой стеною.

Ветер, жизнь – все равно, как зовется –
Вдруг закружит и вихрем взовьется!

СВЕТЛАЯ ОСЕНЬ

Ветер мой тихий, мой ветер осенний
Тронет неслышно пустеющий сад.
Видишь – с ветвей невесомо, как тени,
Грустные листья летят?

Время раздумий? Пора ли надежды?
Месяц осенний, неясные дни...
Листья метельные – те же, что прежде,
Только другие они!

В полдень вступаю, как в новую пору,
В пору, где кажется осень весной.
Пусть отгорит-отбушует не скоро
Этот пожар надо мной!

Как разлилась ты, заря зоревая,
Как ты пылаешь, осенний закат!
Может быть, это, меня согревая,
Дни листопадом горят?

Ветер – как всадник над лесом заречным,
Всадник, летящий на рыжем коне...
Если ты зрелость, то длись бесконечно,
Светлая осень во мне!

РАДУГА НА ГОРНОМ СКЛОНЕ

А в горах сегодня дождик озорной!
В нем купаются и скалы, и цветы.
Светят горные вершины белизной
Смотрят гордые вершины с высоты.

За деревья, за макушки голых скал
Задевали, проплывая, облака –
Видно, дождь из одного из них упал,
И над ним смеются солнце и река.

И так рады безымянные ручьи,
И так весело вода вокруг поет!
И сквозь солнечные теплые лучи
Летний дождь летит и радость раздает.

Скалы спят тысячелетия подряд.
Снится скалам, снится все, что наяву:
Так же зори за долиною горят,
Дождик прячется в высокую траву.

Как он весел – этот дождик озорной!
Вот он плещется в студеном роднике,
Вот он прячется за радугой цветной,
Вот бежит по турьим тропам вниз, к реке.

Вот притих он, чтоб, немного погодя,
Вновь нагрянуть, ничего не говоря!
А на склоне в честь веселого дождя
Тает радуга, от радости горя.

ОДИНОКИЙ ТАНЕЦ НА СКАЛЕ

На вершину дерево взлетело
И, как танцор, застыло на носках.
Оно стоит – одно над всеми, смело,
На голом камне, прямо в облаках!

Над самую высокой крутизною,
Верхушкой в высоту устремлено.
Одно – пред ветром, солнцем и луною,
Под вихрем снежным и дождем – одно!

Судить: «Беда ли? Подвиг ли?» – не надо.
Я б не хотел стоять от всех вдали
И принимать восторженные взгляды,
Но тосковать по запахам земли.

ОДИНОКОМУ ДЕРЕВУ

Спасибо, дерево, что вдалеке от дома
Стоишь, прохладу путникам даря.
Спасибо тем ладоням незнакомым,
Тебя земле доверившим не зря.

Ветрам спасибо! Стойкости и силе
Тебя учил их яростный напор.
Спасибо птицам – тем, что приносили
Тебе на крыльях песни рек и гор.

Ты не устало, хоть и стало старым,
Ты – цель, к которой радостно идти.
Ты знаком восклицательным недаром
Стоишь в конце нелегкого пути.

Трудна тропа... Печалиться не надо,
Есть для того, кто шел издалека,
Желанная прохлада, как награда,
Зеленый свет земного маяка.

ДЕРЕВЬЯ

Я просто уважаю вас, деревья,
Зеленые наследники земли,
В какой бы ни шумели вы деревне,
В какой бы вы столице ни росли.

Есть что-то в вас особое, людское,
Я верю в вашу щедрость и тепло.
Деревья, помашите мне листвою,
Когда мне будет очень тяжело.

Деревья, справедливые, как судьи,
Ушедшие корнями в глубину,
Шумят в вас удивительные судьбы.
Деревья, подарите мне одну!

Хочу быть лодкой в море незнакомом,
Нашедшей неизвестные края,
Бочонком для вина, порогом дома,
К которому всегда идут друзья.

Хочу вдруг загореться ярким светом
И чью-то душу щедро обогреть.
Дай бог мне, как деревья, жить на свете
И, как деревья, стоя умереть.

ЛОШАДЬ, ПЛАКАВШАЯ У ОБОЧИНЫ ДОРОГИ

Под вечер у обочины, где мертвой
Казалась пропыленная трава,
Стояла лошадь и тянулась мордой
К большому солнцу, теплomu едва.

День завтрашний, и солнечный, и длинный,
Быть может, и наступит, а пока
Последний луч пусть ей согреет спину
И впалые усталые бока.

Стояла, ничего не узнавая. Без дела.
Без уздечки и седла.
И тихая, прозрачная, живая
Слеза по шерсти вытертой текла...

А за дорогой степь дышала силой
И были горы белые видны,
В той стороне, в той жизни, сердцу милой,
Резвились молодые скакуны.

О лошади, стоявшей отрешенно,
Никто не вспомнит в этом табуне,
Как и она – об этом дне зеленом,
О солнышке закатном, обо мне.

Зачем я шею согнутую глажу,
Зачем слова ненужные шепчу?
Она года не сбросит, как поклажу,
Так чем утешить я ее хочу?

Не потому ль смотрю я виновато,
Смотрю, не видя безразличных глаз,
Что я лугов лишил ее когда-то,
Что от трудов освободил сейчас?

Но головой усталою качая,
Как будто глядя в молодость свою,
Она стоит, меня не замечая,
У жизни и дороги на краю.

Так до сих пор она перед глазами!
Я и сегодня вижу наяву
Тот след на морде, вымытый слезами,
Ту пыльную бесцветную траву.

НЕ ПОЗНАЛ БЫ ДОБРОТЫ И СВЕТА

Я дерево. Мне очень много лет.
Я знаю столько радостей и бед!
Но, словно новой веткой на стволе,
Я продолжаюсь сыном на земле.

Еще я – птица с неприступных гор,
Мне одного хотелось до сих пор:
Чтоб дочь моя, мой маленький птенец,
Крылом коснулась неба наконец.

Еще я человек. Мне нужен дом
С отцовским негасимым очагом.
И трудный хлеб. И мудрость родника.
И вечно – материнская рука...

Мне нужен дом. И верные друзья.
И женщина любимая моя –
Хранительница света и огня
И в очаге, и в сердце у меня.

За все, чем был и буду счастлив я,
Тебе спасибо, добрая моя!
И вам спасибо, щедрые дожди –
И те, что шли, и те, что впереди.

И вам, о, двери дома моего,
За то, что не забыли ничего.
За то, что вас враги не открывали,
За то, что вас друзья не предавали.

Мне было больше трудно, чем светло,
Тебе спасибо, жизнь моя, за это:
Я не познал бы доброты и света,
Когда б не понял, что такое зло.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ

Высыхает под солнцем роса,
Но беда не страшна, не страшна –
Будет снова она, если день начался,
Только будет другою она.

Побегут по деревьям лучи,
И листва запоеет на ветру.
Ей ответят высокие звезды в ночи,
Те, что сами сгорят поутру.

Есть всему свой назначенный час,
Есть всегда продолжение пути.
И деревья, как люди, уходят от нас,
Чтобы новым ростком прорасти.

ПОЮЩИЕ КАПЛИ

Солнца лучи стекали.
Будто играла река,
Зорями и стихами
Вспыхивали снега.

А в голубых сосульках,
Светлых, как хрустали,
Как в дорогих сосудах,
Капли солнца текли.

В музыке немудреной
Этих поющих солнц –
Шепот травы зеленой,
Летнего леса сон.

Радость сугробов талых,
Солнечный звон ручья,
Каждая капля – тайна
Чья-нибудь. И моя.

Падают капли солнца,
Падают и поют.
В снег, будто в чье-то оконце
Светлые слезы льют.

«Кап!» – с голубого неба.
«Дзинь!» – на прозрачном льду.
То зазвенят от смеха,
То запоют беду.

И безутешны льдинки,
Будто вдовы земли:
Теплые их слезинки
Снег под окном прожгли.

И КРУЖИТСЯ ВРЕМЕНИ КРУГ

Мир полон не только одною весной,
В нем дождь и жара, и метелей пора.
И зло не обходит меня стороной,
Хоть я и живу на земле для добра.

Без горечи сладость познать не дано,
И свет после сумерек ярок вдвойне.
А солнце в рассветное глянет окно,
И мир замечательным кажется мне.

И кружится, кружится времени круг
С любовью и счастьем, бедой и судьбой.
То мне он послушен становится вдруг,
То всю мою жизнь опрокинет собой.

А мне лишь такая судьба и нужна!
Пусть только друзья мои будут со мной.
Ведь даже вершина одна не сильна,
Ей – каменной! – трудно под небом одной.

И пусть на земле моей отчей, родной
Обходят невзгоды тот дом стороной,
Где рос я, надеясь, мужая, любя,
Где в детях и песнях продолжу себя.

СТИХИ, ПРИШЕДШИЕ ТОСКЛИВЫМ ДНЕМ

Такое солнечное утро,
Что вся земля светлым-светла.
А только к сердцу почему-то
Тоска неслышно подошла.

Хотел забыть свои печали,
Друзей собрать вокруг стола,
Но что-то гости запоздали –
Тоска неслышно подошла.

И даже ты, моя отрада,
Меня собою не спасла.
И здесь – нелепая награда! –
Тоска неслышно подошла.

И песня, что во мне болела,
И восхищала, и звала,
Вдруг, словно речка, обмелела:
Тоска неслышно подошла.

Исчезли недруги куда-то.
А у друзей – свои дела...
Ко мне, как давняя расплата,
Тоска неслышно подошла.

РАЗНЫЕ ВЕТРЫ СТУЧАТСЯ В ДОМА

Слишком я разный! В душе у меня
Радость с печалью сменяют друг друга.
То я суров, как январская вьюга,
То я горю горячее огня.

Слишком я разный... Но глянешь получше –
Разве на свете не та же игра?
Солнце, ушедшее хмуро за тучи,
Так безмятежно смеялось вчера!

Разные ветры на землю слетают,
Рвут паруса и стучатся в дома.
Эти, беснуясь, преграды сметают,
Те, легкокрылые, – песня сама!

Разные ливни за окнами льются...
Как мы похожи – и я, и дожди:
То они солнцу сквозь слезы смеются,
То вдруг не верят весне впереди.

Сам удивляюсь я разности этой,
Но ничего изменить не хочу:
То я кажусь себе песней неспетой,
То я, как птица, на крыльях лечу.

Пусть я кого-то опять повторяю –
Только себя повторять не учусь:
То, словно молния, путь озаряю,
То, словно радуга, тихо свечусь.

САМБО

Л. А. Харлампиеву

Это самбо! И подножки, и захваты,
Это самбо – и азарт, и спор, и пот.
А самбисты – просто вихрь, а не ребята!
Зал огромный то взорвется, то замрет.

Кто сильнее – пояс синий, пояс красный?
И дыханье затаила тишина.
И победа достается не напрасно,
И кому из них достанется она?

Вот подножка, вот еще бросок направо...
Ах, обидно, за чертою – не зачтут!
Это самбо. Тут и проигрыш, и слава,
Вспышки молний и торжественность минут.

Это самбо! Как лавина, как обвалы,
Неожиданные взлеты и броски,
Восхищение ликующего зала,
Неподкупные судейские свистки.

И обнимутся борцы на пьедестале,
Словно вовсе не сходились на ковре.
Это самбо – и медали, и печали,
Как положено и в жизни, и в игре.

Улыбаются уставшие ребята
(Ничего, что поражения горьки...).
Это самбо – и подножки, и захваты,
Неожиданные взлеты и броски.

ТИХА ПЛАНЕТА, ПРОХЛАДЕН ВЕТЕР

Как хорошо спокойно жить на свете,
Не думая о завтрашней беде.
Тиха планета, и прохладен ветер,
И солнце отражается в воде.

И я иду по голубому краю
Туда, где начинается земля.
И на твоих губах снежинкой таю,
И ливнем проливаюсь на поля.

Пока я жив, я продолжаю землю –
Мой вечный мир, мой старый шар земной.
Я смерти и забвенья не приемлю,
Пока спокойно солнце надо мной.

Ты свет земной. Ты видишь все и знаешь.
И слезы. И тяжелый дым.
И как я падал, травы приминяя,
За то, чтобы светило ты другим.

И не забыты все былые войны,
И не везде пока забыто зло.
Я знаю, ты не можешь быть спокойным,
Пока планета дышит тяжело.

СКАЗКИ ДЕТСТВА

Где ты, детство озорное,
Босоное мое?
Пыль, горячая от зноя,
И колючее жнивье.

И за близкими горами
Неприступная скала.
И легенды вечерами
Возле древнего стола.

Эти сказки старой наны
Так таинственны и странны,
Словно тени на стене.
До сих пор они во мне.

Отворяю тихо двери:
Тлеют искорки в золе.
Ходят сказочные звери
По неведомой земле.

Разве вы не замечали?
Там, космата и страшна,
Свой табун пасет ночами
Ведьма хитрая одна.

Все исполнится не сразу.
Что-то будет впереди...
Великанов одноглазых,
Добрый всадник, победи!

Уведи с тех пастбищ горных
У старухи скакуна.
Изруби драконов черных,
Реку выпивших до дна...

Вспоминаю сказки наны,
Доброй грусти не тая.
Живы злые великаны.
Победить их должен я.

Стало близкое далеким,
Но по-прежнему со мной
Эти главные уроки
Справедливости земной.

СКАЧКИ

И рванулись с места кони!
Все летит, летит, летит...
Только гривы, только комья
Из-под яростных копыт!

И пошли, пошли, пошли,
Словно стрелы над поляной,
Вороной, гнедой, буланый,
Отрываясь от земли.

Самый быстрый – черный-черный,
Словно бурки седоков,
Словно гром с вершины горной –
Только искры от подков!

А в седле – в черкеске белой
С газырями на груди –
Мальчик тоненький и смелый. –
Эй, джигит, не подведи!

Среди гомона и гика,
Словно врезанный в седло,
Он летит легко и лихо
Всем наездникам назло.

Только ветер, ветер, ветер:
«Эй, джигит, не подведи-и-и...»
И главней всего на свете
Оказаться впереди.

Бурки, лица, крики, кони –
Все летит, летит, летит!
Даже гривы, даже комя
Из-под яростных копыт.

МИР ТЕБЕ, ЧЕЛОВЕК

Мир сегодня чист, как первый иней,
В мире удивительно светло.
Утро начинается в долине,
Солнце за вершинами взошло.

Утро начинается, и значит,
Вся земля становится добрей:
Ищущим сопутствует удача,
Реки добегают до морей.

С добрым утром, люди! Солнце встало.
Мира вам желаю и добра,
Памятник, цветы у пьедестала,
Карусели в парке, детвора.

Реки, убегающие в море,
Космонавты с утренней звезды.
В это утро так спокойно в мире,
Словно в нем ни войн и ни беды.

На день повзрослевшая планета
Знает цену этой тишине...
Мира я желаю всем и света,
Пожелайте этого и мне!

ВСЕ ОТКРОЕТСЯ В ПУТИ

Как все кажется просто на свете,
Где всему свой привычный черед:
Солнце, сколько положено, светит
И в привычное время встает.

Все дороги вперед убегают.
Не всегда догадаемся мы,
Что одни кривизной испугают,
А другие, как правда, прямы.

Белым парусом, белою птицей
Над дорогой плывут облака,
Но какая в них буря таится,
Никому не известно пока.

Да и жизнь только с первого взгляда
Так понятна и так несложна.
Простоте этой верить не надо,
Слишком сложно рождалась она.

Жизнь полна, словно чаша, до края,
А на вкус и сладка, и горька.
Жизнь полна, и поймешь, умирая:
Не отпил от нее и глотка!

В ней слилось, и сплелось, и смешалось
Все – и правда, и честность, и лесть,
Благородство, предательство, жалость,
И любовь, и отвага, и месть.

Жизнь проста только с первого взгляда,
Все откроется в дальнем пути,
Но таиться от жизни – не надо,
Все равно от себя не уйти!

Никого ни о чем не спрошу я.
Что мне скажут чужие слова!
Жизнь, как чашу, к губам подношу я:
Какова ты на вкус, какова?

ДОРОГИ

Нет в мире одинаковых дорог,
Хоть каждая выводит за порог.
И по земле дороги разбегаются,
По-разному дороги называются.

Дороги, о, как много мы видали их,
И как их много нам еще пройти...
Дороги есть короткие, но дальние,
Есть дальние, но краткие пути.

Одна тропинка к большаку выводит,
Другая – хитро в сторону вильнет.
И пешеход усталый долго бродит
И в чем же он ошибся, не поймет.

А есть дороги – их немножко жалко, –
Они похожи на большую палку,
Обрубленную круто с двух сторон.
Они молчат. Им снится долгий сон.

Уж никого вести им не дано...
Они в бурьяне медленно стареют,
Они в тиши заброшенно рыжеют.
Как ствол ружья, замолкшего давно...

Но мы идем. И все ясней с годами
Тот путь, что мы нашли среди других.
Дороги в жизни выбираем сами
И сами же прокладываем их.

НОЧНОЙ ВЫЗОВ

Благодарю телефонный звонок,
В полночь позвавший меня за порог.
Женщина в доме, что умной была,
Молча в дорогу меня собрала.

Благодарю я тропинку в росе,
Поезд, примчавший меня в Туапсе.
Дом, распахнувший певучую дверь
Тех, кто друзьями мне стали теперь.

Радость не зря в неожиданном есть –
Помню слова похвалы за приезд.
Помню, тепло это в сердце храня,
Рукопожатия ждущих меня.

Что смущены они передо мной
За неожиданный вызов ночной.
Ты же и сам благодарен судьбе,
Если нуждается кто-то в тебе?

Так ли он прост, этот случай простой?
Значит, была моя жизнь не пустой, –
Значит, я нужен, раз вы обо мне
Вспомнили ночью в своей стороне.

Мы не бездомны и не из гуляк,
Мы никого не зовем просто так.
С радостью брошу любые дела –
Пусть бы еще меня жизнь позвала!

Как зазывали гостей в старину?
Шапку срывали: «Лишь в доме верну!»
Скачет, бывало, за шапкой протак:
Ох, головы не лишиться бы так!

Гость я иной – не осудит молва,
Шапка на мне, и цела голова.
Вспомню ту ночь и опять повторю:
– Благодарю...

С ДОБРЫМ УТРОМ

Обозначит день рассветный контур.
И дороги прямо через гать,
Торопясь, выходят к горизонту
Пешехода первого встречать.

Почему дожди, прощаясь с тучей,
Радостно встречаются с землей?
Чтобы стать ковригою пахучей,
Пищею насущною людской.

Почему короткой летней ночью
Солнце на восход спешит скорей?
Чтобы не ослепнуть в одиночку,
Чтобы не озябнуть без людей.

Так и я, лишь мать меня разбудит,
К людям в окна песней полечу!
С добрым утром, дорогие люди,
Жить без вас и часа не хочу!

ПОДНИМУСЬ К ОБЛАКАМ

Люблю, когда нахлынут тучи,
Грозя весеннею грозой,
И ветер, хлесткий и колючий,
Бороться пробует со мной.

Вот над горой в арбе порожней
Промчался главный из громов.
И вот дождейки осторожно
Головки трогают цветов.

Раскат! И вешний дождь, танцуя,
Идет к распахнутым лугам
И по его упругим струям
Хоть поднимайся к облакам!

В ОКНО ПОСТУЧАЛА ВЕСНА

Так хорошо на душе у меня!
Воздух прозрачен, и дали ясны.
Как продолжение светлого дня,
Это высокое небо весны.

Слушаю тихую песню земли –
Песню, в которой воскресли опять
Зерна, что в жертву себя принесли,
С тем чтобы завтра колосьями стать.

Песню, в которой листва зелена –
Юная, сколько бы дней ни прошло!
Веткой в окно постучала весна –
Стало душе хорошо и светло.

Щедрость веселых дождей проливных,
Жизнь подаривших траве молодой,
Мир напоивших живою водой;
Искренность светлых рассветов земных.

Белое облако в синей дали,
Яблока завязь и свежесть ручья –
Все это вечная песня земли!
Все это – новая песня моя.

Легкое облако, свет голубой,
Не уплывай из весеннего дня...
Утро меня одарило собой –
Так хорошо на душе у меня!

В ПОРУ ЦВЕТЕНИЯ ВИШНИ

Когда зацветают вишни –
Прекрасней мгновений нет,
Как будто на танец вышли
Невесты семнадцати лет.

И трогательно, и несмело
Ложится их легкий след...
И не потому ли «белым»
Зовется наш белый свет?

В голубеньком платье неба –
Утра теплая нить.
И солнца улыбки нежной
Тучами не заменить.

О, как же цветущим вишням
К лицу живительный дождь!
У счастья – никто не лишней,
Когда целый мир хорош.

Когда в борозду ложится
Доброе наше зерно...
И солнцем сияют лица,
И сердце с весной – заодно.

ИДУ К ТЕБЕ

А я – к тебе, к тебе спешу долинами,
Я – твой ручей, ты – море для меня.
Дорогами тяжелыми и длинными
Я тороплюсь, мечту свою тая.

К тебе спешу – и нет в пути усталости,
И нет печали: встреча – впереди!
Еще не знаю, сколько дней осталось мне,
Но одолею все, ты только жди.

Нас не разделит океан земной –
Я все пройду! И есть одна награда,
Всего одна – и мне иной не надо, –
Чтоб только ты всегда была со мной.

О, как легко друг друга потерять
В людском неисчислимом океане,
В нечаянном сомненьи и обмане,
А, может, просто в неуменье ждать!

Но ты вдали зажгла свою звезду,
И я по ней свои пути сверяю,
Иду к тебе и снова повторяю:
Ты ждешь меня, и я к тебе иду!

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

Дождь, как барабанщик, громким стуком
Рано-рано разбудил меня.
Струнами, натянутыми туго,
Вдруг ручьи рассыпались, звеня.

Дождь бросался с горного отрога
И махал серебряным крылом,
А потом ложился на дорогу
Неподвижным тоненьким стеклом.

Дождь прошлепал радостно и звонко
По рассвету – по началу дня.
Мир, как удивленная девчонка,
Посмотрел лучисто на меня.

На зурне запел веселый ветер.
Заплясали босиком цветы.
Дождь пронесся. Был он чист и светел.
Был он удивителен, как ты.

Знаешь что? Давай я солнцем буду,
На лучи дождейки нанижу:
Звонкие, искрящиеся бусы
Я в твои ладони положу.

Я тебе сошью такое платье
Из прозрачной речки голубой!
Пусть приходит дождь на нашу свадьбу
Пусть приводит радугу с собой,

Пусть для нас с тобой играет ветер,
Пусть ручьи рассыплются, звеня...
Светлый дождь на голубом рассвете
Громким стуком разбудил меня.

В СТЕПИ

Зима. И стужа. И метель.
А нам с тобой идти.
Такой ветрюга налетел,
А мы одни в пути.

А мы одни – лишь ты да я –
Среди степного бытия.
В сто пальцев ветер свищет.
Он нас, наверно, ищет.

И снег в лицо нещадно бьет.
И слезы от него.
А сердце от ветров поет,
А в сердце – торжество.

И хоть шагаем нелегко,
Спешим мы – я и ты.
А над снегами высоко
Летят, летят мечты.

Хохочет над землей январь,
И плачет он сквозь смех.
А нам его немножко жаль!
Снег. Снег. Снег.

ТЫ УЛЫБНУЛАСЬ МНЕ

Ты улыбнулась мне. И в тот же миг
Мир стал иным: его расколдовали.
И яблони от счастья танцевали,
Когда ты проходила мимо них.

Мир стал иным. В нем было так светло,
В нем все смеялось, ликовало, пело.
Едва ты улыбнуться мне успела,
Как чудо на земле произошло.

Растаяли печали, как снега,
И тонкий лед растаял между нами.
И вдруг внутри пустого очага
Само собою заплясало пламя!

И музыка звучала в тишине,
Возникшая неведомо откуда...
Мне показалось, что случилось чудо, –
А ты всего лишь улыбнулась мне.

И ОТКРОЮ, И УЗНАЮ, И ПОЙМУ

Ты похожа на далекую страну.
На какую – не известно никому.
Мне казалось: только руку протяну –
И открою, и узнаю, и пойму.

Мне казалось: до тебя мне только шаг.
Между нами ни обвалов, ни снегов.
Только шаг один – как тысяча шагов,
Оттого мне не прийти к тебе никак.

Между нами ни реки и ни скалы –
Между нами только шаг. Но все равно
У тебя идут дожди – светлым-светлы,
У меня опять от гроз черным-черно.

Я не знаю ни одной твоей мечты,
Я не знаю, кем мне быть в твоей судьбе,
Но глазами родниковой чистоты
Ты зовешь меня, зовешь меня к себе.

Больше нет ни городов, ни слов, ни лиц –
Ты не где-то, ты стоишь передо мной
Неоткрытой, независимой страной –
Той, где сердце неприступней всех столиц.

Ты как солнце над моею стороной,
Все теперь одной тобой освещено...
Ах, как трудно с неоткрытой страной!
Но открытых мне не надо все равно.

ОПЯТЬ МЫ ВДВОЕМ

Опять мы остались с тобою вдвоем.
Вокруг тишина ночная.
Лишь тихо снежинки шуршат за окном
Легко по стеклу ударяя.

Глаза твои снова смехом полны,
И губ уголки смеются.
А я тут хожу от стены до стены,
И рифмы никак не даются.

Тянусь я к тебе, но ты холодна,
Молчишь, как всегда, и дразнишь.
Скажи мне, а в рамке стоять у окна
Тебе не скучно разве?

Раздвинь эту рамку и выйди ко мне,
Пройди по комнате нашей!
Ты видишь, как яблони стынут в окне,
Уже без листвы вчерашней.

Как им, так же холодно мне одному.
А ты смеешься и манишь,
Ты видишь, как я в опустевшем дому
Хожу большими шагами?

Ты слышишь, как где-то в тиши ночной
Звучит мелодия вальса?
Я жду! Подойди. Посиди со мной!
Я так по тебе стосковался!

ГОРДАЯ

Как ты неумолимо шла по городу!
Ты таяла, как тают огоньки.
«Я гордая... Я гордая... Я гордая...» –
Уверенно стучали каблочки.

Я бросился бы вслед тебе отчаянно,
Когда они чуть медленней стучали бы.
Ты уходила. В темноте тонула.
Ты даже головы не повернула.

А я тебя любил и ненавидел,
И никого, кроме тебя, не видел!
Нет, шла не ты, – казалось, утро шло –
Так было от тебя светлым-светло.

Растаяла... И все оборвалось.
Когда б я знал, что ты ушла навеки,
Я б даже обменял себя на ветер,
Чтоб до твоих дотронуться волос.

Я б обернулся каменной стеной –
Ты ничего не сделала б со мной!
Я стал бы заколдованной тропой,
Меня соединяющей с тобой.

Журчит вода – я слышу, это ты.
Твой смех с журчаньем – как это похоже!
Мне всюду шелестит твоя походка,
Как шелестят деревья и цветы.

Мне кажется, что ты встаешь со стула,
Мне кажется, что ты заходишь в дверь,
И каблочки рассыпавшимся стуком
Мне даже звезды кажутся теперь.

Сиж я, подперев руками голову,
Дожди... И о тебе поет вода.
Хочу, чтоб только радостно и гордо
Стучали каблочки твои всегда.

НЕ МОЛЧИ

Нет, не с меня по духу и подобию
Бог благолепных ангелов лепил...
Сомненьями терзаемый подолгу,
Тебя я скупю нежностью дарил.

Но почему всегда, когда случайно
Размолвка между нами проскользнет,
Как паклей, затыкаешь ты молчаньем
Все щели дома? Оторопь берет.

И тишина свинцовая на плечи
Ложится вдруг и сковывает грудь.
И от того, что рядом ты, не легче, —
Ни за работу взяться, ни уснуть.

Как бомбы разорвавшейся, страшусь я
Молчаньем начиненной тишины.
Встань, закричи, да так, чтоб пол прогнулся
Из струганой, из звончатой сосны.

Хоть раз с упрямством грубым, как мужчина,
Об стол с размаху грохни кулаком,
Чтоб зазвенели жалобно графины
В шкафу за чисто вымытым стеклом.

Но не молчи! Взгляни, как ты умела,
С работы приходя домой в ночи.
Ну, выплачь все, что наболело.
Ну, выкричи, но только не молчи!

БЕЛАЯ ПЕСНЯ

Опять в Гузерипле снег. Он падает долго.
Он, как лицо твое, милая, невиданной чистоты.
Здесь те же деревья статные, и лыжи у дома,
И тишина зеленая – все, как любила ты.

И белая песня осталась. И только тебя не стало.
Следы замечает снегом. Дорога ко мне пуста.
В горах побелели тропы, и побелели скалы.
А скалы такие же гордые, словно твоя красота.

Падает снег. Медленно. Задумчиво так и мудро, –
Так каждое новое утро я думаю о тебе.
А ты все забыла. Не пишешь мне почему-то.
А я не могу иначе. Я думаю. О тебе.

Снег кружится белый. И думы мои светлеют.
И тропы в горах светлеют. И вся долина бела.
А я ни о чем не жалею. И ни о ком не жалею.
Мне ничего не надо. Только бы ты была!

И мне, как сосне, одиноко. И я ожидаю чуда.
Тихонько запела вьюга. А мне показалось – ты.
...Опять в Гузерипле снег. Он падает ниоткуда.
Он, как лицо твое, милая, невиданной чистоты.

ЛИСТОПАД

Умиращее лето –
Листопад, листопад.
Солнце медной монетой,
Травы желтые спят.

И на высохшие травы
Облетают цветы.
Так печально, словно траур,
Лепестки их желты.

Даже ветер, даже ветер
В желтых листьях до пят.
Этим утром в целом свете
Листопад, листопад...

А за белыми горами,
Там, за тридевять земель,
Обнаженные березы
Загрустили о зиме.

Там, где тихо тает лето,
Поезда кричат, маня,
Ты живешь одна на свете,
Без меня, без меня.

В этом мире – все как было:
Кто-то ждет, а кто-то лжет.
В этом мире – все как было.
Только все наоборот!

Может, в этом, может, в этом
Я и сам виноват?
Умирающее лето,
Листопад, листопад...

Ну, а где-то в поле белом
Поезда, как строка.
И устало ищут берег,
Как челны, облака.

Там, за белыми горами,
В целом свете одна,
Ты, как листьями, годами
От меня занесена.

Ах, зачем ты, синий ветер,
Не замел мою беду?
Листопад устроил в сердце
У людей на виду.

ВНОВЬ ТЕБЯ УВИЖУ ВПЕРЕДИ

Я не могу с тобою оставаться.
Я ухожу. Печален мир и пуст.
Но долго будут градины срываться
С твоих, о, небо, посветлевших уст.

Холодные, прозрачные от горя,
Как все мои недавние слова.
Но руки им протягивает, споря,
Исхлестанная юная листва.

Так жалобно поскрипывают ветви,
Так больно телеграфным проводам.
И только пляшут яростные ветры
По градинам холодным, по следам.

Я ухожу. И прошлое сжигаю.
И возвращенья больше не хочу.
Я от тебя, наверно, убегаю,
На скакуне отчаянном лечу.

Но все равно я никуда не денусь –
Ты станешь тенью, гривой коня.
Я, как вершина, белым льдом оденусь,
А ты долиной станешь для меня.

Я буду ветром – ты меня догонишь,
Я буду песней – станешь петь во мне
И даже руки грустные уронишь
Со мною рядом в гулкой тишине.

Я ускачу, коня не пожалею –
И вновь тебя увижу впереди.
Как я тебя, о, память, одолею?
С дыханьем вместе вырву из груди...

А ЗА БОЛЬЮ – МЕЧТА

А я осталась с мечтою Грина...

Я тоже остался с одной своей мечтой.
А все остальные раздал, чтоб о них забыть,
Оранжевым рощам, зеленым дождям и той,
Которая больше не хочет меня любить.

Они уплывают, как белый дымок из труб,
Как черное облако или как ночь в окно.
И листья с деревьев слетают, как фразы с губ –
На ветер, на ветер, которому все равно.

Ты ходишь по листьям, по этой Земле пустой.
Какие дожди заливают твои следы?
И как ты живешь со своей голубой мечтой,
Со сказкой, похожей на свет звезды?

Озябшие клены твой дом стерегут от бед
И терпят дожди, чтобы долго потом цвести.
И листья летящие, словно хотят твой след
На тысячу лет от меня замести, замести...

А кто-то, как ты, собирается сжечь мосты,
Чтоб маяться после и боль называть судьбой.
Скажи, а не больно тебе от твоей мечты –
От этой красивой, придуманной и голубой?

Я ПО КАПЛЯМ СОБЕРУ ВОЛНУ

Все вдребезги, как волны о скалу!
Все рухнуло, как старая гора.
И только память ворошит золу,
Где тлеют, будто искорки, года.

А я останусь посреди тоски
Забывшим руслом высохшей реки,
И незаметно на сердце твоём
Я, как осокой, порасту быльём.

А рядом ливни летние летят,
И травы, будто платья, шелестят.
И в гроздьях зачинается вино.
И солнцем обжигается окно.

Но как же так, чтоб не было тебя?
Как жить на свете, слышишь, без тебя?
Мне стало серым небо без тебя!
Мне стало солнце лишним без тебя!

Прохладный звон ручья – не для меня,
И ты, любовь моя, – не для меня.
Но, как росинки на конце листа,
Перед тобой душа моя чиста.

Но как бы душу мне ни жгли ветра,
Но как бы правда ни была горька –
Из ручейков сольется вновь река.
А из песчинок вырастет гора.

Ты – мое море, я – твоя река.
И я к тебе приду издалека.
И я по каплям собираю волну,
Горé упавшей молодость верну.

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ

Давно я в краях этих не был.
Здесь все и сейчас, как тогда:
В реке отражается небо,
И тихо кружится вода.

Трава на прохладных полянах.
Деревня и лес на краю.
Все так неизменно и странно.
Как будто я в прошлом стою.

И солнце поет не смолкая,
И ветер звенит на бегу.
Наверно, и ты все такая!
Но ты – на другом берегу.

Иду по знакомой земле я,
Брожу по тропинке во ржи...
Но если деревья взрослеют –
Мы тоже стареем, скажи?

И надо, наверное, проще:
Ведь все-таки годы прошли.
Домов понастроили в роще,
Наш мостик висячий снесли.

И речка глядит удивленно,
И я объяснить не могу,
Что я, молодой и влюбленный,
На левом стою берегу.

А та, что смеется на правом,
Не мучаясь давней виной,
Проходит по этим же травам,
Но только давно не со мной.

Кому она машет рукою,
Не помня ни счастья, ни зла?
А я все ищу над рекою
Мосты, что она подожгла.

ЛИШЬ ТЕБЕ НЕ СКАЖУ

Скажите мне, солнце и поле,
Скала, не молчи, говори:
Куда мне деваться от боли,
Что вдруг полыхнула внутри?

Вы, реки, бегущие к морю,
И ты, небосвод голубой, –
Куда мне деваться от горя,
Что все заслонило собой?

И как врачевать эту рану,
Как сердце спасти от огня?
Уж лучше бы пуля нежданно
Навылет прошла сквозь меня!

Я словно тропа под обвалом,
Я словно трава под водой.
Лишь те, кому больно бывало,
Болеют чужою бедой.

Скажу о нежданной печали
Я искрам, погибшим в золе,
Ручьям, что в жару замолчали,
И зернам бесплодным в земле.

Снегам и созревшему лету,
Полночной звезде и лучу...
И только тебе я об этом
Сказать ничего не хочу.

МНЕ О ТЕБЕ НАПОМНИЛ ВЕТЕР

Я думал так: ты не вернешься. Поздно.
Лишь в сказках вспять в горах текут ручьи.
Пропал твой след. Твой след погас, как звезды
Последние в бледнеющей ночи.

Но почему я вдруг о давнем вспомнил,
Какой порыв развеял забытье?
Не облако ль сияющего полдня
Так платье мне напомнило твое?

Вот двери тихо скрипнули. Волнуясь,
Я слушаю, испуганный почти,
Как будто там, за дверью, встала юность
И знака ждет, чтобы с тобой войти.

Мне о тебе напомнил ветер полдня,
Что облако, как платье, шевелит,
Я неспроста одной тобой заполнен –
Мне юность снова быть с тобой велит.

Пусть не дано ручьям потечь обратно,
Но ты опять – со мной, в моей судьбе.
Пусть гаснут звезд мерцающие пятна,
Но не угаснет память о тебе.

И ДОБРОТА, И ЛАСКА, И ТЕПЛО

О женская душевная забота,
И доброта, и ласка, и тепло!
Вы светом счастья были для кого-то,
А мне на вашу щедрость не везло.

Какие б ни случались перепады
Добра и зла, мороза и огня,
Я жизнь люблю, и мне иной не надо,
Она любая радует меня.

Живу, верчусь, учу других порою,
Бываю и с удачею на «ты».
Но очень не хватает мне, не скрою,
Душевной бескорыстной доброты.

Она б, как солнце, одарила светом,
Она б согрела, да не обожгла...
Горяч очаг, и жарок полдень летом,
Но все не стоит женского тепла.

Я лживым не был, равнодушным тоже,
За все ошибки заплатил сполна.
И в чем-то и виновен я, быть может,
Но я не знаю, в чем моя вина.

Я все отдам... И все начну сначала
За то, чтоб жизнь однажды мне дала
Безмерно много и ничтожно мало –
Заботы женской, ласки и тепла.

ВСЕ КОГДА-ТО ПОВТОРИТСЯ

Когда весна роняет лепестки,
Когда луна спешит за тучу скрыться
И тропка оборвется у реки, –
Я знаю: все когда-то повторится.

Сгорит роса под яростным лучом,
Но утром в травах заискрится снова.
Умрет в долине отгремевший гром,
Но вместе с ливнем завтра грянет новый.

И дерево очнется ото сна,
И под луной поляна озарится.
Все повторится: снег, роса, весна...
И лишь одна любовь не повторится.

В ГУЗЕРИПЛЕ, В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Там, в Гузерипле, середине сентября
В тот полдень были только горы, ты и я,
И мы стояли, ничего не говоря,
Впервые счастья от кого-то не тая.

В лесу осеннем, посреди пустой земли,
Забыв о том, что где-то дом, друзья, дела,
Мы наше прошлое оставили вдали,
А в нашем будущем со мною ты была!

Осталось солнцу до заката – полпути,
И вечность целая была у нас с тобой.
Мы наше прошлое сумели перейти,
Как речку быструю с вершины голубой.

И стук сердец, и пенье птиц в густой тени –
Все о любви, все на понятном языке.
А чудо рядом – только руку протяни,
А чудо трепетно – как легкий лист в реке.

Листва летящая и светлая вода
В лесу осеннем, в Гузерипле, в тишине...
И мы впервые не спешили никуда,
Нам было незачем спешить – тебе и мне!

Слова ненужные и вправду не нужны,
Две птицы пели посредине тишины
На двух деревьях, друг от друга вдалеке
Одно и то же на понятном языке!

ЗА ПЕРЕВАЛОМ СЛОВ НАПРАСНЫХ

За перевалом снов и слов напрасных,
За новой далью, скрывшей перевал,
Твое лицо увидел я так ясно,
Как будто никогда не забывал.

Ты встала неожиданно-нежданно,
Как прежде не вставала никогда,
Вся светлая, как летняя поляна,
Вся чистая, как снежная вода.

Зачем теперь, когда уже не надо
Мне от тебя ни счастья, ни добра,
Зачем мне опоздавшая награда –
Лицо твое, забытое вчера?

Тебя волною времени укроет,
Но сам же я спасу тебя опять!
Зачем мне то, что ничего не стоит,
Любовь твоя, повернутая вспять?

УЛИЦА СТАЛА СВЕТЛА

Что-то улица стала светла –
Это женщина мимо прошла,

Не звала, обошла стороной,
Только свет ее ныне со мной.

Вслед ушедшей смотрю, говоря:
Ты ночная звезда и заря,

Ты награда за все и беда,
И не будешь иной никогда!

Ты меняла года, имена,
Голоса, города, времена,

Но тебя я в толпе замечал,
И терял, и другою встречал.

Я любил и обманутым был,
Я покинутым был и любил.

Ты отрада моя и беда,
Но такой ты нужна мне всегда!

Что-то улица стала светла –
Это женщина мимо прошла.

Не звала, обошла стороной.
Только свет ее вечный со мной!

НЕ ЗАБУДЬ

Для меня невозможного – нет!
Пусть приказ твой лишь слуха коснется,
И пути вековечные солнца
Изменю, чтоб вернулся рассвет.

Устарелым словам вопреки,
Искру высеку я изо льда.
А моста не случись у реки –
Я мостом твоим стану тогда.

Все узнаю – и правду, и сказку.
Все пройду я, смеясь и скорбя.
И сапожки для огненной пляски
Из зари я сошью для тебя.

Ты одна – целый мир для меня.
Пень горной реки и подснежник,
Голубое сияние дня.
И звезда, и росинка, и нежность –

Все в тебе. Ты далекий мой путь.
Лишь с тобою я что-нибудь стою,
Ты – души моей пламя святое.
И прошу я: иною не будь.

Если вдруг не поверишь ты мне –
Весь сгорю я на этом огне,
Этот жар разорвет мою грудь.
Не забудь. Не забудь. Не забудь.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ЖЕНЩИНЕ

Перед тобой опять склоняюсь я
Влюбленно, восхищенно, удивленно,
Ты тайна и разгадка бытия,
Как зрелый плод среди листвы зеленой.

Ты солнце, озаряющее высь,
Ты утро, мягко вставшее над миром.
А имя? В нем, таком простом и милом,
Все родники прозрачные слились.

Лицо твое – самой земли покой,
Сиянье звезд и светлый полдень сразу.
Твой стан очерчен линией такой,
Что как награда и душе, и глазу!

Когда ты пьешь, светлей в реке вода,
Когда идешь, тебе дорога рада.
И от тебя весь род мужской всегда,
Пусть мысленно, – да не отводит взгляда.

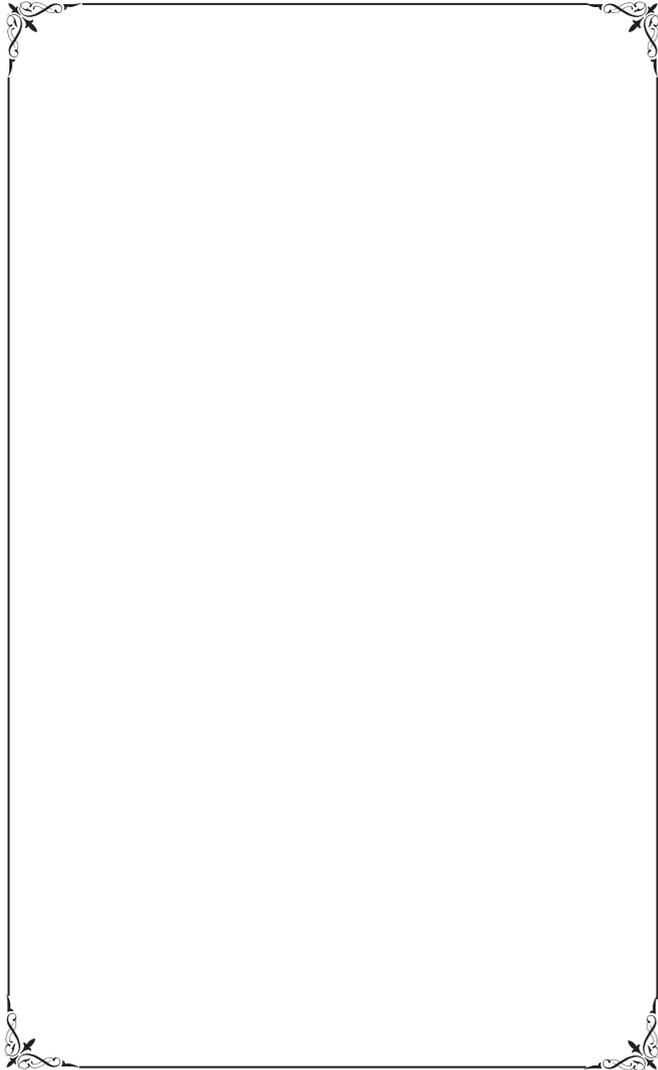
Ты мать моя. Ты родила меня,
Над колыбелью в час полночный пела.
Неправого прощала, не вина,
И слабого спасала, как умела.

Но ты еще сестрой моей была,
Ты берегла мое земное счастье.
Как жил бы я без твоего тепла,
Кем был бы я без твоего участия?

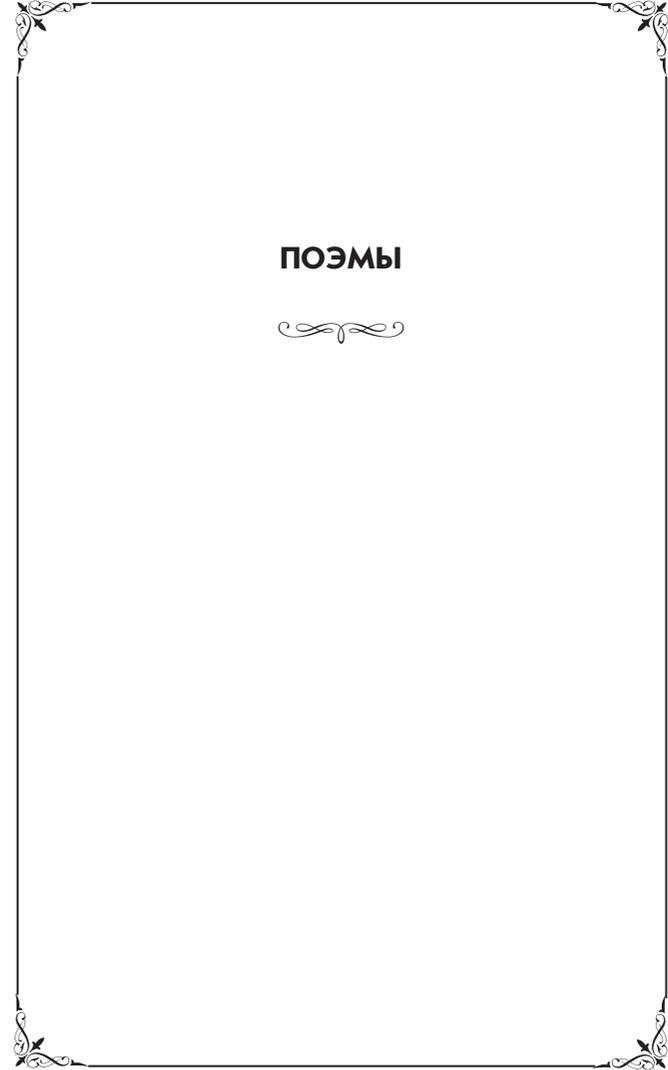
И ты сейчас, и прежде, и всегда –
Любовь моя, навечно молодая.
В горячий день – холодная вода,
К которой я, счастливый, припадаю.

И на губах ношу поныне я –
И время это выветрит едва ли –
Вкус самого желанного питья,
Вкус горечи, что сладостью назвали.

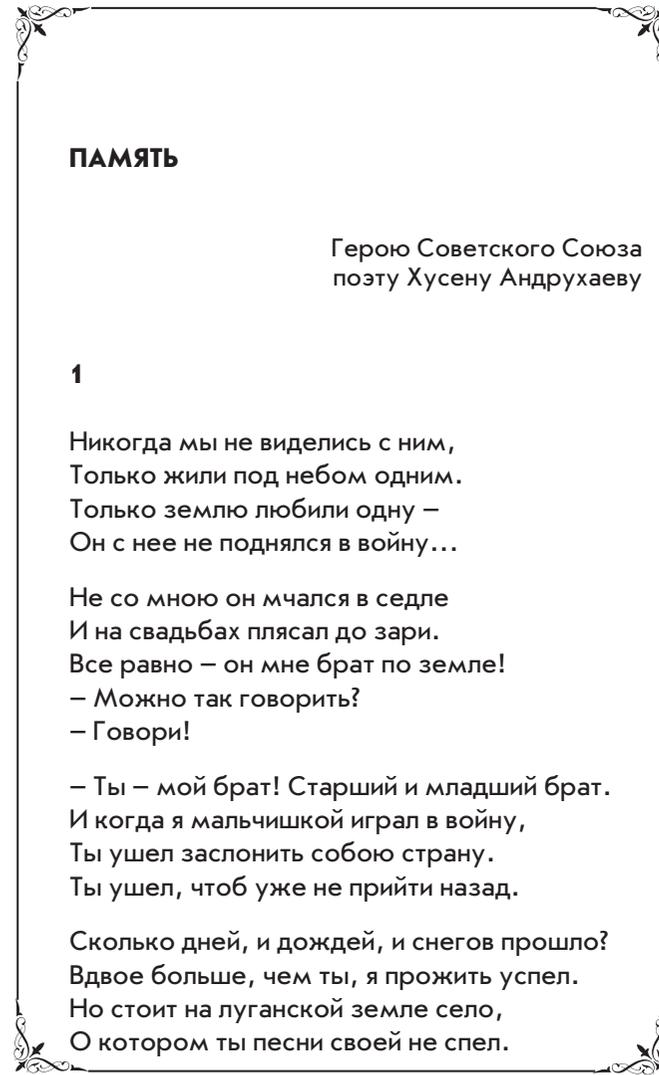
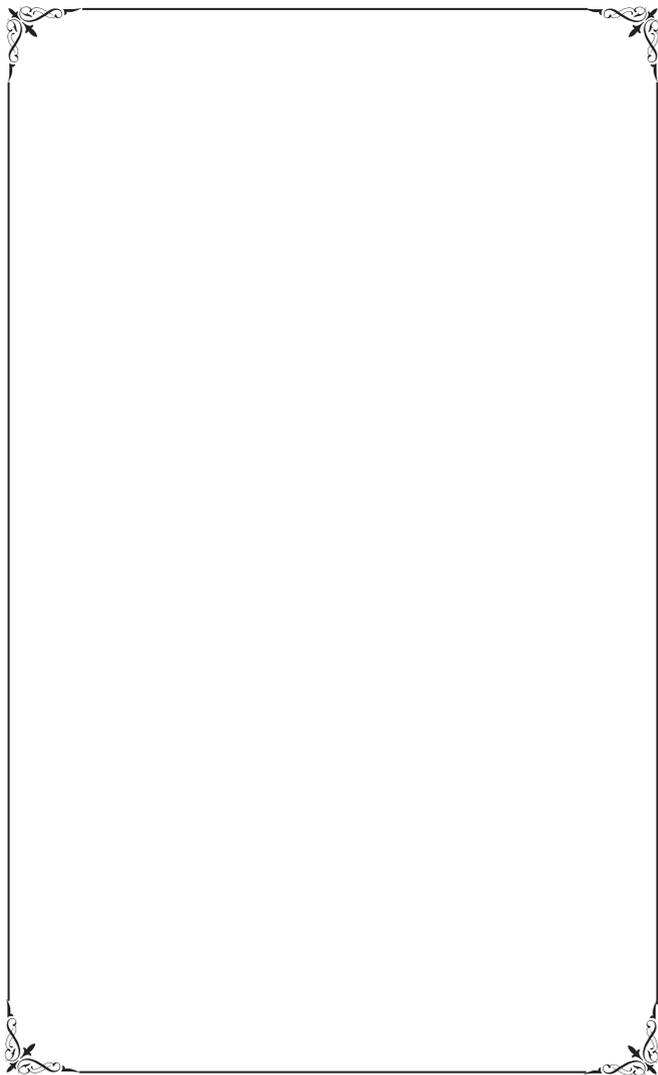
344

ПОЭМЫ

345

ПАМЯТЬ

Герою Советского Союза
поэту Хусену Андрухаеву

1

Никогда мы не виделись с ним,
Только жили под небом одним.
Только землю любили одну –
Он с нее не поднялся в войну...

Не со мною он мчался в седле
И на свадьбах плясал до зари.
Все равно – он мне брат по земле!
– Можно так говорить?
– Говори!

– Ты – мой брат! Старший и младший брат.
И когда я мальчишкой играл в войну,
Ты ушел заслонить собою страну.
Ты ушел, чтоб уже не прийти назад.

Сколько дней, и дождей, и снегов прошло?
Вдвое больше, чем ты, я прожить успел.
Но стоит на луганской земле село,
О котором ты песни своей не спел.

Разве вспомнишь о песне в смертном бою?
Слышу дальние отзвуки сквозь года...
Можно, я за тебя ее допою?
– Да.

– Я не знаю когда, я не знаю как, –
Это скажет земля – твоя и моя.
Словно флаг, словно сжатый для боя кулак,
Подниму над собой эту песню я!

Те, что рядом со мною живут сейчас,
Провожали на подвиг тебя. Не я.
Те, что старше сейчас постаревших нас,
Гордо стремя держали тогда – не я.

Говорили: «Скачи! Но вернись живой!»
Говорили: «Спеши! Но вернись назад!»
...На луганской земле заросли травой
Те кровавые вмятины от гранат...

2

Ни в чем сейчас я время не виню,
Ничем сейчас я время не корю.
Так трудно возвращение в войну!
Но снова я об этом говорю.

Тот голос над застывшею страной
В июне, перечеркнутом войной,
Над раной развороченной земли,
Над серыми ромашками в пыли!

Над музыкаю школьных вечеров,
Над детскими улыбками во сне,
Над ожиданьем – горек и суров
Тот голос, возвестивший о войне.

Июньским днем, уже военным днем,
На первый бой ушли твои друзья,
Сказав любимым: «Ждите, мы придем!»
Сказав земле: «Нам отступить нельзя!»

Ты тоже обернешься на ходу,
Чтоб крикнуть речке детства своего:
«Эй, Шехурадж, не бойся ничего!
Я обещал вернуться – я приду!»

Застынет почерневшая вода,
Застонет почерневшая вода.
Она солжет, она ответит: «Да!»
Она-то знает: это навсегда...

Я за тебя по берегу пройду,
Я помолчу на краешке его.
И прошепчу, как в давнем том году:
– Эй, Шехурадж, не бойся ничего...

3

Мне было в сорок первом десять лет,
Я помню, как солдаты мимо шли.
И были гимнастерки их в пыли,
И в борозду впечатывался след.

С моей земли, оставленной земли,
Солдаты отступающие шли.
Ничьими оставались мы на ней.
Таким был день – один из многих дней.

Я знаю, в этот день, в последний час,
Не о себе подумал ты – о нас!
Сама земля, в крови, в пыли, в дыму,
Прильнула сердцем к сердцу твоему!

Она была – и мать, и отчий дом,
Живые и погибшие друзья,
И девушка любимая твоя,
И все, что жить останется потом!

Да, страшен был артиллерийский гром,
Пикирующих «юнкеров» волна,
И шла лавина танков напролом,
И смерть была действительно страшна.

Но, лежа на изрытой полосе
Под пулями, ты все решишь сейчас:
В бою не обсуждается приказ.
И будет он: «Все отходите, все!»

4

А ты остался, чтобы в полный рост
Встать на земле, обугленной войной.
Нет, не на той, где ты мальчишкой рос,
Но все равно до камешка родной!

Как дерзкий вызов, брошенный врагу, –
Да, в полный рост! Да, пулям вопреки!
...Вот так же ты стоял на берегу
Бурливой, несговорчивой реки:

«Э-ге-гей, Шехурадж!
Ты узка и мелка,
Босоногого детства река.
Но, преград не пугаясь,
Несешь свои воды к Лабе,
И кричу я тебе: – Э-ге-гей, Шехурадж!..»

Земля моих отцов, в тот самый час
Сыновний голос услыхала ты.
Но громом обернется он сейчас,
Но молнией сверкнет из темноты!

О, пуля, погоди, застынь, замри!
Пусть враг увидит, мертвый и живой,
Как алый флаг простреленной зари
Горит над несклоненной головой.

О, солнце, ты прорвись сквозь черный дым,
Чтобы его запомнить молодым!
И пусть не догорает много лет
Тот кровью истекающий рассвет...

5

Нет, я его не видел никогда,
Но воздухом дышали мы одним,
И было б можно повернуть года –
Я рядом с ним стоял бы, рядом с ним!

«Все отходите, все до одного!»
И тот приказ касается меня.
Но по приказу сердца своего
Я остаюсь на линии огня!

Простите, отступившие солдаты,
Как и о нем, я думаю о вас.
Я знаю, вы ни в чем не виноваты,
Вам нужно было выполнить приказ.

И я бы отошел тогда, быть может,
Я б выполнил команду, не солгу.
Но сердцем, как и вы, остался б тоже
На высоте, не сдавшейся врагу!

6

И нет еще у этой высоты
Адыгской коновязи и плиты,
Названия нет, а есть земля в огне.
И слезы сердца не сжимают мне...

В атаке – которой по счету?
Так близко, что видишь в лицо! –
Цепочка немецкой пехоты
Сомкнулась в кольцо.

Последняя гильза упала,
Сухая трава сожжена.
Осталось так много и мало,
Осталась граната одна.

Все ближе в кустарнике рыжем,
Почти на черте высоты,
Ты видишь их каски. Все ближе!
Ты видишь оружие рты.

«Сдавайся! – кричат они. – Или...»
Все ближе и ближе! Ну, что ж!
Ты крепче гранату сожмешь: –
Меня отступить не учили!

7

Эй, Шехурадж, веселая река,
Звени и пой, прозрачна и легка, –
Живи! Он заслонил тебя собой,
Чтоб ясной ты была и голубой.

Эй, Шехурадж, не бойся ничего –
Беги! Он не отдал тебя врагу.
Живи отныне с песнею его,
Что родилась на этом берегу...

Ты, ветер на земле луганской, ты,
Ветер с той священной высоты,
Ты, ветер близкий, словно ветер с гор, –
Какую песню ты поешь с тех пор?

С той песней просыпается трава,
С той песней начинается весна.
Да, это песня на его слова!
Да, им она, не мною сложена:

«Я сын Октября, я Отчизне служу,
И радость, как солнце, во мне.
Я новую песню сегодня сложу
О нашей любимой стране.

В нее я вложу и шуршание трав,
И пенье дождей и реки.
И пусть молодеют, ее услышав,
В ауле моем старики.

Пусть будет она о любви и весне,
О вас, дорогие друзья.
Она мне поможет в труде и в огне,
Та главная песня моя.

Я песню свою до конца допою,
Мне с нею и смерть не страшна.
И если мне трудно придется в бою –
Оружием станет она!»

8

...Еще закат тревожный не горит,
Еще земля не корчится в огне,
И парень с Маяковским говорит –
С портретом молчаливым на стене:

«Меня учил ты мужеству и силе,
И так хочу я быть таким, как ты,
Чтоб и мои стихи врага разили,
А другу не жалели доброты».

9

Винтовке присвоили имя поэта,
И ей продолжать его подвиг высокий.
Вы помните? – песня еще не допета,
Но будут отныне в ней пулями строки!

И бой не кончается – гневный и правый,
И скошены зло и жестокая ярость,
Чтоб солнце садилось в луганские травы,
Чтоб ты, Шехурадж, ничего не боялась!

10

А на земле ворошиловградской
Пахнут полынью травы степные,
У высоты, которой отныне
Быть Высотою Славы солдатской.

Там, на Луганщине, поле боя
Все заросло луговою травой.
Там я стою, молчаливый и строгий,
И вспоминаю те светлые строки:

«Э-ге-гей, Шехурадж!
Ты узка и мелка,
Босоногого детства река.
Но, преград не пугаясь,
Несешь свои воды к Лабе,
И кричу я тебе:
– Э-ге-гей, Шехурадж!..»

11

А недавно я был у твоих земляков,
Где бежит Шехурадж, звеня.
Как мальчишка, стеснялся своих стихов –
Словно слушаешь ты меня.

Там деревья свисают над самой водой...
И все время казалось мне:
Ты мне выйдешь навстречу такой молодой,
Не погибший еще на войне!

Там гортанную песню поет река...
И все время я жду и жду:
Ты придешь в гимнастерке политрука,
Как тогда, в сорок первом году.

Был я в школе твоей, заходил в твой класс:
Парты в ряд. На окне цветы...
И мальчишки приходят сюда сейчас,
Черноглазые, как и ты.

12

Мой мальчик, не когда-нибудь – теперь
Ты написал стихи свои, поверь!
О подвиге, отваге, доброте,
Ты в сердце написал, не на листке.

Я знаю то, чего не знаешь ты:
Ты в землю бросил первое зерно.
И верь земле! Оно взойти должно
Ростком отваги, чести, красоты.

И если время позовет меня,
Я знаю, ты не будешь в стороне:
Ты гордо стремя моего коня,
Как принято у нас, поддержишь мне.

13

– Как земля моя? – спросишь ты.
– Будь спокоен! – скажу в ответ.
– Как друзья мои? – спросишь ты, –
– Я не видел их столько лет...

И отвечу я: – Много раз
Вспоминали тебя они.
Словно шрамы давнишних ран,
Ноет память в такие дни.

Тем, кто знает в лицо беду,
Дорога вдвойне тишина.
В майский день – только раз в году! –
Достают они ордена.

И становятся снова в строй:
«Мы душой не ушли в запас!»
И стыдятся чуть-чуть порой
И наград, и красивых фраз.

Пусть в шкатулках они хранят
Серебро фронтовых наград.
Шрамы, шрамы твои, война, –
Вот их главные ордена!

Пусть награда не всем дана,
Но победа – на всех одна.
Шрамы, шрамы твои, война, –
Вот их главные ордена!

Ты, Ильин, Гордиенко, ты,
Политрук Андрухаев, ты!
Для чего вы на подвиг шли?
Ради славы? Ради земли!

Той земли, навсегда родной.
Той, в которой они лежат –
Русский брат, украинский брат
И адыг – соплеменник мой.

Так написал я тем утром мирным.
Знаю, что сделал бы это лучше
Тот, кто разорван на поле минном,
Тот, кто в Освенциме был замучен.

Тот, кто остался воронкой рваной
И безымянным холмом придорожным,
Сумочкой из человеческой кожи,
Тенью от виселиц... Вечной раной...

И написал бы лучше, я знаю,
И отыскал бы слова другие
Ты, Гордиенко, ты, Андрухаев.
Ты, рядовой из братской могилы.

Те, кто сказали: «Назад ни шагу!»
Те, что дошли до рейхстага
И расписались штыком на стене:
«Май, 45-й. Конец войне!»

14

Начало мая. Зарево знамен.
И окна в белый сад открыты.
А завтра день – и вечно будет он! –
День памяти, и мира, и войны.

Девятое... Победный красный флаг.
Девятое... Печаль и торжество.
И кто-то снова спросит: «Как же так?..» –
Над похоронкой сына своего.

Начало мая. Комната светла,
И ясен день, и сад цветущий бел,
И скажет сын мой, сидя у стола:
– Жаль, раньше я родиться не успел!

Я в сорок первом не седлал коня,
Я только фильмы видел о войне.
Все главное случилось без меня.
Пусть что-нибудь достанется и мне!

Наверное, мой подвиг – впереди!
...Но неужели будет день, когда...
И сердце вздрогнет у меня в груди,
И болью отзовется в нем беда.

...Возвращаюсь в год далекий.
Что страшней минуты той? –
Подожди, Береж, постой.
О Хусене эти строки!

Почернеет свет в окне,
Даже солнце в небе синем!
Что страшнее на войне,
Чем такая весть о сыне?

Только руки на колени
Ты уронишь тяжело:
О Хусене! О Хусене
То известие пришло...

Как поместится в груди
Горе-горюшко отныне?
Не читай, Береж, о сыне,
Погоди!..

...Но неужели будет день и год,
И мне, отцу, такая весть придет?
Нет, не затем во сне и наяву
Я светлым ожиданием живу!

Хочу, чтоб ты всегда была, Земля,
Без новых ран и шрамов от траншей.
И повторяю, словно клятву, я:
– Будь счастлива, цветы и хорошей!

15

А по земле прошлепал дождь весенний,
Такой счастливый, молодой и звонкий.
Была в нем непосредственность ребенка.
И чистота рассвета и цветенья.

Стал мир зеленым. И весна укрыла
Былые шрамы юною травой
И чью-то молчаливую могилу
Пометила ромашкой полевой.

Уходит время. Как оно уходит!
Безжалостно торопится куда-то,
И на учет почетный переводит
Седых фронтовиков в военкоматах.

Уходит время. Но и люди – тоже!
И на земле все меньше ветеранов.
Мы сами не становимся моложе,
Нас тоже сменят – поздно или рано...

...Сегодня утром, чистым и погожим,
Я на машине выехал из дома
И дверцу распахнул перед прохожим:
– Куда, отец?
– По делу, к военкому.

О, как смотрел я на его морщины,
На давний шрам – отметину шрапнели!
Когда качало скоростью машину,
Медали на груди его звенели.

Он жаловался: – Вот какое дело,
Там говорят, что отдых нужен вроде,
Путевка в санаторий подоспела,
Но посмотри – хлеба какие всходят!

Сам посуди, куда от них уеду?.. –
Но все смотрел я, глаз не отрывая:
Та – «За отвагу», эта – «За победу»,
А рядом с ней – «За доблесть» – трудовая.

...Он шел, солдат шестидесятилетний,
Шел по земле и радовался с нею.
Пусть будет каждый шаг его заметней,
Пусть будет каждый день его длиннее!

И радостью захлестывало душу,
И что-то вслед кричал счастливый ветер.
Мне показалось, он кричал: «Послушай,
Какое это счастье – жить на свете!»

Какое это счастье, в самом деле,
И побеждать, и верить, и смеяться.
И знаю я, что этого хотели
Те, кто с войны уже не возвратятся.

...Я вновь стою у этого холма,
Где коновязь у каменной плиты,
И с траурною лентою цветы,
И в карауле – тишина сама.

Я вспомню здесь тебя, Хусен, мой брат,
И их – твоих собратьев боевых.
Фронтовика, что шел в военкомат,
И всех солдат – и павших, и живых.

Не всем достались Звезды и цветы,
Не всем хватило Вечного огня...
Но поклонюсь я с этой высоты
Всем, кто погиб за вас и за меня.

ПЕСНЯ

Хагауджу Магомету

1

Проснулось солнце. В мире посветлело.
И снова жизнь неслышно потекла.
И за работой девушка запела,
И зажужжала тоненько пчела.

У стариков под деревом зеленым
Беседа бесконечна, как река.
О ведра ударяются со звоном
Танцующие струйки молока.

Джигит промчался на коне горячем –
Весть радостной бывает не всегда.
Кому-то песня показалась плачем,
И чей-то дом не обошла беда.

И в ночь за перевал спешат абреки,
Чтоб скакунов отбить от табуна...
В том девятнадцатом печальном веке
Тобою эта песня сложена.

Ты птицей отпустил ее на волю.
И, ставшая живою навсегда,
Наполненная радостью и болью,
Летела эта песня сквозь года.

А солнце грело всех, не выбирая.
Но рядом с добротой хватало зла,
И вовсе не для всех черкесов раем
Земля эта священная была.

Одни на скачках праздно гарцевали.
Другие потом поле поливали.
Зачем на свете все наоборот –
Бездельник сын и голоден народ?

2

О, многие того не замечали!
Но среди первых понял это ты,
И сердце замирало от печали
И от твоей бессильной правоты.

И чем ты больше думал, тем больше
Несправедливость ранила и жгла.
И все трудней земля твоя жила –
Дождями небо плакало над нею.

И, может быть, совсем не без причины.
Не верившие в сказки до сих пор,
В кунацкой у кого-нибудь мужчины
О нартах заводили разговор.

О нарте Шабатыне говорили,
О тех, что людям доброту дарили,
А с нею – избавление от зла,
И жизнь была не так уж тяжела.

Как добрых слов народу не хватало!
Ему их речка горная шептала:
– Случится так, что вдруг ослабнешь ты
Я силы дам тебе и чистоты.

Ему метели пели: – Погоди,
Твоя весна – мы знаем – впереди. –
Деревья шелестели: – Отдохни,
Когда устанешь ты, у нас в тени.

Усталый, падал ты земле на грудь.
Но говорили горы: – Не забудь,
Каким бы ни был твой нелегкий путь,
Ты гордым будь. Ты только гордым будь.

Как добрых слов народу не хватало!
А ты ничем помочь ему не мог.
И часто, руки уронив устало,
Ты думал: «Мне бы кто-нибудь помог...»

Как одинокий путник, был народ.
Он шел один сквозь беды и невзгоды.
Была его надеждой и заботой
Земля, где так непросто он живет.

Как он тянулся к доброте и свету! –
Неграмотный и темный, словно ночь.
А ты ничем не мог ему помочь,
Еще не сочинил ты песню эту.

3

Да, твой народ был темен и забит.
Но даже и такой – великим был он.
И жизнью, полной горя и обид,
В нем силы и надежды не убило.

Он все умел: на свадьбах танцевать,
Слагать стихи о нартах и о воле,
На скакунах горячих гарцевать,
Идти за плугом в бесконечном поле.

А ты забыл о выдумке его:
Когда порою голодно бывало,
Готовил он – ни много и ни мало! –
Сто разных блюд из проса одного.

Он все умел: черкеску сшить из света
И выковать из молнии клинок.
Он все умел. Но кто б ему за это
Хотя бы мигом радости помог?

А жизнь текла. В горах плясали реки,
И созревали яблоки в садах.
И ты однажды взял гармошку в руки –
Гармошку о двенадцати ладах.

Ты для себя играл. Но думал с болью,
Что не случайно музыка грустна.
Что твой народ устал мечтать о воле
И спину гнуть с темна и до темна.

Ты так играл, что забывалось горе,
Аулы воскресали из огня.
Ты так играл, что подпевали горы,
Танцующими речками звеня.

Ты вспоминал, как уходили люди
С родной земли и долго к морю шли,
Уставшие, мечтавшие о чуде.
И как их предавали корабли.

И как рабов их Турция встречала.
И стал им снами горькими Кавказ.
И снова забытое звучало:
– Не уходите, не бросайте нас...

4

И ты не мог признаться никому,
Что ты на свадьбах думал о разлуке.
Ты вспоминал очаг в родном доме
И матери заботливые руки.

Ты снова слышал, как отец поет.
Ты снова видел взгляд его прощальный.
О, как тебе на родине печальной
Их добрых слов теперь недостает!

И как им там – на той чужой земле –
Обманутым и не нашедшим счастья?
Делило море землю на две части –
Турецкий берег прятался во мгле...

– Скажи мне, море, горькое от горя,
Ты солоно от материнских слез?
Что мне забыть и что мне выбрать, море? –
Не отвечало море на вопрос.

Молчали горы, и ручьи молчали,
И ты молчал, любовь и боль тая.
Тогда ли в сердце, раненном печалью,
Проснулась песня главная твоя?

Она не выбирала, кто нужнее,
Она сама решила за тебя.
И улыбались люди вместе с нею,
Мечтая, ненавидя и любя.

Ты нужен был народу своему.
Он ждал, что ты появишься, веками.
И ты пришел, чтобы помочь ему,
И взял гармошку умными руками,

И заиграл. И мир светлее стал,
И реки веселее зажурчали.
И забывались беды и печали,
Когда ты песню новую слагал.

И всем казалось: радость – это ты,
Ты весь из песен, как из солнца лето.
И говорили старики про это:
– Он к нам пришел из нашей же мечты.

Веселой твоя музыка была.
Все думали: «Не знаешь ты печали».
И, слушая тебя, не замечали,
Что там, внутри, тебя неправда жгла.

А слава о тебе во все концы
Летела. Спали за тобой бжедуги,
И абадзехи звали, и шапсуги,
И шли к тебе из Кабарды гонцы.

Тебя на праздник богатеи звали
С поклоном: «Только, Хагаудж, играй!»
Они тебе карманы набивали
Деньгами – только, Хагаудж, играй...

Тогда ты понял: ни к чему все это,
Дороже честь, чем щедрый звон монет.
И снова ждут в ауле Магомета
Две свадьбы сразу. Думай, Магомет.

– Я не приду, – сказал он богачу. –
Ты ждешь меня. Но я решил иначе.
И я твоих подарков не хочу –
Ни буйволицы, ни овцы в придачу.

Сегодня свадьба. Я с тобой не спорю.
Но свадьбы – две. А вот гармонь одна.
Но бедняку и так хватает горя,
И вот ему гармонь моя нужна.

5

И на земле, где вдоволь бед и зла,
И на земле печальной и голодной,
Душой народной, радостью народной
Простая твоя музыка была.

В тот вечер ты играл, как никогда.
В тот вечер ты как будто стал сильнее.
Я слышу твою песню сквозь года,
И я смеюсь и плачу вместе с нею.

И до сих пор зовет она: «Взгляни
На шумный круг, на пляски огневые...»
В тот вечер люди поняли впервые,
Как беспредельно счастливы они.

И в тот же вечер, злобу затая,
Совсем лишились богачи покоя:
Они уже узнали, что такое
Бесхитростная музыка твоя.

И каково услышать было им
Твои слова: «Спасибо за заботу.
Все то, что мне собрали за работу,
Останется в подарок молодым».

В ту ночь шептали звезды с высоты:
– Мы освещать тебе дорогу будем.
Будь счастлив, приносящий счастье людям!
Будь счастлив ты и будь бессмертен ты.

И люди жили с именем твоим –
Пахали поле и колосья жали,
Детей растили и сады сажали –
Ты стал и песней, и надеждой им.

Пришла к тебе известность, а за нею
Завистники и недруги пришли.
Но видели враги, что ты сильнее,
И ничего поделатъ не могли.

6

Ты песни пел, а их сжигала злость.
И все-таки однажды за тобою
Им дверь тюрьмы захлопнуть удалось.
И потускнело небо голубое.

Твоя гармонь молчала сиротливо,
И опускали головы цветы.
В твоём ауле не было счастливых.
Пока томился за решеткой ты.

И о тебе в народе пели с болью:
– Как можно ласточку держать в неволе?
Ведь эту нашу песню, наши крылья
В сырой темнице недруги закрыли.

Но не боится музыка темницы –
В сердцах людских светло звучит она.
– И можно клетку запереть за птицей,
Но вольной стае клетка не страшна.

Так говорили реки и долины.
Так говорили снежные вершины.
Так говорили луговые травы.
Так говорили те, что были правы.

И все молитвы были об одном:
– Пусть поскорей вернется.
Подождем. Пока его гармонь не ожила,
Не будет наша свадьба весела.

Мы подождем. Уже недолог час.
Когда придет он, чтоб играть для нас. –
Спокойно только недругам жилось.
Им сладко елось и тепло спалось.

А если песен им не доставало:
– Неужто в мире музыкантов мало!..
А тот смутьян, да со своей игрой –
Пусть лучше сгинет он в тюрьме сырой.

Но говорил народ другое слово
Врагам в глаза и гневно, и сурово:
– Мы подождем. Уже недолог час,
Когда придет он, чтоб играть для нас.

И ты вернулся к ним весной зеленой,
Как щедрый ливень после жарких дней,
И взял гармошку, чтоб играть на ней
Для всех счастливых и для всех влюбленных.

И заплясали травы и ручьи,
И яблони в саду затанцевали.
Молчали только недруги твои,
Но зависти и злобы не скрывали.

Теперь ты знал, откуда что идет, –
Откуда зло и доброта откуда.
Теперь ты знал, что вовсе не на чудо,
А на себя надеется народ.

Как ты играл! Я слышу до сих пор,
Как плакала гармонь твоя и пела,
А где-то далеко от этих гор
Гроза свободы над землей гремела.

Тогда еще ты этого не знал...
Но верил ты, что будет мир свободным.
И торжество на празднике народном
Ты песнею об этом начинал.

А после было столько песен разных!
А джегуако Тас – твой верный друг, –
Как он умел веселым сделать праздник:
– Танцуйте, люди, только шире круг!

А после танцев обращался Тас
К тебе: «Еще не все тобою спето,
Теперь, о, мастер, так сыграй для нас,
Чтоб азанадж свалился с минарета!»

9

Бежали годы, как река со склона,
С богатством рядом нищета жила.
В твоём, о, мастер, сердце удивленном
Рождались песни с крыльями орла.

И радостно, и горько в жизни было,
Ты жил, друзей теряя и врагов.
А жизнь и впрямь на море походила,
И не было у моря берегов.

По вечерам в кунацкой было тесно,
Твой дом, как сердце, был всегда открыт,
И люди шли, чтобы услышать песню:
О чем она сегодня говорит?

И здесь уже не сказки вспоминали –
Мир от несправедливости устал...
Но солнце счастья встанет – люди знали.
Как ты играл, когда тот день настал!

Ты с красной песней шел землею новой.
Ее еще шальные пули жгли...
Зачем тебя, живого и земного,
Не заслонили, не уберегли!

И небо почернело от печали,
Поникли травы, дрогнули ручьи.
И горько и растерянно молчали
Друзья осиротевшие твои.

10

И над тобою руки уронил
Печальный Тас – великий джегуако...
В то утро дождь над грустным миром плакал,
Народ в то утро солнце хоронил.

О, Хагаудж, сын нартов, песнь людская!
Я думаю, не верящий судьбе,
Зачем она, нелепая такая,
Досталась в жизни именно тебе?

Ты не дошел до нового рассвета,
Едва шагнувший за черту мечты.
Но песни вечно живы – помнишь это?
Ты – тоже песня. И бессмертен ты.

И над землей, как в ту былую пору,
Летят твои мелодии, звеня,
Быстры, как реки, и горды, как горы,
И горячи, как сердце у меня.

Скажи, ты о таком мечтал когда-то?
Теперь тебя счастливые поют.
Ты видел бы, как бережно и свято
Твою гармошку внуки достают!

Мы говорим с тобой через года:
– Вы счастливы? – И я отвечу: – Да!
– Свободны вы?
– Свободны навсегда.

– А те, что на чужбине столько лет
В изгнание жили, не вернулись?
– Нет...
– Они о вас хоть что-нибудь узнали?
– О, Хагаудж, они гордятся нами!

– Кто им за морем рассказал о вас?
– Но друг у друга мы не раз гостили.
И так же, как тогда, они грустили,
Ведь Родина одна у них – Кавказ.

Мы говорим с тобой через года.
– Вы счастливы? – И я отвечу: – Да!
– Свободны вы?
– Свободны навсегда.

А сколько мы сложили новых песен!
Но рядом с ними старые живут.
И шар земной для наших танцев тесен,
Когда аул на свадьбу созовут.

И девушек счастливые глаза
Танцующих джигитов провожают.
И новых джегуако голоса
Как будто голос Таса продолжают:

– Танцуйте, люди, только шире круг! –
И солнце улыбается от счастья,
Когда твои мелодии, о, мастер,
И абадзех играет, и шапсуг.

Не остывая и не уставая,
Летит над миром огненный напев.
И девушка по кругу проплывает,
Джигита шарфом-облаком задев.

Танцуй, джигит, печалиться не смей.
Твоя печаль сегодня поправима –
Девчонка, что всегда проходит мимо,
С тобой танцует танец «Исламей».

11

А в нашей жизни всякое бывало,
И многие забыты имена.
Но никогда звучать не уставала
Та песня, что тобою рождена.

Бессмертна песня – ей не знать конца...
Не каждому дано такое право.
Ведь только правда и еще раз правда –
Смысл жизни настоящего певца.

И старики рассказывают детям
(И это в самом деле было так):
Когда-то свадьба шла под небом этим,
И Хагаудж играл на ней «Зафак».

Ты помнишь, мастер, как смеялось эхо
И подпевали ручейки, звеня,
И как, небрежно осадив коня,
Князь молодой к танцующим подъехал.

Ты помнишь, мастер, что потом случилось? –
Он танцевал, как будто делал милость.
Так нехотя ступая на носки,
Кнута не выпуская из руки.

И помнят все, как вышел ты вперед,
Вдруг оборвав на середине песню:
– Не терпит песня ни кнута, ни спеси.
Так уважай и песню, и народ.

12

И вот уже опять, не уставая,
Летит над миром радостный напев.
И девушка по кругу проплывает,
Джигита шарфом-облаком задев.

Бессмертна песня – ей не знать конца!
И это ли не главная награда
За то, что правда и еще раз правда –
Смысл жизни настоящего певца?

О, я-то знаю, как непросто это –
Ведь жизнь бывает и добра, и зла.
Но лучшая из песен у поэта –
Лишь та, что никому не солгала.

И не забудьте, отправляясь дальше,
На весь прошедший оглянуться путь,
Чтобы потом одной лишь нотой фальши
Все то, что было, не перечеркнуть.

...Проснулось солнце. В мире посветлело.
И снова жизнь неслышно потекла.
И снова речка горная запела,
И зажужжала тоненько пчела.

И этим утром, добрым и погожим,
На чистую мелодию похожим,
Была тобою песня рождена.
Потом еще одна, еще одна.

Ты отпускал их, словно птиц, на волю,
И, ставшие живыми навсегда,
Наполненные радостью и болью,
Летели твои песни сквозь года.

И не они ли землю утром будят
И наполняют радостью сердца?
И пусть они летят навстречу людям,
И пусть их путь не ведает конца.

Пусть сердце пляшет, удержу не зная,
Пусть мир не знает ни обид, ни зла.
И слушает земля моя родная
Ту песню, что в веках не умерла.

АДИЮХ

1

Хороша Адиюх, и прекрасней жены
До сих пор не сыскать на свете!
Но печально преданье седой старины
И правдиво, как строки эти.

Жил в горах с любимой женою Кортэх,
Со своей молодой женою,
На виду у всех, но вдали от всех –
В белой башне над высотойю.

А соседи у них – облака и трава
(Так хотелось любимому мужу).
Да зачем им люди, зачем молва,
Что всегда неправа к тому же?

Все равно – равнодушных к чужой красоте
Не бывает на самом деле:
Эти – с радостью, с завистью тайной – те,
Все на башню в горах глядели.

Там вдвоем, друг для друга, живут они –
Нарт Кортэх с прекрасной женою.

И, как небо и травы, спокойны дни
В белой башне над высотойю.

И покорна, и ласкова, и нежна,
Никогда ни в чем не помеха:
Если есть хоть одна такая жена,
Значит, это жена Кортэха!

И надежен очаг, и уютен дом,
И хозяйка – не сыщешь лучше.
Так паси же спокойно ночью и днем
Свой табун за далекой кручей!

И сменяли друг друга десятки лун,
Только было все так, как было:
Муж на пастбищах дальних стерег табун,
А жена ждала и любила.

Но порой у огня, свой очаг храня,
Загрустит Адиюх, заплачет:
– Ах, тоска ли по мужу томит меня,
Или это зовут иначе?

Я живу ожиданием в пустом дому –
Словно горы ему дороже!
Отчего непонятно все, почему?
Что ночами меня тревожит?

Вот два облака белых плывут из-за гор,
И у них появилось третье.
Жеребят кобылицы приводят во двор,
Но живем мы вдвоем на свете...

Хороша Адиюх! И желанней жены,
И прекрасней, наверно, нету...
Но послушай преданье седой старины,
Но послушай легенду эту.

2

За рекою Инджидж, что течет, быстра,
Сочных пастбищ хватит на всех.
За рекой, под звездами, у костра,
Хорошо ли тебе, Кортэх?

Ранним утром проводит тебя жена:
– Ах, мой муж, осторожней будь! –
Ночью белой рукой своей из окна
Освещает обратный путь.

И стегнет над ущельем Кортэх коня,
И помчатся они, легки:
– Это ждет у окна Адиюх меня,
Это свет от ее руки!

А дорога домой через узкий мост,
Через шаткий, висячий мост.
Он коварен, и путь по нему не прост
Ни при солнце, ни в свете звезд.

Но сравнимо в коварстве с этим мостом
Самолюбие без причины.
И беда, коль столкнутся в споре пустом
Гордость женщины и мужчины!

Вроде в шутку спорили муж и жена:
Кто из них нужнее другому?
Адиюх сказала: «Я из окна
Путь твой, муж, освещаю к дому!»

Но признает ли муж, что жена главней?..
Засмеялся Кортэх на это:
– Я и сам через мост прогоню коней,
Мне совсем и не нужно света!

Что случилось в ту ночь, что темным-темна?
С табуном никакого слада!
Светит белой рукою в окно жена,
Но упряма ее муж: «Не надо!»

У обрыва, на самом краю моста,
Вдруг испуганно сбились кони –
И стоит Адиюх, вся белей холста,
Убивается, плачет, стонет...

3

Ах, как плакала, волосы в горе рвала
На себе Адиюх. Причитала!..
И слезами, и кровью омылась скала, –
С той поры она красною стала.

Белый свет почернел... И в долинах тех,
У далекого перевала,
Где вчера еще пас свой табун Кортэх,
Камнем с неба звезда упала.

Что за топот копыт за Инджидж-рекой,
За бездушной черной водою?
Разве что-то можно сравнить с тоской
Адиюх и с ее бедою?

Видишь траурный холм, где была трава? –
Там для нарта могилу рыли.
В этой смерти нелепой, решит молва,
Ночь с рекой лишь повинны были.

Вдовья башня по-прежнему высока,
Да забыта дорога к дому.
Адиюх, не осветит твоя рука
Ни Кортэху путь, ни другому.

Как вы жили в той башне на зависть всем!
А теперь там лишь ты да горе.
Ах, зачем ты затеяла спор, зачем
Уступить не сумела в споре?

4

И любви, и достатка, и славы им
В их высоком доме хватало.
Солнце ярче светило этим двоим,
Алыча щедрей расцветала.

Говорят, рождались в их табуне
Скакуны особенной масти.
И была земля к ним щедрой вдвойне,
И судьба обещала счастье.

Как случилось, как же случилось вдруг –
Оказалась жена вдовою? –
Посмотри на бедную Адиюх,
На лицо ее восковое.

– Ах, зачем этот мир, это солнце мне
Без Кортэха одной отныне?
Эта башня – белее льда при луне,
И табун за рекой в долине?

Почему у двух голубей из гнезда
Вылетает маленький третий?
И у двух облаков есть третье всегда,
Но одна я, одна на свете.

У других продолжает наследник род.
Почему, почему одна я?
Пусть река и меня к себе заберет,
Для чего я живу – не знаю!

5

Но река холодна, а трава горяча,
Разве тело это забудет?
Возле дома весной зацветет алыча,
Мир по-прежнему светлым будет.

И земля, которую выжег зной,
Сделал мертвой суровый холод,
От горячих лучей оживет весной,
Мир по-прежнему будет молод!

Значит, вечного горя на свете нет,
Что положено – все случится.
И проходит время обид и бед,
И надежда в двери стучится.

От могилы мужа идет вдова,
Замечая, словно впервые,
Что она жива, и земля жива,
И деревья вокруг – живые!

– Что, висячий мост, ты притих?
В этом горе повинен ты ли?
Если б мог ты снова свести двоих –
Тех, что слишком беспечны были!

Сколько раз освещала тебя рукой!
Никогда здесь не будет света...
Если б мог ты сердцу вернуть покой!
Но тебе не под силу это...

А могила мужа еще сыра,
И земля черна на могиле.
Но всему на земле есть своя пора,
И проходят беды, что были.

6

А закон природы вечен и прост,
Никогда не придет иной;
И восходит солнце на месте звезд,
И сменяется снегом зной.

После бури приходят тишь и покой,
После ссоры – любовь сильней.
У природы недаром закон такой,
И не вздумайте спорить с ней!

Вот и веточка выросла возле пня
Вместо срубленного ствола.
Теплым светом сменилось ненастье дня,
Это значит: пора пришла!

Ах, как женственна та, что глядит, грустя,
Из окошка на мост пустой –
Совершенство природы, ее дитя,
Часть души ее золотой.

Адиюх и в печали так хороша!
Как же в счастье светла она!
...Скоро сменит, назначенный путь верша,
Долгий холод потерь – весна.

Будут травы расти, не считая лет,
Всю могилу собой укрыв.
Только горем окрашенный в красный цвет
Будет вечно стоять обрыв...

А пока у окошка в пустом доме
Адиюх с печалью своей:
– Птицы парами гнезда вьют... Почему? –
Да никто не ответит ей.

7

Первый раз, первый раз улыбнулась она
У печальной его могилы.
Или это коснулась души весна,
Или это случайно было?

Ты куда, Адиюх? Подожди, постой,
Молодая вдова Кортэха!
Посмотри, что за тень на скале крутой?
Что за топот разносит эхо?

Что за всадник в долине на быстром коне,
Как Сосруко, могуч и строен?
Но спешит Адиюх: «Ах, не нужно мне,
Чтоб со мною встретился воин!»

А Сосруко уже соскочил с седла,
Поклонился вдове Сосруко.
Что за брови у ней – словно два крыла,
Что за взгляд – как стрела из лука!

А Сосруко – что же случилось с ним?
Не боялся ни стрел, ни бед он.
Был он, был он и женщиною любим,
Был не раз он ею же предан.

Но сейчас он стоит, словно в первый раз
Рядом женщина – солнце рядом!
И не смеет поднять он горячих глаз
Под ее удивленным взглядом.

И она как струна. И шагни лишь шаг,
И останутся в мире двое:
– Ах, опомнись, Сосруко, великий маг,
Разве так говорят с вдовою?

И, склоняя голову перед ней,
Он сказал ей слова печали.
Но она не слыхала – было слышной,
Как сердца в тишине стучали.

И велел он тучам спешить сюда
И над ними дождем пролиться.
И вдвоем пришлось (велика ль беда?)
Им под буркой одной укрыться...

8

...Как, умытая ливнем, земля молода!
Вот и дождь прошел стороной.
А двоим – не кончался бы он никогда,
Хорошо им под буркой одной.

Что – обман или кража у всех на виду?
Среди белого дня, не в ночи.
Так горят, не подвластны людскому суду,
Две счастливых и жарких свечи!

Любовью, предательством это назвать?
Может, кто-то и скажет – не я.
Возле счастья двоих мне третьим вставить?
Им людская молва – не судья.

9

Два ручья сольются, журча светло,
Станут речкой, поющей что-то.
И одно крыло еще не крыло,
Два крыла нужны для полета.

Как прекрасен жаркий огонь костра,
Там горят, обнявшись, поленья...
И на землю словно сошла пора
Озаренья и удивленья.

Первой женщина голову подняла...
Первой женщина говорила:
– Как я прежде этого знать не могла?
Есть ли имя тому, что было?

– Но ведь это любовь, лишь любовь одна!
Для нее нас свело судьбою.
Мы теперь друг для друга муж и жена,
Мы вдвоем, мы одно с тобою.

Так Сосруко сказал своей Адиюх.
Только женщине этого мало:
Побледнела она, задрожала вдруг,
От обиды бешеной стала!

Исцарапала белые руки в кровь
О сухую землю могилы.
(Сестры – ненависть и любовь!
Так недаром будет и было.)

Как обида ее глубока и сильна,
Как сжигал ее гнев горячий!
Над могилой, где так горевала она,
Причитает иначе, плача:

– Будь он проклят, кто чувства мои глушил,
Кто меня повенчал с тоскою!
Будь он проклят, кто душу мне иссушил,
Пусть не будет ему покоя!

Но Сосруко молча подвел коня,
Бросил бурку в седло для милой.
...Только забытой с этого дня
Над обрывом стоит могила.

10

Сложен мир наш – не только из солнца он.
Есть в нем черный день и беда.
Но любовью женщины озарен,
И такой он светел всегда.

Пусть горит, пусть пылает вечный огонь,
Что собой согреет и нас.
Ты холодным дыханьем его не тронь,
Чтобы он никогда не гас.

Однокрылая птица с земли не взлетит,
Не поднимет одно крыло.
В каждой женщине солнце до срока спит,
Сделай так, чтоб оно взошло.

Пусть на радость всем, у всех на виду,
Среди белого дня и в ночи
Все горят, не подвластны людскому суду,
Две счастливых и жарких свечи.

Хороша Адиюх! И вернее жены
Не найти на земле давно...
Так правдиво преданье седой старины!
Только так ли старо оно?

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

1

Перекасти-поле катится по свету,
Нет ему приюта и покоя нету.
И по этой жизни с радостью и болью
Гонит, гонит ветер перекасти-поле.

Но, послушай, что там: шелест или шорох?
Словно шепчет что-то пожелтевший ворох.
Было или не было, в сказке или в были?
Только мне известно, что люди говорили...

2

Жили на свете Бачир и Зачир,
Все на двоих в этой жизни делили.
Были друзьями Бачир и Зачир,
Были друзьями и братьями слыли.

Вместе растили свой хлеб на земле,
Вместе и свадьбы собой украшали.
Вместе в работе и вместе в седле
Были. И вместе, казалось, дышали.

Шли на медведя, ловки и сильны,
В дальние горы за черные скалы.
Неразделимы, как две стороны
Остро отточенного кинжала.

Песни старинные пели вдвоем –
Песни о верности, счастье и чести.
Думал ли кто-то из них о своем?
Наше – так наше, вместе – так вместе!

Этому братству завидовал мир:
Люди и птицы, горы и реки.
Жили на свете Бачир и Зачир,
В дружбе друг другу поклявшись навеки.

Мир в этот миг переполнен собою до края
Верой, любовью и счастьем, и даже бедою.
Реки одни высыхают до дна, умирая,
Реки другие полны молодою водою.

Розовой дымкой в ущелье подернуты склоны,
Яблоки зреют, рождаются птицы и дети.
Чья-то любовь обожжет, но кого-то согреет,
Все так непросто на этом единственном свете.

В этом извечном и вечно изменчивом мире,
В жизни одной, хоть неведомы эти законы:
Песня любви на ликующем свадебном пире,
Песня любви – одиночества плач затаенный.

3

Между небом и землею ветер быстроногий,
И деревья стали выше, потянулись к свету.
На земле красавиц много, но не надо многих,
Если снова среди всех видишь только эту.

Девушка в ауле ближнем – для душа отрада
И Бачиру, и Зачиру – так угодно Богу.
И сказал Зачир Бачиру: «Если это надо,
Другу счастье подарю, уступлю дорогу».

И летит по свету весть, обгоняя ветер,
И гонец летит, привстав в легких стремянах,
Чтобы услышали вокруг взрослые и дети:
Нынче женится Бачир на своей Сидях!

В этот день на свете зла словно не бывало,
Доброта лилась по краю чаши бытия,
И двоих любовь земная душу согревала,
И от этого теплее стала жизнь моя.

А земля полна любовью, лозы – виноградом,
Поле – будущим зерном, реки – чистотой.
А земля теплеет вновь, слыша дождь над садом
И светлеет, видя смысл в жизни непростой.

Будут вечны хлеб и солнце, и любовь святая,
Будут вечны честь и совесть, и очаг в дому,
Ведь живет среди людей истина простая:
Вся земля полна любовью, вечна потому.

Но, послушай, что там, шелест или шорох?
Или шепчет что-то пожелтевший ворох?
Перекасти-поле катится по свету,
Нет ему приюта и покоя нету...

4

Только ли в радости жизнь хороша,
Только ли в подвигах жизни величье?
...Но неизменна у жизни душа,
Как бы она не меняла обличья!

Значит, мудра простота перемен
Дней и времен, постиженья и тайны.
Разве случайно приходит взамен
Смерти – рождение, разве случайно?

Ночь отступила, и солнце взошло,
Солнцу спасибо за свет и тепло.
Спряталось солнце за темной рекой,
Ночи спасибо за свет и покой.

Все же, отдавав и света, и тьмы,
Зла и добра, и любви, и измены, –
Пусть же, с надеждой подумаем мы,
Будет добро лишь одно неизменно!

Счастья тебе, человек, на земле,
Мир твоему и соседнему дому!
В поле – удачи, победы – в седле,
Старым – покоя, огня – молодому.

Пусть не погаснет родной твой очаг,
Женщина словом бездумным не ранит.
Друг не предаст, и любовь не обманет,
Свет не замрет в материнских очах.

Помни о чести, но будь осторожен:
Черному слову не верь беспричинно.
И понапрасну кинжала из ножен
Не вынимай – ты не трус, а мужчина.

Счастья тебе в этой жизни земной,
Жизни изменчивой и неизменной,
С радостным солнцем и ясной луной,
С долгой зарей и зарницей мгновенной!

...Что же с тобою случилось, Зачир?
Словно остался без радости мир.
Словно твоя промелькнула звезда,
И среди прочих не видно следа?

Сколько смеющихся звезд над тобой!
Может, отыщется след голубой?
Лучше смотри, терпеливее жди,
Светлое счастье твое впереди.

Вспомни Бачира и жаркие дни
Свадьбы его, вспомни девушек стройных –
Ждут не дождутся джигитов они,
Видят их в девичьих снах беспокойных.

Разве не слышишь ты голос души?
Что же мрачнеешь ты, вспомнив о друге?
Разве красавицы не хороши
В ближнем ауле и в дальней округе?

Среди невест поскорей назови
Ту, кому сердце окажется радо!
...Есть среди вечных законов любви
Этот: где двое, там третьих не надо.

Помни: черта незаметная есть:
Шаг до нее лишь – и подлость за нею.
Переступить ее смерти страшнее...
И да хранят тебя совесть и честь!

Знаю, любовь велика и вольна,
Нет для нее ни замка, ни запрета.
Только безгрешной должна быть она,
Если ты честен, то помни про это.

Если ты ранен, другого не рань
Тем же кинжалом – так счастья не будет.
Сам перед собственной совестью встань,
Если она о себе позабудет.

Что ж ты, Зачир? Ты угрюм, как скала,
Было вас двое, а стало вас – трое...
Значит, действительно в сердце вошла
Женщина та, что должна быть сестрою...

Как прекрасны твои очи,
Величавая Сидях!
Знает сам Бачир: на свете
Нету преданней жены.

Что ж не вижу я ни страха,
Ни стыда в твоих глазах,
Когда голосом Зачира
Я твои тревожу сны?

Или ты меня не слышишь,
Или ты клялась таиться,
Как молчит Зачир влюбленный,
Как молчит звезда в ночи?

Вспомни: полночь воровская
Света ясного боится.
Неужели скрылось солнце?
Говори же, не молчи!

Как спокойны твои очи,
Величавая Сидях!
Знаю я теперь: на свете
Нету преданней жены.

Ты прости меня, я вижу:
Нет вины в твоих глазах,
Кто напрасных слов не слышит –
Те любви своей верны.

Но послушай, что там: шелест или шорох?
Словно шепчет что-то пожелтевший ворох.
Гонит перекасти-поле ветер вдаль по свету,
Стонет перекасти-поле, все покоя нету...

5

Это молния черную тучу прожгла,
Или, словно погибель, мелькнула змея,
Или рухнула вдруг на дорогу скала? –
Это думал Зачир: «Вот что сделаю я!

Есть над бездною этой один только мост.
Я пройду по нему и достану до звезд,
Я увижу свою, я возьму ее свет!
Но обратной дороги над бездною нет.

И сожгу этот мост я дотла без огня,
И Сидях никуда не уйдет от меня,
Я сожгу этот мост и другие мосты,
Чтоб никто не увидел ее красоты.

Как она белолица, нежна и тонка,
Как тепла и легка – словно летом река!
Брови – ласточки крылья на белом снегу,
А улыбка чиста, как роса на лугу.

А походка и смех? А сияющий взгляд –
Будто солнце, пробившее тучи и град?
Ее губы – как самый желанный родник,
Я, измученный жаждой, к ним бы приник!

И пока еще нет в ее теле земном
Новой, будущей жизни, вина не страшна.
Слишком тесно втроем на пути на одном,
Пусть она – для меня – остается одна!»

6

Безумье все заполнило собою,
Безумье человеком овладело,
И не любовью, завистью слепую
Обожжены душа его и тело.

Так что же вы, деревья, травы, реки,
Молчите? Иль на это нет ответа?
Добро и зло смешались в человеке,
Безумен мир – он молча терпит это!

Но разве нету в мире этом силы,
Чтоб солнцем лед бездушья растопила,
Чтоб ливнем эту зависть погасила,
Чтобы дороги злу не уступила?

И будет зло искать пути по свету,
Но всюду пропасть, и тропинок нету.
Взлететь захочет – не поднимет тела:
Земля его пустить не захотела.

А если рыбой спрячется в пучине –
Моря и реки высохнут отныне.
А будет ночью красться, чтобы скрыться, –
Вся тьма ночная солнцем озарится.

Есть в мире сила! Но безумье тайно,
Оно в душе незримое таится,
Оно себя не выдало случайно
До времени, и этого боится.

В нем столько темной зависти и злобы,
И слепоты, и ненависти разом.
Ты человек – опомнись и попробуй
Все одолеть и свой услышать разум.

Зачир уже не слышал ничего.
В пустой степи, где не видать и птицы,
Он ждал Бачира, друга своего,
Нет, выжидал. Чтоб не остановиться.

«Ну, с возвращеньем!» – выстрел прогремел.
«За что?..»
«За то, что я силен и смел,
А сильному и смелому награда.
То, что он выбрал. Прочего не надо!»

«Смерть не приносит счастья никому...»
«Смерть не помеха счастья моему!
Я сам похороню тебя, как надо,
А после будет главная награда.

А то, что было, схороню с тобой,
Здесь только степь и воздух голубой!»
«Нет, ничего не скроет и могила:
Аллах и солнце видели, что было...»

«Аллах и солнце?.. А позвал бы, что ли,
В свидетели и перекасти-поле!..»
...И вдруг, услышав черные слова,
Зеленым страхом замерла трава...

И степь померкла, и солнце в небе потускнело:
Человек лежит убитый среди трав и тишины.
Сжалось облако от боли... А убийце нету дела
Ни до жизни, ни до смерти и ни до своей вины.

7

Почему над добротой
И над честностью людской
Подлость, зависть и коварство
Торжествуют иногда?

Ходит зло в овечьей шкуре,
Даже слезы льет рекой,
Только что ему на деле
Боль чужая и беда?

И живет еще двуличье,
Спрятав истинную суть,
Так бесстыдно принимая
Добрый лик и честный вид.

Хоронил Зачир Бачира,
Провожал в последний путь.
Как он плакал над могилой –
Лучший друг его убит!..

Лучше б небо не сияло,
Лучше б солнце не светило!
Для чего ему досталось
Жить на свете, для чего?

Лучше бы его, Зачира,
Самого взяла могила,
И под буркой этой черной
Лучше б вынесли его!

Кто теперь ему поможет,
Кто ему заменит брата?
У двуострого кинжала
Острия второго нет...

Кто убийца? Будь он проклят!
Пусть найдет его расплата,
Неужели не остался
На земле кровавый след?

А убийца? Будь он проклят!
Пусть он ждет достойной мести.
О, Аллах, ведь ты всевидящ –
Покарай, не дай уйти!

Пусть застынет он на месте,
Пусть ослепнет он на месте,
Пусть нигде ему не будет
Ни дороги, ни пути!

Все слышали обманные эти слова,
Что замешены круто на пресных слезах?
Крик души этой черной слыхала вдова,
Ты, в любви своей верной, святая Сидях?

Но откуда вам знать, что случилось в степи,
Где от горя трава высыхает с тех пор?
Это случай слепой, или воля судьбы,
Или подлость исполнила свой приговор?

Но зачем вы молчите, свидетели вы,
Сам Всевышний и солнце, молчите зачем?
Нем испуганный куст почерневшей травы,
И голос самой справедливости нем.

Да, и люди молчат. Но ведь жизнь такова,
Жизнь сама заставляет смолчать иногда:
Может, страх или стыд. Может, совесть мертва.
Или радует душу чужая беда.

Вы – ковыльные дали, где ваши слова?
Нужно имя назвать, нужно правде помочь!
...И рванулась тогда по просторам трава –
Это ветер швырнул ее с яростью прочь.

8

Он прост и сложен, этот мир земной,
В нем ничего не много и не мало.
И не измерить меркою одной
Все то, что в нем единой жизнью стало.

И люди в этом мире не просты:
Одни честны и совестью чисты.
Но с ними рядом и другие есть:
Им правда – кривда, а бесчестье – честь.

Одни кричат, да пусто за душой,
Молчат другие – трусы и тихони...
Но тем и сложен этот мир большой,
Что для него никто не посторонний.

Он добр и строг, наивен и умен,
Он ранит сам и сам врачует раны,
И ничего не забывает он,
И все забыть умеет, как ни странно!

Сидях забыла мужа или нет?
Не прост вопрос, но и не прост ответ.
Наверно, нет, но и, наверно, да,
Не вечна в жизни ни одна беда.

И радость в ней не вечна ни одна.
Не верите? Судьбой своей проверьте!
...Лишь матерям до смерти боль дана
По детям их потерянным, до смерти.

Все прочее проходит, как прошли,
Меня жизнь, года и поколения.
Он есть – неумолимый зов земли,
Зов вечности, рожденья, обновленья.

А ты, Сидях? Последнею слезой
Оплакала беду свою? Довольно!
И дерево, подбитое грозой,
Встает весной – ему уже не больно.

Тебя в ауле некому винить
За то, что ты Зачира гнать не стала.
Ведь жизнь – она дана на то, чтоб жить.
И забывать. И начинать сначала.

А жизнь – она своей дорогой шла,
Прошедшее оставив за спиною,
И впереди опять она была –
С тревогою и радостью земною.

И пусть порой не видно было звезд
За тучами, и гром гремел – не страшно,
Ведь это жизнь вставала в полный рост,
Собою заслоняя день вчерашний.

А жизнь Зачира – в красоте жены,
Она прекрасна – белый свет затмила!
И прежние тревоги не должны
Ни воскресать, ни воскрешать, что было.

И разве могут быть тревоги с ней?
От всех невзгод спасет жена такая...
Живой родник пробился меж камней
И плещется, два берега лаская.

Любовью нежной полон дом их. Вот
Так полон – даже счастьем места мало!
И потому, что в нем любовь поет,
Краса Сидях как будто ярче стала.

Ему, Зачиру, свет ее видней:
Он видит то, чего другим не видно...
Все хорошо. И лишь одно обидно –
Что нет побегов у его корней.

Жена как солнце согревала дом,
Все было, как положено на свете.
Но в этом доме не рождались дети
И птицы не кружились над гнездом.

Кто род его продолжит? Жизнь длинна,
Но и она не без конца и края.
И в ком потом продолжится она?
Кого он жить оставит, умирая?

9

Идет на убыль время... За весной
Пришло и осенью сменилось лето.
И жизнь своей дорогою земной
Пришла к поре итога и ответа.

Все было у Зачира... Жизнь прожить –
Не поле перейти... Пора итога
Велит все в жизни заново сложить:
Чего в ней мало и чего в ней много?

Потери, обретения, любовь?
Совсем не это сердце беспокоит,
А та, невинно пролитая кровь.
Но ведь любовь – она и жизни стоит!

Зачем об этом думать? Так тепло
От очага ему, жене и дому...
А прошлое... Что было – то прошло,
А может, вовсе было по-другому?

Никто не скажет – мертвые мертвы,
Один свидетель – перекасти-поле.
Да что бояться высохшей травы?
Живи в любви без памяти и боли!

Садилось солнце. Был закат кровав
Вдали, в степи, за полосой трав.
И отсвет красный лег на все вокруг,
И словно кровь опять стекает с рук...

Горело солнце на исходе дня.
Он и Она сидели у огня.
Но почему озарено одно
Ее лицо? Его лицо черно?..

Но взметнулось пламя – это ветер, что ли?
Только оглянулся – за его плечом
Тот свидетель давний, перекасти-поле,
Шепчут-шепчут листья, знает он, о чем!

Усмехнулся: «Ладно, пусть сгорит и это!»
А трава на углях шепчет: «Ты убил...»
Лег на стены отсвет крови, а не света,
Только он не видел, он спокоен был.

Ворошил он пепел перекасти-поля:
«Сжег я все, что было, я себе не враг.
Не осталось рядом ни тоски, ни боли!»
...И его улыбку высветил очаг.

«Ты чему улыбнулся?» – спросила она.
«Так, историю давнюю вспомнил, жена...» –
И, уверенный в том, что любовью прощен,
Все, что было в степи, стал рассказывать он.

И закончил словами: «Любовь такова –
И светла, и слепа, и в неправде права.
Что она ни заставит – уж мне ли не знать! –
Даже брата убить, даже друга предать!..»

Что услышала Сидих?!
Как безумье это страшно!
Как в огне трава сухая,
Разом вспыхнула она,

Душу молния прожгла –
Молния беды вчерашней,
И она все той же болью
Заново обожжена.

Как огромна боль была!
И как много было боли,
Что росла в душе невинной,
Чтобы ненавистью быть,

Все сгорело в том огне
Вместе с перекасти-полем,
Но осталось все, что было, –
Ничего не позабыть...

Так, с любовью, словно тень,
Ненависть живет незримо:
Слишком разные по сути,
Жизнью связаны они.

И встают лицом к лицу
В тот свой час неповторимый,
Когда правда ждет ответа:
Что душе твоей сродни?

«Тихий вечер сегодня. А что же потом?»
Но она лишь сказала: «Кровавый закат...»
Так сидели они в своем доме пустом,
Друг на друге боясь останавливать взгляд.

Тлели искры в золе, и очаг догорал,
В человеке в тот час – человек умирал!
Ни товарища нет, ни жены, ни любви...
И заря поутру будет снова в крови.

Ты найди его, солнце, приди и найди
На холодной постели с кинжалом в груди.
Или пусть он, наказан душою живой,
Станет вечной травой, скитальцем-травой.

10

Где же твои корни,
Горькая трава?
И зачем ты просишь ветер
Услышать твои слова.

И какого ждешь ответа,
И какой ты ищешь след,
Повторяя: «Было это?
Было это или нет?..»

Как переменчив мир,
И как он вечен:
Зима и лето,
Солнце и туман.

Вот день проходит,
Кем-то не замечен,
А в нем и страсть,
И вера, и обман.

Все на земле
Останется собою,
И черное,
И белое – собой;

И солнце – солнцем,
И любовь – любовью,
И горе – горем,
И судьба – судьбой.

Нет ничего случайного –
Ни боли,
Ни радости, –
Тем жизнь и хороша,

Чего ж ты ищешь,
Перекати-поле,
Прощенья,
Не нашедшая душа?

ОГНЕННЫЙ ВСАДНИК

1

Сосруко все на свете может,
Могучий и всеильный нарт¹.
Пусть осень горный лес обгложет,
Захочет он – вернется март.

Нет тропки над ущельем тесным?
Захочет он – и будет мост.
Захочет – горы сдвинет с места
И на коне взлетит до звезд.

Взлетит он к звездам, мост воздвигнет,
О-ри-рацэри-орида,
Весну вернет и горы сдвинет,
О-ри-рацэри-орида!

Сосруко может все на свете!
Не может он лишь одного:
Рождать огонь, что тёпл и светел,
Чтоб людям подарить его.

¹ Н а р т – легендарное племя (адыг.).

2

В горах вблизи селенья жили
Сосруко давние враги,
Они, прознав о том, решили
Все уничтожить очаги.

Их злоба черная клокочет,
Пролившись грозною бедой:
Из каменных огромных бочек
Огонь у всех залит водой.

Продрогли люди, их одежду
И обувь негде просушить.
Вернет ли нартам кто надежду?
Ведь без огня им не прожить!

Нигде и уголька не тлеет,
И нет уюта без тепла.
Казался в полдень день чернее,
Чем днище древнего котла.

Хоть солнце в небе не погасло,
Не проживешь ты им одним:
Над очагом – сырое мясо,
И не струится пар над ним.

И сердце каждого кричало
Подбитой птицею во мгле:
«Огонь – извечное начало
Всего живого на земле!

Огонь, ты жизни всей истоки,
О-ри-рацэри-орида,
Тебя сгубил наш враг жестокий,
О-ри-рацэри-орида!»

3

Сосруко! Где, скажи на милость,
Ты был, когда здесь вспыхнул бой?
Куда исчез и что случилось
В дни эти тяжкие с тобой?

Врагов ты испугался, что ли?
Иль жизнь свою решил сберечь?
Но помнят все, как в чистом поле
Врагов разил твой грозный меч.

Ты можешь нам вернуть удачу,
Вновь завладеть для нас огнем!
Ты слышишь? Это дети плачут
И наши женщины – о нем.

А нарт молчит, не отвечает,
Внимая скорбным голосам.
Лишь хмуро головой качает:
Он эту правду знает сам.

Сосруко может все на свете!
Он не умеет одного:
Рождать огонь, что тёпл и весел,
Чтоб людям возвратить его.

Нет тропки над ущельем тесным?
Захочет он – и будет мост,
Захочет – горы сдвинет с места
И на коне взлетит до звезд.

Но мощь его не без секрета:
Не может лишь огонь добыть!
И великаны, зная это,
Его решили погубить.

Сосруко – славный, храбрый воин,
За нартов всех стоит стеной,
Он молоком горянки вспоен,
Взращен своей землей родной.

«Настал черед мой! Будь что будет! –
Сосруко молвит в тишине. –
Вернуть огонь я должен людям,
Они помогут в этом мне.»

Они мне все помогут в этом,
О-ри-ращэри-орида.
Так в путь же за теплом и светом,
О-ри-ращэри-орида!»

4

Сосруко двинулся с отрядом
Вернуть опять огонь, а он
Пылал костром в долине рядом!
И виден был со всех сторон.

Стреляют искрами поленья,
Румянят мясо, пар шипит,
И видно даже из селенья,
Что у костра хранитель спит.

То великан был одноглазый,
Он, притворившись спящим, тут
Ждал, не открыв свой глаз ни разу,
Пока джигиты подойдут,

Чтобы огонь для нартов выкрасть,
Вернуть в родную сторону...
И думал он, пойдя на хитрость:
«Сосруко ловко обману!»

Поближе подойди немного,
Смелей! Бери огонь! Прошу...
Я растопчу у вас пороги
И очаги перепашу!»

Трещит костер, взметая искры,
Полнеба отдано огню.
Спускается Сосруко быстро
В долину, говоря коню:

«Хитрить задумал он? Напрасно!
Схитрим и мы, мой верный конь!»
И конь Тхожий заржал согласно:
«Попробуй нас с Сосруко тронь!»

Тхойж гордился другом смелым,
О-ри-рацэри-орида.
Удача будет их уделом,
О-ри-рацэри-орида!

5

Трещит костер, большой и яркий,
Сосруко смотрит на него:
Здесь угольков так много жарких,
Ему б хватило – одного!

Огонь волшебный танец пляшет,
Но как добыть его суметь?
Не в нем судьба ли скрыта наша?
И наша жизнь, и наша смерть?

Горит огонь... Циклоп на страже,
Все так же у костра лежит.
Огонь не подлежит продаже,
И краже он не подлежит!

Пусть не уйти потом от мести,
Пусть меч пронзит внезапно грудь,
Не запятнав коварством чести,
Как богатырь его добудь!

Все ближе бьют копыта в камень,
И одноглазый страж огня,
Злорадством наполняясь, замер,
На руку голову склоня.

Три раза прокричал Сосруко –
Циклоп и глазом не моргнул,
И нарт тогда нарочно руку
За головешкой протянул.

Вмиг злобный великан поднялся,
Схватив за кисть Сосруко, он:
«Ты вор! – воскликнул. – Ты попался,
За кражу будешь ты казнен!

Погибнешь, горец, в страшных муках,
А хочешь жить – без всякой лжи
Ты расскажи мне о Сосруко:
Где силу он берет, скажи!»

Кривил душою одноглазый.
Он ждал: прибудет гость верхом.
Сосруко он, конечно, сразу
Признал в богатыре лихом.

Но и Сосруко ждал уловки,
О-ри-рацэри-орида:
Он сам – хитрец довольно ловкий,
О-ри-рацэри-орида!

6

«Ответить сразу нелегко мне:
Знал много – много позабыл.
Три случая, пожалуй, вспомню,
Свидетелем которых был».

«Сосруко на тебя похожий?
Он крив, как ты, сородич твой?» –
«Не знаю в точности... Быть может.
Но я-то, я-то не кривой!»

Тут в смехе великан зашелся,
Загрохотал и загремел:
«Красавец, тоже мне, нашелся!
Вот я – красив! К тому же – смел!»

Был рад циклоп тем шуткам вздорным,
Так засмеялся он опять,
Что речки все по руслам горным
Испуганно метнулись вспять.

От непомерной силы звука
До звезд огонь крыло простер,
И испугался вдруг Сосруко:
Погасит великан костер!

«Да-да, – сказал он, – ты пригожий
По всем статьям, как погляжу.
Но вот о смелости того же
Пока, ей-богу, не скажу».

«Молчать! Вот я тебя... А ну-ка
Рассказывай, да поживей,
Чем забавляется Сосруко,
Играя силою своей?»

И смог бы он, себе на горе,
О-ри-рацэри-орида,
Со мной хоть в чем-нибудь поспорить,
О-ри-рацэри-орида?!»

7

«Поспорить? Что ж, попал ты в точку.
Сосруко был силен, когда
С горы Оштен спустили бочку:
Он лбом загнал ее туда!»

«Как называется забава?
Она по нраву моему!» –
«Названия не знаю, право:
Оно известно лишь ему».

«Видать, вы преданы друг дружке...
Но где же бочка для игры?
Тащи ее, спускай с макушки
Своей задрипанной горы!»

И бочку нарты смастерили!
Все было сделано хитро:
Они камнями набили
Ее огромное нутро.

Скатали бочку с грозной кручи...
Так содрогнулась вся земля,
Что разлетелись в небе тучи,
Дугой согнулись тополя.

Бежать всему живому впору!..
Но, твердый свой подставив лоб,
Ту бочку зашвырнул за гору
Одним движением циклоп.

И крикнул: «Хороша затея!
Мне по душе такая роль:
Стал лучше видеть в темноте я,
И в голове исчезла боль».

Всех одноглазый удивляет,
О-ри-рацэри-орида:
Свою он силу восхваляет,
О-ри-рацэри-орида!

8

Но удивляться тут чему же?
Циклоп силен, что есть, то есть...
Еще два случая не хуже
В запасе у Сосруко есть.

Не устает себя он славить,
Грозя и другу, и врагу:
«Я с ног на голову поставить,
Коль захочу, весь мир могу!»

«Еще батыр считал полезным
Поплывать всласть, но не в воде,
Купался он всегда в железной,
Крутой, расплавленной руде».

Корыто мастерит дружина,
Вот так посуда, ну и ну:
В длину – сто двадцать два аршина
И сорок восемь – в ширину!

Смеется одноглазый звонко,
Досужих мастеров кляня:
«Здесь не утопишь и цыпленка,
А вы задумали – меня!»

Кипит руда, огнем искрится,
Циклоп по шею погружен.
И как ребенок веселится,
Купанием доволен он.

«Ну, как купание? – Годится!
Нырну еще разок-другой,
С утра болела поясница –
Сняло все боли, как рукой».

«Тебя мне беспокоить жалко, –
Сказал Сосруко. – Но учти,
Сейчас положена закалка:
Придется к морю нам идти.

С закалкой третий случай связан,
О-ри-рацэри-орида:
Остыть в воде циклоп обязан,
О-ри-рацэри-орида!»

«Воды не бойся, прыгай смело,
Смывай скорее с тела жар!»
Сердито море закипело,
Когда циклоп в него вбежал.

Нырять, фыркает, резвится,
Волну ладонями круша:
«Какая славная водица!
Ах, до чего же хороша!»

Сосруко вымолвил негромко:
«Теперь тебе бы полежать;
Теперь нужна еще соломка,
Чтоб мягче было отдыхать».

Нужна соломка, право слово,
О-ри-рацэри-орида.
Циклопа проучить готов он,
О-ри-рацэри-орида!

Ах, великан, зачем хитришь ты?
Вот и соломы три скирды.
Сосруко сплюнул, дунул трижды –
И море вмиг сковали льды.

Из плена рвется одноглазый,
Белугой раненой орет,
Хотел освободиться сразу,
Но грудь все туже давит лед.

«Конец. Навеки успокоюсь, –
Сказал циклоп. – Но на спине
Себе пошире вырежь пояс,
Носи, как память обо мне».

«Как память? Что же – это можно.
Гляди-ка, пояс непростой!»
Но тут Тхожий заржал тревожно;
«Не подпоясывайся, стой!..»

Тогда могучий дуб Сосруко
Тем поясом обвил, и враз
Тот наземь грохнулся со стуком,
Засох мгновенно и угас.

Стал нарт лицом темнее тучи:
«Так, значит, здесь от колдовства
Погиб столетний дуб могучий
И превратилась в тлен листва?..»

Был он страшнее урагана,
В тот день же, по округе всей,
Смерть наступала великанов,
Циклопа преданных друзей.

Как листья, головы слетали,
О-ри-рацэри-орида:
И великаны прахом стали,
О-ри-рацэри-орида.

10

О чем задумался, Сосруко?
Ты силу показал врагам.
Бери огонь скорее в руки,
Неси к родимым очагам.

Он нартам жизнь вернуть поможет,
Сыт будет каждый, обогрет.
...Сосруко все на свете может –
Лишь на огонь ему запрет.

Нет тропки над ущельем тесным?
Захочет он – и будет мост.
Захочет – горы сдвинет с места
И на коне взлетит до звезд.

Взлетит он к солнцу, мост воздвигнет,
О-ри-рацэри-орида,
Весну вернет и горы сдвинет,
О-ри-рацэри-орида.

Сосруко может все на свете!
Не может только одного:
Рождать огонь, что тёпл и светел,
И людям отдавать его.

И великаны знали это!
(Бывают в жизни чудеса.)
Переступи порог запрета –
И в факел превратишься сам.

Бери огонь! Бери, не мешкай:
Ты ж счастье для людей искал!
И взял Сосруко головешку
И, вспыхнув, к дому поскакал.

Он мчится, пламенем объятый,
Прядет ушами верный конь,
Теперь не может враг заклятый
У нартов отобрать огонь.

Горящей, огнекрылой птицей
К родным и милым берегам
Сосруко мчится, мчится, мчится,
Жизнь возвращая очагам.

Он мчится, и уже не саднит
Под сердцем боль, крепка рука.
...Скачи же, огнеликий всадник,
Гори на радость всем векам!

Свети звездой под отчим небом.
Пусть доброты не гаснет пыл,
Чтоб всюду пахло свежим хлебом
И человек счастливым был.

Тебя благодарят сердечно
Все соплеменники твои. Огонь
Добра, пылай же вечно
У нарта каждого в крови!

СОЛНЕЧНЫЕ ДОРОГИ

В этой книге много дорог. Больших и малых. Очень широких и очень узких. Медленных, будто сумерки, и стремительных, будто солнечные лучи. Дорог, у которых все впереди, и дорог, проржавевших, как стволы кремневых ружей.

По всем этим дорогам тебя, читатель, поведет Исхак Машбаш. Это не экскурсия. Здесь не будет традиционных слов экскурсовода: «Взгляните направо... а теперь взгляните налево...»

Не будет хотя бы потому, что все дороги, по которым пройдешь ты, идут через сердце поэта. А в нем – в сердце – все важно, все значительно, все необходимо.

Для чего необходимо? Для жизни.

Ты узнаешь, как просыпается дождь и как он скользит по зеленым поднятым рукам веток. Ты дотронешься ладонью до звезд, похожих на спелые груши, и вздрогнешь от стука падающих груш, похожих на звезды. Ты услышишь, как над землей хохочет январь. Ты медленно вдохнешь тысячетонный дымок самшитовой трубки. Ты пройдешь нелегкими дорогами памяти и вместе с поэтом повторишь:

«Нету в этом моей вины:
Никогда я не видел войны...»

А потом, на секунду остановившись, тревожно оглянешься вокруг и, обращаясь к самому себе, обращаясь ко всем людям нашей такой огромной, такой маленькой планеты, скажешь:

«Нету в этом моей вины,
Никогда не забыть мне войны».

Войну невозможно забыть, потому что слишком великолепен, слишком труден и тревожен мир, в котором живем мы. Войну невозможно забыть еще и потому, что:

Не знаю, сколько на планете вдов.
Я знаю лишь одно: их много-много.
В них все так бесконечно одиноко –
От редких слов до невеселых снов...

Суровая вещь – память. Суровая и необходимая. Ведь только в соприкосновении с ней радуга приобретает свои настоящие краски, утро становится песенным и неповторимым, дыхание ребенка – самым значительным и прекрасным.

Шагая по дорогам этой книги, ты, читатель, подружишься с мудрыми земляками Исхака Машбаша – жителями адыгэ-черкесских аулов. Почув-

ствуешь тепло их гостеприимных очагов, доверишься и поверишь их сердцам, высоким как горы.

Много дорог в этой книге. Дорог медленных, будто сумерки, и стремительных, будто солнечные лучи. Это дороги поэзии, дороги Исхака Машбаша.

Но это и твои дороги, читатель.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
1967 г.

ИСХАК МАШБАШ

Исхак Машбаш родился 28 мая 1930 года в ауле Урупский Успенского района Краснодарского края. В 1951 году окончил Адыгейское педагогическое училище, в 1956 году – с отличием Литературный институт им. М. Горького, в 1962 году – факультет журналистики Московской Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

С 1958 по 1989 годы – депутат Адыгейского и Краснодарского краевого Советов народных депутатов. В 1989 году избран народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР. В I, II, V, VI созывах – член Общественной палаты Российской Федерации.

С 1962 года по настоящее время – председатель правления Союза писателей Адыгеи. Сопредседатель правления Союза писателей России, академик Адыгской (Черкесской) международной академии наук, академии наук Абхазии, почетный доктор Адыгейского, Кабардино-Балкарского и Майкопского технологического университетов, почетный гражданин г. Майкопа.

Исхак Машбаш – автор десятков поэтических и прозаических книг, издано собрание сочинений в 20-томах на адыгейском и русском языках. Пере-

вел на адыгейский язык: «Слово о полку Игореве», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина, поэмы «Беглец» М.Ю. Лермонтова, «Железная дорога» Н.А. Некрасова, «Двенадцать» А.А. Блока, «Анна Снегина» С.А. Есенина, «Облако в штанах» В.В. Маяковского, «Коран».

Стихи и проза И.Ш. Машбаша переведены на многие языки мира, в том числе на английский, китайский, французский, испанский, арабский, турецкий.

Исхак Машбаш – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреат Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии имени М.А. Шолохова. За большой вклад в отечественную литературу награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степеней, орденом «Дружбы народов», орденом «Честь и слава» Абхазии, орденом «За заслуги перед республикой Дагестан», удостоен золотой медали «Борец за мир». Награжден почетным знаком «Общественное признание» России. Занесен в Зал национальной трудовой славы за 2014 г. На родине сооружен бронзовый бюст писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Михалков. Счастлив от молодости. 5

Стихотворения

Поэзия – радость моя. Перевод В. Твороговой . . . 9

Ты сердце моё. Перевод В. Твороговой 11

Земля. Перевод В. Твороговой. 13

Пахарю, сеятелю. Перевод В. Твороговой . . . 15

Сто первая гора. Перевод В. Твороговой 17

Добрый голос твой. Перевод В. Твороговой . . 19

Свет. Перевод В. Твороговой 21

Движение. Перевод В. Твороговой 22

Ожидание. Перевод В. Твороговой. 24

Добрые слова. Перевод В. Твороговой. 26

Противостояние. Перевод В. Твороговой 27

Продолжение. Перевод В. Твороговой 29

Говори со мной. Перевод В. Твороговой. . . . 31

Радость удивления. Перевод В. Твороговой . . 33

Мосты. Перевод В. Твороговой 35

Светлое имя твоё. Перевод В. Твороговой . . . 37

Спой мне песню. Перевод В. Твороговой	39
У каждого своя улыбка. Перевод Л. Бахаревой	41
Живи, добро верши. Перевод В. Твороговой . . .	43
Первопроходцам. Перевод В. Твороговой . . .	44
Идущим за горизонт. Перевод В. Твороговой . .	46
Мне нравятся сильные духом. Перевод В. Твороговой	48
Поиск. Перевод Л. Бахаревой	50
В этом мире прекрасном. Перевод В. Твороговой	52
И снится мне берег далёкий. Перевод В. Твороговой	54
Мгновения. Перевод В. Твороговой	55
Давным-давно. Перевод В. Твороговой	57
Старая мельница. Перевод В. Твороговой . . .	59
Вдовы. Перевод Л. Бахаревой	61
Белый конь. Перевод С. Поликарпова	62
Старинная песня. Перевод Л. Бахаревой	64
Парламентер. Перевод В. Твороговой	65
Груша падает на рассвете. Перевод Л. Бахаревой	67
В бане. Перевод Л. Бахаревой	69
Я не был убит. Перевод Л. Бахаревой	70
История нам простит? Перевод В. Твороговой	72

Опять в мире стало сложно. Перевод В. Твороговой	74
Шаги. Перевод В. Твороговой	76
Мой шар земной. Перевод Л. Бахаревой	78
Все с риска начинается. Перевод В. Твороговой	80
Пуля. Перевод О. Шевченко	82
В ненастный день. Перевод В. Твороговой . . .	84
У каждого цель своя. Перевод В. Твороговой . .	86
Счастье. Перевод В. Твороговой	88
Дай мне радости, жизнь. Перевод В. Твороговой	89
Я жизнь открываю вновь. Перевод В. Твороговой	91
Песня веселой бабочки. Перевод В. Твороговой	93
Огонь. Перевод В. Твороговой	95
Мужчины играют в бильярд. Перевод В. Твороговой	97
Добрый наш очаг. Перевод Л. Бахаревой . . .	99
Эту песню мужчины поют. Перевод В. Твороговой	101
Впервые у моря. Перевод В. Твороговой	103
Свет земной. Перевод В. Твороговой	105
Время бегущее, время не ждущее. Перевод В. Твороговой	106

Здравствуй! Перевод В. Твороговой	108
Быть мягче к себе и другим. Перевод В. Твороговой	110
Ураганы в пути. Перевод В. Твороговой	112
Поля. Перевод В. Твороговой	114
Эти руки – два моих крыла. Перевод В. Твороговой	116
Межпланетные тропы. Перевод Л. Бахаревой	117
В ночной тишине. Перевод Л. Бахаревой	119
Белый и чёрный. Перевод О. Шевченко	121
К вам утро идёт. Перевод Л. Бахаревой	122
В час приход утра. Перевод В. Твороговой	124
Приходи с доброй вестью. Перевод В. Твороговой	126
В час восхода солнца. Перевод В. Твороговой	127
И мне, и травам хорошо. Перевод В. Твороговой	128
Солнце пело песню. Перевод В. Твороговой	129
Радостное утро моё. Перевод В. Твороговой	131
Так хорошо на душе у меня. Перевод В. Твороговой	133
За горизонтом – горизонт. Перевод В. Твороговой	134
Всю жизнь в дороге. Перевод В. Твороговой	136

Плыл «Миклухо-Маклай» по амурским волнам. Перевод В. Твороговой	137
В гостях у ненцев. Перевод В. Твороговой	139
Стихи, написанные в краю красного солнца. Перевод В. Твороговой	141
В солнечной Болгарии. Перевод В. Твороговой	143
На Восточном базаре в Дамаске. Перевод В. Твороговой	145
Город, забытый в пустыне. Перевод В. Твороговой	147
Акинак. Перевод В. Твороговой	149
Руины Баальбека. Перевод В. Твороговой	151
Стихи, написанные в Ливане. Перевод В. Твороговой	153
Турецкий берег. Перевод В. Твороговой	155
И я чужой на этом берегу. Перевод В. Твороговой	157
Стихи, сказанные в день отлета. Перевод В. Твороговой	159
В самолёте над Турцией. Перевод В. Твороговой	160
Пора молодого вина. Перевод В. Твороговой	162
Синяя птица. Перевод В. Твороговой	164
Мы живём на Земле. Перевод В. Твороговой	166

Не зря человеку дано. Перевод В. Твороговой	167
На перевале твоей высоты. Перевод В. Твороговой	169
Стихи, сказанные после завершения романа «Хан-Гирей». Перевод В. Твороговой	171
Не обойдите добрым светом. Перевод В. Твороговой	172
Я не был в жизни одиноким. Перевод В. Твороговой	173
Согрейте меня добротой. Перевод В. Твороговой	174
Доброта. Перевод В. Твороговой	176
Лучшие слова. Перевод В. Твороговой	178
Еще раз о доброте. Перевод В. Твороговой	180
Честность. Перевод В. Твороговой	181
Далеко искать ее не надо. Перевод В. Твороговой	182
Право жить. Перевод В. Твороговой	184
Ты велика и прекрасна! Перевод В. Твороговой	185
Улицы. Перевод В. Твороговой	186
Высота. Перевод Л. Бахаревой	188
Висячий мост. Перевод В. Твороговой	189
Вслед сгоревшей звезде. Перевод В. Твороговой	191

Верь и опору в людях находи. Перевод В. Твороговой	193
Поделись с рекою и со мной. Перевод В. Твороговой	195
Больно. Перевод В. Твороговой	196
Приглашение. Перевод В. Твороговой	198
Самшитовая трубка. Перевод Л. Бахаревой	200
Вечное дерево. Перевод В. Твороговой	202
Хакучинский перевал. Перевод В. Твороговой	204
Убыхи. Перевод В. Твороговой	206
Прошепчу, как молитву, слова. Перевод В. Твороговой	207
В доме Пушкина на Мойке. Перевод Р. Рождественского	209
Стихи, написанные в Михайловском. Перевод В. Твороговой	211
Путь к тебе, Россия. Перевод Л. Бахаревой	213
Адыги. Перевод В. Твороговой	215
Черкеска. Перевод В. Твороговой	217
Расскажи еще раз о нартах. Перевод В. Твороговой	219
Ты щедра, горяча, холодна. Перевод В. Твороговой	221
Безымянным ручьям. Перевод В. Твороговой	223

К легким словам не приучен. Перевод В. Твороговой	225
Канатоходцы. Перевод В. Твороговой	227
Мальчишки купают коней в реке. Перевод В. Твороговой	229
Щедрость. Перевод В. Твороговой.	230
Ласточки купаются в дожде. Перевод В. Твороговой	232
Общий двор. Перевод В. Твороговой	233
Вечный мальчик. Перевод В. Твороговой	235
Мама. Перевод В. Твороговой	237
Отчий дом. Перевод В. Твороговой	238
Перед белой горой. Перевод В. Твороговой.	239
Дело не мое. Перевод Л. Бахаревой.	240
В час между ночью и днем. Перевод В. Твороговой	242
Счастлив вашим счастьем. Перевод В. Твороговой	243
Начало танца. Перевод Л. Бахаревой	245
Встреча. Перевод В. Твороговой	246
Грусть на берегу моря. Перевод В. Твороговой.	247
Ну и пусть говорят. Перевод В. Твороговой	249
Майский дождь. Перевод В. Твороговой	251
Тост. Перевод В. Твороговой	252

Поющая синева. Перевод В. Твороговой.	254
Ты о жизни спросила. Перевод В. Твороговой	255
Цвет ветра. Перевод В. Твороговой	257
Глаза. Перевод Л. Бахаревой	259
Трясите крону щедрую мою. Перевод В. Твороговой	261
Четыре улыбки. Перевод В. Твороговой	262
Двадцать песен. Перевод В. Твороговой.	263
И деревом станет зеленый росток. Перевод В. Твороговой	265
Стихи, сказанные в полдень. Перевод В. Твороговой	266
Внезапный ветер. Перевод В. Твороговой.	268
Светлая осень. Перевод В. Твороговой.	269
Радуга на горном склоне. Перевод В. Твороговой	270
Одинокий танец на скале. Перевод В. Твороговой	272
Одинокому дереву. Перевод В. Твороговой.	273
Деревья. Перевод В. Твороговой	274
Лошадь, плакавшая у обочины дороги. Перевод В. Твороговой	275
Не познал бы доброты и света. Перевод В. Твороговой	277
Продолжение пути. Перевод В. Твороговой	279

Поющие капли. Перевод В. Твороговой	280
И кружится времени круг. Перевод В. Твороговой	282
Стихи, пришедшие тоскливым днем. Перевод В. Твороговой	283
Разные ветры стучатся в дома. Перевод В. Твороговой	284
Самбо. Перевод В. Твороговой	286
Тиха планета, прохладен ветер. Перевод В. Твороговой	288
Сказки детства. Перевод В. Твороговой	289
Скачки. Перевод Л. Бахаревой	291
Мир тебе, человек. Перевод В. Твороговой	293
Все откроется в пути. Перевод В. Твороговой	294
Дороги. Перевод Л. Бахаревой	296
Ночной вызов. Перевод В. Твороговой	298
С добрым утром. Перевод В. Твороговой	300
Поднимусь к облакам. Перевод В. Твороговой	301
В окно постучала весна. Перевод В. Твороговой	302
В пору цветения вишни. Перевод Л. Бахаревой	304
Иду к тебе. Перевод Л. Бахаревой	305

Теплый дождь. Перевод В. Твороговой	306
В степи. Перевод Л. Бахаревой	308
Ты улыбнулась мне. Перевод В. Твороговой	309
И открою, и узнаю, и пойму. Перевод В. Твороговой	310
Опять мы вдвоем. Перевод В. Твороговой	312
Гордая. Перевод В. Твороговой	314
Не молчи. Перевод В. Твороговой	316
Белая песня. Перевод В. Твороговой	318
Листопад. Перевод В. Твороговой	319
Вновь тебя увижу впереди. Перевод В. Твороговой	321
А за болью – мечта. Перевод В. Твороговой	323
Я по каплям соберу волну. Перевод В. Твороговой	325
На левом берегу. Перевод В. Твороговой	327
Лишь тебе не скажу. Перевод В. Твороговой	329
Мне о тебе напомнил ветер. Перевод В. Гордейчева	331
И доброта, и ласка, и тепло. Перевод В. Твороговой	332
Все когда-то повторится. Перевод В. Твороговой	334
В Гузерипле, в осеннем лесу. Перевод В. Твороговой	335

За перевалом слов напрасных. *Перевод В. Твороговой* 337
Улица стала светла. *Перевод В. Твороговой* . . . 338
Не забудь. *Перевод Л. Бахаревой* 340
Стихи, сказанные женщине. *Перевод В. Твороговой* 342

Поэмы

Память. *Перевод В. Твороговой* 347
Песня. *Перевод В. Твороговой* 364
Адиюх. *Перевод В. Твороговой* 381
Перекасти-поле. *Перевод В. Твороговой* 394
Огненный всадник. *Перевод И. Курлат* 415

Солнечные дороги. *Роберт Рождественский* . . . 430
Исхак Машбаш 433

Исхак Шумафович Машбаш

ЖИВИ, ДОБРО ВЕРШИ

Стихотворения, поэмы

Редактор **Л. З. Гоголева**
Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2017. Подписано в печать
00.00.2017. Формат 70х90/32. Бумага офсетная. Гарнитура
шрифта «JournalSansC». Печать офсетная. Усл. п. л. 00,00.
Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ 0000.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Каче-
ство».
385000, РА, г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2.